ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 2 ЯНВАРЬ 1991

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 2 (3312)

5—12 января

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Коллаж Олега Грачева (см. в номере материал «Куклы так похожи на людей»).

Коммерческий директор — Л. Г. АЙРАПЕТЯН.

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп., на полгода — 23 руб. 40 коп., на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 14.12.90. Подписано к печати 29.12.90. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 825 000 экз. Заказ № 3152. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Георгий РОЖНОВ,
обозреватель «Огонька»

Фото
А. ГОСТЕВА,
Ю. ФЕКЛИСТОВА
и А. ВУЛКАНИ.

ДИКТАТ

Убежден, я не одинок в своей уверенности: как не сказали нам сразу правду о подлинных причинах и механизме свержения шефа МВД Бакатина, так и не скажут уже. Рискну поэтому предположить, что версия, высказанная мною в последнем номере прошлогоднего «Огонька», если уж не абсолютно верна, то близка к истине — ее никто не опровергает. На молчальников работает не только время: пока мы размышляли о тихом уходе Бакатина, на весь мир грянуло заявление об

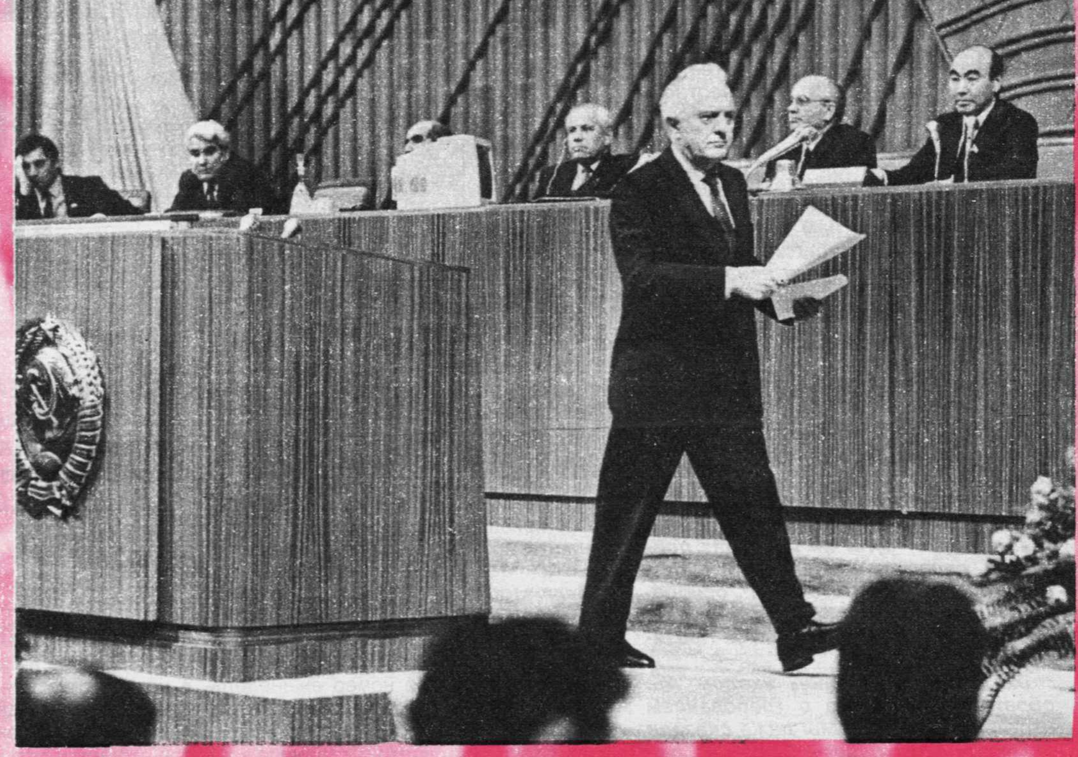

отставке министра иностранных дел Шеварднадзе. Потрясло не только известие — мотивы, которыми Эдуард Амвросиевич поделился перед депутатами 4-го Съезда и перед всеми нами. И оказалось, что много общего, схожего в этих отставках двух крупных политиков из ближайшего окружения Горбачева. Не звенья ли это одной цепи, каждое из которых есть резон разомкнуть и рассмотреть внимательнее? Тем более что и сам Шеварднадзе приглашает к этому: «Случайно ли заявление двух членов парламента о том, что удалось убрать министра внутренних дел и теперь пришло время рассчитаться с министром иностранных дел?»

Заметили, как назван теперь уход Бакатина? Его убрали. Плохо вяжется с «переходом на другую работу», как велено полагать по Указу Президента, не правда ли?

Думаю, все мы уже догадались, кто были двое парламентариев («...ребята... молодые, в погонах полковников»), которым так лихо и споро удалось свалить двух министров. Дипломат Шеварднадзе фамилий их, правда, не помянул, а вот депутат от «афганцев» прямодушный Резо Оджиев не сдержался: каска, я вас знаю! Это он о полковнике Петрушенко вспомнил, инструкторе по пропаганде и агитации политотдела. Ну, а второй ниспровергатель — полковник Алкснис, старший инженер-инспектор войсковой части. Как и советовал Эдуард Амвросиевич, газеты со стенограммами выступлений этих парламентариев на сессии Верховного Совета и четвертого Съезда народных депутатов СССР я перечитал, нашел там нелестные отзывы об обоих нелюбезных полковникам министрах. Алкснис, к примеру, в середине ноября разнес Бакатина, потом напустился на Шеварднадзе, в том же месяце Петрушенко и семь его единоверцев из группы «Союз» составили против обрядных им членов правительства целое заявление. Ну и что с того? Насколько я знаю, критика непримиримых полковников ни на парламент, ни на Съезд депутатов особого впечатления не произвела, вопрос о вотуме доверия Бакатину или Шеварднадзе в повестке дня не стоял. Вспомните-ка, сколько раз, на скольких заседаниях депутаты громили и министра финансов Павлова, и министра путей сообщения Конарева, в премьера Рыжкова сколько словесных камней было брошено!

Да и мало ли что депутаты предлагают, требуют то сокрушить, это изменить, переиначить... Чьи предложения едва ли не мгновенно воплощаются в Указ Президента, как в случае с Бакатиным, или предрешают отставку столь популярного политика, как Шеварднадзе?

А стоило полковникам дать несколько залпов по двум мишеням в правительстве, не то что сразу попали — свалили наповал. Прямо ворошиловские стрелки!

Шеварднадзе уходил в отставку у нас на глазах, все, что счел нужным сказать, мы слышали и, надеюсь, еще услышим на скорой теперь сессии Верховного Совета СССР. Бакатина же, повторяю, убрали тихо, потаенно, официальные лица старательно делают вид, что вообще ничего не произошло. Но есть деятели, которые своей причастности к его свержению не скрывают. Вот и интересно, какой же стратегический ход изобрел хотя бы один военспец — Петрушенко, какие конкретные шаги предпринимал в наскоках на министра за стенами зала заседаний парламента?

Полагаю, что в столь деликатной ситуации читатель примет на веру только то, что услышит от самого Петрушенко. Так мы и поступим: рассказывать будет полковник, а поможет ему давний заединщик, служащий по гражданскому ведомству,— заведующий лабораторией охраны труда объединения «Эстрыбпром» Коган, помните, грозный такой депутат, который недавно прямо на сессии одного своего коллегу едва за грудки не взял.

Словом, пусть говорят.

ПЕТРУШЕНКО: Сессия Верховного Совета СССР разъехалась на каникулы перед праздником (годовщины Октября.— Г. Р.). И вот собрались семь депутатов группы «Союз» и решили, что будем пробиваться к Президенту... С утра мы начали готовить документ, который потом пошел как наше заявление.

КОГАН: В нашем заявлении мы требовали немедленного расследования деятельности министра внутренних дел СССР Бакатина и его отставки...

Не так давно по требованию правительства Молдовы из Тирасполя выводились внутренние войска. Когда эти части уходили, они забрали с собой и оружие. Но кто потом дал команду вооружить этим оружием добровольцев-молдаван, кто способствовал, чтобы оно попало через несколько недель в руки людей, стрелявших в безоружных? Нет сомнения, что это не без ведома Бакатина... Бакатин стоит на позиции, что конституция СССР устарела, не может исполняться. Но, пока конституция (ей-богу, это не я слово «конституция» с маленькой буквы написал! — Г. Р.) не пересмотрена съездом, он обязан ее выполнять. А если министр Бакатин не защищает тех граждан, которые отстаивают интересы Союза, он не может быть министром.

Не знаю, как кто, а я, узнав подобное, похолодел и делаю перерыв в рассказе двух депутатов. Батюшки светы, да МВД и впрямь руководил преступник! Разоружить подчиненные тебе войска и отдать тысячи пистолетов, автоматов, пулеметов для братоубийственной войны — что это, как не воинское преступление? Это же не сгоряча, а вполне печатно утверждает народный депутат СССР. Как не верить?

Вопрос за вопросом задаю заместителю начальника Политического управления внутренних войск МВД СССР генерал-майору Нечаеву. Правда ли, что у выводимых из Тирасполя частей ВВ было отобрано оружие? Правда ли, что его раздали добровольцам? Правда ли, что команду дал тогдашний министр?

Генерал Нечаев, по долгу своей службы опекающий журналистов, привыкший к каверзным их вопросам в Баку и Тбилиси, Ереване и Степанакерте, услышав меня, не просто потерял дар речи. Он обалдел. А затем гаркнул так, что задрожала мембрана моего диктофона:

— Это чушь, постыдная и наглая! У нас табельное оружие, каким добровольцам, каким экстремистам мы смеем его раздавать? Глупость — вот что такое подобное заявление. И еще — при чем тут Тирасполь? Я сам входил с нашими войсками в Молдову, но в Тирасполе ни одного солдата ВВ не было и быть не могло. Что же касается добровольцев, или, как их там называли, волонтеров, так ведь наши войска и прибыли в Молдову для того, чтобы защитить от них гагаузов и русскоязычное население!

Наш командующий генерал-полковник Шаталин заявил на всю страну об антиконституционных действиях премьер-министра Молдовы Друка и министра внутренних дел Косташа, сформировавших отряды так называемых добровольцев. В ночь прибытия в Кишинев я вместе с генералом Косташем встречался с командованием волонтеров и официально заявил им: внутренние войска совместно с противоправными отрядами действовать не будут, мы требуем немедленного их отвода и роспуска.

От себя добавлю: первые бронетранспортеры ВВ, входившие в Гагаузию, засыпались цветами, солдатам несли караваи хлеба, крынки молока. Всегда бы так, везде бы так... Думаю, именно это особенно разгневало представителей группы «Союз», желающих, по всей вероятности, видеть в войсках МВД лишь карательный корпус, бронированный кулак для подкрепления имперских амбиций милого их сердцу унитарного государства, и побудило депутатов Когана и Петрушенко обрушиться и на эти войска, и на Бакатина с наветами. Но вернемся к их рассказу.

КОГАН: Мы добились приема у руководства в Кремле во второй половине дня 2 ноября после того, как прошла встреча М. С. Горбачева с президентом Снегуром. Нашу группу принимали Горбачев, Рыжков и Лукьянов.

ПЕТРУШЕНКО: Разговор продолжался больше часа... Встал вопрос о министре внутренних дел, а потом пошел на более широкие темы.

КОГАН: Я обратил внимание Президента на то, что член Совета федерации и председатель Президиума Верховного Совета Эстонии Арнольд Руппель является агентом КГБ.

Внимательный читатель, полагаю, запнулся, не так ли? Я тоже, но в столь щепетильном вопросе поправлять текст не рискую. Но напомню: никакого Руппеля в руководстве Эстонии нет, как и названной должности. Главой республики является Арнольд Рюйтель в должности Председателя Верховного Совета. То, что депутат Коган зачислил либо его, либо неведомого нам Руппеля в агенты КГБ, меня удивило потому, что его сподвижник полковник Петрушенко своих политических противников числит агентами иного ведомства — ЦРУ. Видимо, в поисках врагов тоже есть плюрализм.

Но посмотрим, как отреагировали на слова депутата его высокие собеседники.

КОГАН: Горбачев сказал: «Не может быть!» Обратился к Лукьянову с вопросом: «Слушай, что там, ты об этом знаешь?» Лукьянов ответил: «Вроде об этом ничего не известно». Вот такая пикантная подробность встречи.

ПЕТРУШЕНКО: Я, как военный человек, не мог не коснуться вопроса: какую позицию занимает Румыния как сопредельное нам государство? В Румынии в дни событий (в Молдове.— Г. Р.) была объявлена повышенная боевая готовность. И не является ли Румыния источником оружия на правом берегу Днестра?

Смотрите, сколько уже обвинений брошено, сколько врагов сыскано — высшее должностное лицо Эстонии стучит в КГБ, министр Бакатин раздает оружие, власти Румынии делают то же самое уже через Днестр...

КОГАН: Разговор был довольно жесткий. Михаилу Сергеевичу мы заявили, что, если он не будет принимать решительных мер, мы будем считать это достаточным основанием для того, чтобы поставить на съезде вопрос «О доверии к Президенту».

ПЕТРУШЕНКО: Перед уходом мы обратились еще раз с требованием отставки Бакатина. Мы даже сказали Рыжкову, что группа «Союз» не выступала против его правительства. Но вынуждены будем сделать это, если Бакатин останется министром.

На самом деликатном языке как подобное назвать, если не давлением, не шантажом, не предложением сделки главе государства и главе правительства? В приватных встречах подобные беседы принято либо прекращать в самом начале, либо указывать визитерам на дверь. Понимаю, что с народными депутатами СССР так не поступишь. По их словам, никто из высоких собеседников не дал отповеди клевете, наветам, прямым угрозам. Но почему? Почему не сделал заявления руководитель пресс-службы Президента об ультиматуме, предъявленном представителями депутатской группы «Союз» трем лидерам государства? В связи с этим еще вопрос, сопутствующий: поддержку каких сил чувствовали эти семеро смелых? И мыслимо ли в конце концов, чтобы депутат, не расстающийся с военной формой полковника, мог столь неприлично вольничать пусть даже не с Президентом, но хотя бы с Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами страны? Он, инструктор по должности, позволял ли когда-нибудь подобный тон в беседе с командиром части, в которой служит?

Надеюсь, теперь мы лучше поймем вопросы, с которыми обратился Шеварднадзе к депутатскому корпусу: «Считаю, надо подумать серьезно: кто стоит за спиной этих товарищей и что это такое? Почему никто не опровергает, что это не так, что нет никаких планов? А может быть, есть такие планы?»

Один из них, как мы уже знаем, осуществлен успешно: Бакатин и Шеварднадзе повержены, победители в тень не уходят и торжества не скрывают. 3 декабря, через два дня после смещения министра внутренних дел, лидер депутатской группы «Союз» Блохин заявил журналистам: «Непосредственно по поводу Бакатина мы обращались к Президенту». Полковники Алкснис и Петрушенко воспели себе хвалу чуть позже. Без малого через месяц заговорил и отмалчивавшийся до этого свергнутый министр, в интервью своим землякам-кемеровчанам он сказал однозначно: его отставки требовали определенные круги. И далее: «Это же видно, они не прячутся, выступают — тот же Алкснис или Петрушенко, другие. Они считают, что я развалил МВД. Я категорически с этим не согласен».

Так постепенно, по каплям, вынужденно мы узнаем правду, которую должны были знать по крайней мере два месяца назад, с того хотя бы дня, когда эмиссары группы «Союз» начали свои торги в Кремле. А нас убеждали, нам говорили неправду и предлагали этой неправдой потчевать читателей: и что Бакатин, дескать, ушел по неким благовидным мотивам, и что после заявления Шеварднадзе не нужно особо беспокоиться... Каюсь, сначала я тоже едва не клюнул на все это, пока не попала мне в руки газета, в которой полковник Петрушенко и завлаб Коган рассказали то, что я обильно цитировал выше. Это «Московский строитель», еженедельник, издает его Московский строительный комитет и ЦК профсоюза рабочих строительства и промышленности строительных материалов. Собственно о строительстве здесь материалов кот наплакал, зато политики хоть отбавляй. Направление еженедельника понять нелегко даже профессионалу — одна полоса, допустим, прославляет российское купечество, другая почем зря клянет нынешний наш рынок. Один автор присягает идеалам казарменного социализма, второй скорбит о царе-мученике. Газета не жалует разных там реформаторов и демократов, клеймит всех известных нам экономистов и очень хочет дружить с КГБ и Министерством обороны. Если кому подвернется сорок первый номер еженедельника за прошлый год, рассказы Петрушенко и Когана они смогут прочитать полностью на девятой странице под рубрикой «Личный интерес».

Что верно, то верно: разве нам лично не интересно, как два полковника со товарищи смогли свалить сразу двух министров, строго пригрозив премьеру и пугнув Президента? Интерес этот будет далеко не праздным, мы должны понять, что легкость победы реакционеров опьянит и подвигнет на новые шаги, уже более сокрушительные, не столько против еще оставшихся у руля страны сторонников перестройки, сколько против каждого из нас. Я возьму на себя смелость определить направление очередного удара ястребов: они нанесут его при ратификации договора об объединении Германии по формуле «2 плюс 4». Политики и общественность потеплевшего к нам Запада уже предвидят такой поворот событий и тревоги своей не скрывают. Хорошо, если бы и мы, и наши парламентарии вовремя поняли, что такой конфуз оставит нашу державу в международной изоляции, а о кредитах и сотрудничестве останется только мечтать. Услышим мы ястребиный клекот и в Прибалтике, и в Грузии, и в Молдове, если, конечно, не спохватимся и не дадим себя усыпить умелым воркованием, на которое при желании и ястребы способны.

А пока будем надеяться, что сумеем достаточно вразумительно понять механизм диктата, который уже испытали верхи и сопротивляться которому либо не смогли, либо не захотели.

Упаси Бог, если мне когда-либо придется рассказывать о диктатуре.

РЕЧЬ ПОСЛЕ РЕЧИ, *ИЛИ* КОММЕНТАРИЙ К СОБСТВЕННОМУ ВЫСТУПЛЕНИЮ

Сергей АЛЕКСЕЕВ, народный депутат СССР, председатель Комитета конституционного надзора СССР

Я ИСПЫТЫВАЮ неловкость оттого, что рискнул написать эти заметки. Есть некая этическая некорректность в комментировании автором своих же, однажды уже сказанных слов, мыслей. Но я надеюсь, что читатель поймет меня. Речь с трибуны перед многолюдным форумом — это все же устное выступление, когда не всегда сразу найдешь нужное, единственно верное слово, ненароком что-то упустишь, а главное, из-за жесткого регламента, бешено мчащихся немногих минут, отведенных для рядового выступления, начинаешь комкать, сжимать фразы, упускать аргументацию, исходные соображения. А они-то подчас и есть то главное, из-за чего отважился выйти на трибуну.

СНАЧАЛА то, о чем знаю только я. Об исходном замысле моего выступления на IV Съезде народных депутатов СССР. Представитель секретариата сказал, что это будет выступление-отчет о работе Комитета конституционного надзора. Но такой отчет, мне подумалось, вряд ли необходим: Комитет только-только начинает свою работу; лишенный до внесения в Конституцию СССР изменений в национально-государственное устройство права рассматривать республиканские законы, он сосредоточил свою деятельность на утверждении в нашем правовом бытии международно признанных фундаментальных прав человека и сделал в этом направлении определенные шаги, на мой взгляд, существенные. Народные депутаты соответствующие материалы получили.

Так о чем же выступать?

О самом главном — о концепции кардинального обновления нашего общества. Мы сейчас все, представители и приверженцы разных партий и движений, буквально зациклились (порой употребляя одни и те же, буква в букву формулировки) на одном и том же — «рынок», «полные полки», «частная собственность», «человек», ну, быть может, еще одна-две повторяющиеся формулы. И что, это все? Из-за этого все страсти и вихри политических бурь?

А ведь есть цель! Это **современное правовое гражданское общество, вобравшее передовые достижения цивилизации.** И это как раз может объединить всех нас: и сторонников демократической партии, и сторонников либеральной партии, и приверженцев социалистических идеалов в их изначальном гуманном значении (к которым, кстати сказать, и принадлежит автор этих строк).

И вот мне показалось крайне важным попытаться хотя бы контурно очертить концепцию нашего обновления — так, как она понимается мной. Сделать это, отправляясь от центрального пункта дискуссии, развернувшейся на Съезде,— вопроса о власти, необходимости ее укрепления в наше до предела сложное, драматическое время.

А ВОТ ТЕПЕРЬ комментарии. Буду приводить выдержки из своего выступления, взятые из стенограммы Съезда. А потом небольшие пояснения по самым существенным, на мой взгляд, вопросам.

Итак, начнем. Вот выдержка из вступительной части.

«Для всех теперь, кажется, стало ясным, что для проведения кардинальных демократических преобразований нужна крепкая, дееспособная государственная власть. Вместе с тем мы не в состоянии отбросить в принципе ошибочное, но укоренившееся мнение о том, что крепкая власть — это власть диктатуры и власть авторитарная. К этому, конечно же, есть определенные исторические предпосылки. История учит, что крепкая власть при определенных условиях, перейдя через какую-то невидимую грань, становится вла-

стью авторитарной, а то и абсолютной».

В чем тут соль вопроса? А в том, что политическая власть — это необходимая для совместной жизни людей и в то же время самая коварная, жестокая, непокорная сила. Достаточно ей достигнуть известной величины, «критической массы», как она начинает действовать по своим законам и нравам, коверкая и подчиняя людей — представителей власти, делая их своими заложниками, носителями ее безудержно нарастающей демонической силы. И сколько примеров и в истории, и в нашей жизни. Вкусил человек сладкий плод власти, и вот он весь тут — в ожесточенной схватке за власть, в ее обретении или в возвращении к ней, наращивании ее мощи. А если еще обстоятельства жизни такие, что надо то и дело «власть употреблять», и эти обстоятельства все нарастают и нарастают? И вот потянулась, потянулась жестокая, а то и кровавая дорожка — сначала к авторитарной, а потом и к абсолютной власти.

Что же делать?

«Выход, думается, один. Он в том, чтобы проводить укрепление нашей власти, повышение ее эффективности в контексте кардинальных структурных преобразований всего государства».

Вот в этих словах — «структурные преобразования государства» в общем-то и заложена заявка на концепцию, притом такую, которая, как мне представляется, соответствует современному уровню цивилизации, ведет к возвращению к ее достижениям и ценностям.

Структурные же преобразования государства охватывают ряд ключевых звеньев. Главные из них, по моему разумению (и с точки зрения проблем власти),— три.

ПЕРВОЕ ЗВЕНО

«...наше государство должно стать государством гражданского общества, общества, в котором экономическая власть, власть собственника принадлежит не ведомствам, а производителям. Мы провозгласили этот лозунг, но он очень трудно реализуется. Главное дело перестройки, без которого нам не решить никакой проблемы,— преобразование собственности...

...Вот тогда, я думаю, наши граждане получат главное, что составляет суть демократии,— экономическую свободу, хозяйскую власть, которая сейчас монополизирована государством. И тогда государство, освобожденное от непомерных тягот собственности, с которой все равно ему не справиться, станет государством гражданского общества, государством, которое будет устанавливать мир, согласие, координацию нашей жизни».

В заключительном фрагменте стенограммы выпало одно слово (то ли я его не сказал, то ли в записи изъян). Это слово о том, что в государстве, не отягощенном гигантской собственностью, власть становится умеренной, то есть такой, когда она не достигает «критической массы» и не имеет еще крутого нрава, внутренних законов самовозрастания, ведущих ее к власти авторитарной, абсолютной.

А вообще-то суть гражданского общества — вопрос вопросов. Нередко его определяют просто — это общество гражданских прав, общество граждан. Это верно. Но все же корень вопроса — в собственности, точнее — в персонифицированной (по иной, более идеологизированной терминологии — частной) собственности, когда абсолютными обладателями средств производства, материальных и объективированных духовных благ становятся «персоны» — люди, носители прав и интересов. Если же собственность соединяется с политической властью — хотя, конечно, в каких-то пределах такое соединение неизбежно — и это соединение опять-таки достигает своей «критической массы», наступают неотвратимый крах, застой, стагнация, паразитирование, общий упадок. И тогда не только в принципе невозможен рынок (для товарно-рыночных отношений требуется до 70—75 процентов «свободных» товаропроизводителей — персонифицированных собственников), но и гражданское общество в принципе невозможно. Ибо первоосновой статуса свободного гражданина, его неотъемлемых прав является экономическая свобода — исходный элемент демократии, а в ее основе — персонифицированная собственность.

И у кого в поле зрения мои публикации и выступления последнего времени, тот знает, что я, неустанно, безбожно повторяясь, бью и бью в одну точку, заявляя, что нам не решить ни одной проблемы кардинального обновления, если мы в кратчайшее время не преобразуем отношения собственности, не преодолеем чудовищный государственный собственнический монополизм, не сделаем производителя хозяином средств производства. Мне показалось, что я уже надоел читателю и слушателю такого рода заявлениями и что их не воспринимают или, хуже того, не разделяют. Но когда на Съезде после слов о необходимости объявить, что отныне и навсегда все средства производства принадлежат производителям, раздались аплодисменты, мне подумалось: нет, нас много, и надо повторяться и бить — бить в одну точку, иначе не уйти нам от краха и не будет нам прощения от сограждан наших и наших потомков.

ВТОРОЕ ЗВЕНО

«Второй ключевой момент. Считаю, что наше государство должно стать государством права. Не просто подчиненным законам (законы могут быть разными, в том числе и антидемократическими), оно должно стать государством права — в самом высоком смысле,— единственного в мире инструмента, способного предотвратить перерастание власти в авторитарную. Речь идет, следовательно, о верховенстве права в обществе».

Тут тоже есть неточность, впрочем, такая, которую ни одна стенограмма уловить не в состоянии. Слово «право», помнится, я стремился произнести так, чтобы оно начиналось с заглавной буквы — «Право» или вообще еще лучше все целиком написано заглавными буквами — «ПРАВО».

А по сути вопроса — вот что. Пора сломать наши стародавние стереотипы и идеологемы, когда право рассматривалось как сугубо классовая сила, орудие принуждения, средство политики. Да, есть в праве момент принуждения, общеобязательности. Но в своей исконной сущности оно — явление цивилизации и культуры, призванное противостоять голой силе, произволу, самочинным действиям, беззаконию. И вот оно, право в таком понимании, способно установить такой порядок, когда для государственных органов и должностных лиц действует строго разрешительная система: любое властное действие должно быть легитимировано законом, что и пресекает авторитарные методы управления.

И все же не это, наверное, самое главное. Верховенство права в обществе означает известную «святость» права как принципа и святость Конституции как принципа. И недопустимость никаких односторонних действий, акций, которые бы по воле одного лишь субъекта — какими бы замечательными лозунгами, декларациями, заявлениями и т. д. они ни прикрывались — нарушали сложившиеся правовые реалии и принципы, связанные с правами людей. (Тут нужно еще подумать и подумать, насколько правомерно со ссылкой на абсолютный национальный суверенитет совершать действия, недопустимые с точки зрения государственного суверенитета,— односторонне ломать действующий и не измененный на конституционных началах правопорядок.) И самое святое — верховенство права в обществе означает утверждение во всей общественной жизни в качестве абсолютных и нерушимых — безусловно абсолютных и нерушимых! — международно признанных фундаментальных прав человека. И тут я, признаюсь, не удержался и все же сказал о том, что на утверждение международно признанных прав человека и направляет свою деятельность Комитет конституционного надзора...

ТРЕТЬЕ ЗВЕНО

«И наконец, наше государство, как ни странно это прозвучит, должно стать действительно государством. Мы долго жили под лозунгами, которые были оправданы борьбой за власть, революцией, но которые необоснованно превратились в догматы. Один из них — отмирание государства — неведомыми путями привел к безраздельному господству аппарата. Другой из этих лозунгов — всевластие всех уровней Советов.

Что же мы получили, осуществив его в условиях перестройки (первый лозунг отошел в сторону, потому что есть бесценные вещи, относящиеся к политической жизни, которые должны быть тоже ценностями цивилизации и культуры)? Мы получили нечто страшное. Мы получили многовластие. Мы получили, как это ни страшно сказать, десятки тысяч парламентов в стране. И они действительно стремятся к всевластию. Но именно потому, что стремятся обладать всей властью, ничего по существу не решают, а только блокируют решения друг друга по вертикали.

Мы упустили ряд ценностей, ряд достижений культуры. Да, Советская власть — наше достояние. Но к нему мы должны подходить с учетом ценностей цивилизации. Одна из них — строгое различие между государством и местным самоуправлением. Государство — это Верховные Советы республик и Союз. Они действительно суверенные органы. Они действительно законодательные, там нужны парламенты. Другие Советы — это местное самоуправление. Они имеют власть, но не государственную, а муниципальную. Власть, построенную по другому типу. По типу мэрии, по типу земств. Вопрос, я считаю, должен быть решен очень быстро, иначе наше государство распадется на 50 тысяч удельных княжеств».

Сначала вот о какой вещи, думается, малозамечаемой. Авторитарная власть тоталитарного типа действует не только и, пожалуй, даже не столько через государство. Ведь государство — тоже продукт цивилизации, для него характерны стабильное построение, устойчивые формы, процедуры, закрепляемые в законе, и т. д. Для тоталитарных же режимов присуще «однобокое» государство, где доминируют административно-репрессивные, карательные органы, и ведущее значение во всей политической жизни имеют как раз негосударственные структуры — партии, «движения», «фронты», «отряды» и т. д. (один из самых безжалостных диктаторов в истории — Сталин, до конца тридцатых годов вообще не занимал какого-либо ведущего государственного поста). Вот почему, для того чтобы предотвратить превращение власти в авторитарную, нам нужно именно «настоящее государство».

И нужно, чтобы такое «настоящее государство» было надлежащим образом организовано, выступало в качестве современного, незаидеологизированного, светского, впитывающего достижения цивилизации в политико-государственной жизни. И прежде всего такие достижения:

— Строгое отделение государственной власти от муниципальной;

— последовательное разделение «трех властей» — законодательной, исполнительной, судебной. Причем за первым крупным шагом — образованием эффективного президентства (процесс, еще не законченный, пока он замыкается выяснением отношений «парламент — президент», тогда как главное — выработка механизмов функционирования президентства во всей стране — остается в стороне) — настало время сделать другой крупный шаг — возвести в ранг высшей власти в государстве наряду с законодательной и исполнительной также и судебную, и на общегражданском и на конституционном уровнях. Жаль, что, когда я достиг этого пункта, время моего выступления подошло к концу. Я же хотел сказать, что, хотя наш Комитет и называется «надзором» (с чем я изначально не был согласен) и хотя по постановлению Съезда его компетенция не распространяется на законы республик, мы в Комитете строим его деятельность как судебную, правосудную, целеустремляя ее на утверждение в нашей правовой системе международно признанных фундаментальных прав человека. И, думается, последнее заключение Комитета о признании неконституционными всех актов, затрагивающих права, свободы и обязанности граждан, если такие акты не опубликованы,— тому подтверждение.

А вот заключительную часть выступления комментировать вообще не буду, так как она, пожалуй, была обращена не столько к разуму, сколько к сердцам тех, к кому я обращался и обращаюсь сейчас.

Приведу заключительные слова целиком (тем более, как мне рассказали друзья, при телевизионном репортаже они выпали; хотя в них — «изюминка» всего сказанного).

«Последний аккорд моего выступления посвящаю вот чему. Неделю назад по служебной командировке я был в суде государств Европейского сообщества. Была напряженная работа. Там, кстати, я узнал, что в Европе уже идет речь о федерации. И у них нет сомнений, что европейское право имеет верховенство над национальным правом Франции, Дании, Англии и всех других суверенных государств.

Но об этом стоит поговорить особо. Проходя по этому суду, в одной из палат я увидел расписанные на 12 языках надписи. На двенадцати! О чем эти надписи? Верховенство закона, неотвратимость наказания? Нет, эти надписи были вот какие, послушайте: «Через любовь и справедливость — к единению!» Не принять ли и нам этот лозунг: не через силу, не через озлобление, не через другие факторы, которые сейчас все время мелькают, а через любовь и справедливость»?

Представляем рубрику

Представляя новую рубрику, мы предлагаем вам немного отдохнуть от политики. Согласитесь, политика — довольно сомнительное развлечение для нормальных людей. Когда мы начали готовить рубрику, вдруг стало понятно, что в нашей жизни происходит много интересного и за рамками политических событий. Стоит ли загонять себя в эти рамки?

Мы будем делиться с вами всем интересным, что нам удастся узнать. В конце концов это так по-человечески — интересоваться тем, за кого вышла замуж известная киноактриса, кто шьет платья женам государственных мужей, сколько стоит самая породистая на свете кошка... Долгое время проявлять интерес к подобным вещам считалось дурным тоном. Но что же делать, если главное и едва ли не единственное наше развлечение — наблюдать по телевизору за ходом съездов и сессий — уже чуточку приелось.

Наша рубрика совершенно беспринципна. В том смысле, что мы не собираемся давать никаких оценок — думайте, как хотите. А главное, отдыхайте, читая на нашем развороте о красивых женщинах, модных духах, браках, разводах и знаменитостях.

РИСКОВОЕ ДЕЛО?

Бессменный исполнитель задушевных песен Александры Пахмутовой на стихи Николая Добронравова, постоянный участник всех праздничных концертов и «голубых огоньков», Лев Лещенко много лет по праву считался правофланговым советской эстрады. Много лет «Славный птах» желал нам «С добрым утром», подбадривал «В рабочий полдень» и развлекал «В субботу вечером». Песни в исполнении Льва Лещенко не только ежедневно (а порой и чаще) звучали в теле- и радиопередачах, но и стали основой многочисленных фольклорных вариаций. Став широко известным в середине 70-х годов после исполнения песни «За себя и за того парня», Лещенко в начале 80-х уже выходил на сцену вместе с личным пародистом — именно на «Соловьиной роще» в свое время сделал себе имя Владимир Винокур.

Словом, Олег Нестеров, руководитель группы «Мегаполис», явно не ошибся, выбирая исполнителя для своей новой песни. И хотя стихотворение Иосифа Бродского, послужившее основой песни, не очень соответствует устоявшемуся образу певца российских просторов, полей, озер, лесов, рощ и перелесков, Лев Лещенко не только принял предложение музыкантов, но и планирует сняться вместе с ними в видеоклипе. При этом артист вовсе не собирается менять амплуа, полагая, что ему уже поздно ломать привычный образ. Это всего лишь эксперимент. Музыку группы «Мегаполис» Лев Валерьянович считает слишком непростой для того, чтобы она могла завоевать широкую популярность, и советует ребятам попробовать написать что-нибудь более коммерческое.

Итак, стихи Иосифа Бродского, музыка Олега Нестерова, поет Лев Лещенко.

КРАСНЫЙ КРЕСТ ОБИЖЕН

...и его можно понять. Любая организация расстроилась бы, если бы эмблему, которую она считала своей уже более ста лет, использовали совершенно произвольно.

Эмблема Красного Креста — вещь важная. Перед ней должны открываться границы, в военное время эшелон или госпиталь с этой эмблемой неприкосновенны, что, в общем, совершенно понятно: важное и благородное дело делает Красный Крест. Но наряду с этим он должен заниматься и кучей других дел. Вот, например, американский Красный Крест не один десяток лет боролся за то, чтобы его эмблему перестали использовать на машинах «Скорой помощи». То же самое происходило и в других цивилизованных странах, теперь там «Скорые» обозначаются зеленым крестом или другими символами, на аптеках — эмблема в виде змеи над чашей. И только бедный советский Красный Крест видит свою эмблему везде, где только можно...

И это еще можно было бы стерпеть, ведь медицина — то, что очень близко Красному Кресту. Но последней каплей, переполнившей чашу терпения его работников, было вот что: однажды, включив телевизор во время программы «Взгляд», они увидели, что ведущие передачи сидят за столом в форме Красного Креста, кладут на этот стол локти и, мало того, ведут достаточно воинственные разговоры, что духу Красного Креста совершенно чуждо... Дрожащей рукой набирали номер телефона передачи и спрашивали: как же так? Зачем? Ответ был простой: «Ну, вы нас насмешили...»

На старт... Внимание... Все организации, желающие иметь эмблемой красный крест, спешите ее зарегистрировать! Кто не успеет — всю жизнь будет платить хозяину эмблемы за ее использование... Марш!

«ПРАВДА» В ОПАСНОСТИ

Недавно «Правда» чуть было не уронила свое честное партийное имя: в связи с активной коммерческой деятельностью наших учреждений культуры это имя оказалось в близком соседстве с таким «недозволенным» понятием, как «эротика».

В газетной рекламе не была соблюдена точность формулировок. Журналист «Московского комсомольца», бравший интервью у генерального директора культурно-коммерческого центра «Блиц» Г. Данишевского, написал: «Приходите к нам, в ДК «Правды», на улицу «Правды». Не просто приходите в ДК, а именно — **к нам**, в ДК! А там, в ДК «Правды», происходит ни больше ни меньше — отбор желающих принять участие в эротическом «Пикант-шоу». Можете себе представить, что люди могут подумать!

Сначала директора ДК задергали возмущенными звонками. Потом ее вызвали к руководству «на ковер»...

— Эротика не наша, а ваша. Наше здесь только предоставленное вам в аренду помещение. Не надо путать, — заявила после этого директор Г. Данишевскому, набиравшему артистов.

Поскольку в последнее время деятельность Данишевского была связана в основном с полуобнаженными женщинами (организация конкурсов красоты, а потом и эротического «Пикант-шоу»), он давно уже смирился со скандальной известностью своего имени и своего дела. Его обзывали сексуальным маньяком, конченым человеком. Приглашали в Комитет советских женщин, где доходчиво объясняли, что наша женщина — это по преимуществу друг, товарищ и брат. Ну, может быть, заодно еще кухарка, нянька и уборщица. А вовсе не какие-то там длинноногие девицы в бикини.

После публикации открытого письма депутатов Моссовета прикрыли задуманный им фестиваль «Звезды Эроса».

В Дагомысе, завершив программу, коллективу пришлось убираться черным ходом, под охраной.

А летом на гастролях в Одессе администрация Дворца спорта устроила ему скандал: почему ваши артистки устраивают стриптиз не до конца? Между прочим, «Демонстрация советского нижнего белья», принесшая создателю популярность и звание «отец советского стриптиза» (для тех, кто не помнит: рекламировались там «семейные» трусы, фильдеперсовые панталоны сизо-розовых тонов, бюстгальтеры швейного объединения «Черемушки»), сегодня снята с программы.

— Это уже неактуально, — считает Данишевский, — какие там панталоны, нет же ничего в магазинах...

НИЧЕГО, КРОМЕ НЕПРИЯТНОСТЕЙ,

не принесла победа в конкурсе «Миссис Москва-89» Елене Самоновой. Сравнительно небольшая по нынешним временам денежная премия, двухкассетник, еще кое-какие подарки — вот и все трофеи победительницы.

Казалось, после победы что-то должно сразу измениться в ее жизни — посыплются телефонные звонки и предложения, а уж королеве останется только выбирать, какая работа ей больше нравится. Увы, выбирать оказалось не из чего. Хотя кое-какие предложения поступали, только вот Лена неохотно об этом говорит: да, были разные звонки, но уж очень какие-то... вызывающие сомнение. Предлагали еще принять участие в разных конкурсах, но это ее больше не привлекает. Так что новая интересная жизнь не началась. Зато популярный еженедельник проиллюстрировал материал, в котором речь шла вовсе не о конкурсах красоты, а о проституции, фотомонтажом, изображающим Лену, засыпанную сторублевками. Дело теперь уже прошлое, но от судебного процесса газету избавили лишь Ленины нерасторопность и незнание законов... «Я тогда так растерялась, что мне даже не пришло в голову обратиться в суд. Просто обидно было ужасно...»

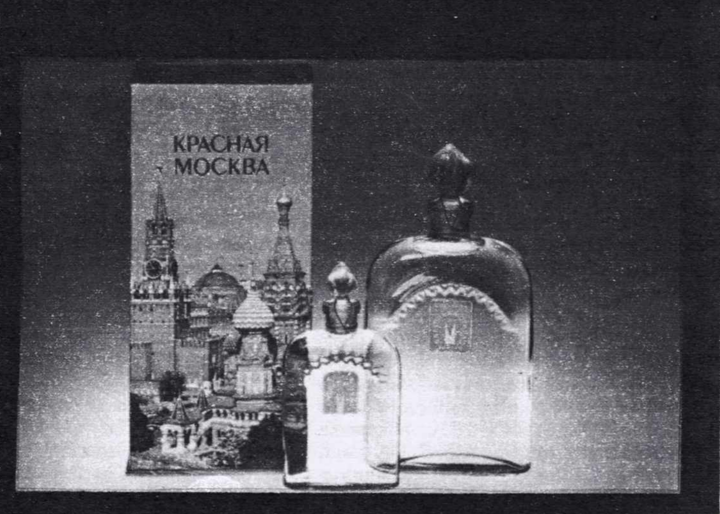
А насчет сторублевок — это зря. Лена живет в Зеленограде, сидит дома с ребенком, муж работает.

— Вот собираюсь устраиваться на работу по специальности: я окончила Институт электронной техники...

В общем, корона лежит в шкафу, а какое-нибудь московское предприятие скоро приобретет еще одного специалиста по электронной технике.

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ «КРАСНОЙ МОСКВЫ»

Французские духи — мечта любой женщины. Но свет на них клином не сошелся. Особенно за пределами нашей страны...

«Мировой парфюмерный рынок забит. Все места заняты, вплоть до стоячих...» — говорят специалисты-парфюмеры. Множество парфюмерных фирм с мировыми именами конкурируют, тратят огромные деньги на дизайн и рекламу. Нашим фабрикам это недоступно. Неожиданную помощь оказала мода на все русское, мода, повинуясь которой, приезжающие в Союз иностранцы бросились скупать ботинки фирмы «Скороход» с трогательными дырочками, черные пальто с каракулевыми воротниками и портфели «а-ля Огурцов». Эта мода и подарила вторую жизнь духам «Красная Москва» и парфюмерному набору «Голубой ларец», некогда занимавшим почетное место на туалетных столиках наших бабушек. С тех пор как специалисты-парфюмеры фабрики «Новая заря» получили возможность выезжать со своей продукцией в западные страны, как-то показывать и рекламировать ее, интерес к духам (и не просто духам, а как бы символу советской жизни, которым, по мнению иностранцев, является «Красная Москва») неизменно велик. Причины? Необычный для несоветского глаза дизайн, довольно низкие цены, футляры ручного изготовления, а главное — запах.

До недавних пор духи в больших количествах поступали только в страны СЭВ, но недавно партия «Красной Москвы» была куплена итальянцами, и вот уже всерьез запахло свободно конвертируемой валютой...

Духи «Красная Москва» выпускаются в количестве трех миллионов флаконов ежегодно. Так что, если по обыкновению через некоторое время западная мода докатится и до нас, хватит если не всем, то по крайней мере многим...

ПОЧЕМ АРИСТОКРАТЫ?

Пролетарское происхождение выходит из моды? Не знаем, не знаем... Но порода поднимается в цене. Специалисты называют интересные цифры — 15—20 тысяч.

Прошедшая недавно выставка кошек, организованная клубом «МоККо», никого не удивила и удивить не могла: уже несколько лет, как подобные выставки стали явлением обычным. Но эта отличалась от всех тем, что на ней работал эксперт международного класса из Бельгии, представляющий международную организацию любителей кошек «FiFe», в которую входит около 30 стран. Любители кошек из Советского Союза тоже захотели вступить в эту организацию, и в обязанности эксперта Жёзене Гетман входила оценка имеющегося у нас в стране «поголовья».

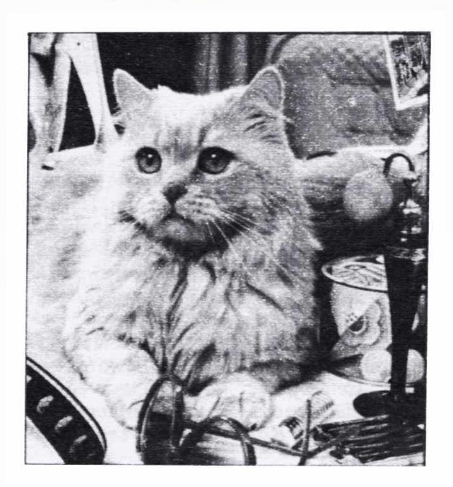
Как рассказал специалист-фелинолог, четыре года назад культура разведения и селекции кошек была у нас практически на нуле. И это при том, что все-таки были кошки редких и дорогих пород, но существовали они в безвестности и радовали только своих хозяев. Но за четыре года сделано многое, ведь это уже несколько поколений. И теперь, по оценкам Гетман, третья часть представленных на выставке кошек соответствует высшему мировому уровню, а большая часть остальных — хороший племенной материал.

Кстати, если вы думаете, что порода и родословная всего лишь плоды честолюбия хозяев, то вы не правы. В понятие «порода» входят не только и не столько внешние признаки, сколько воспитанная в нескольких поколениях культура поведения в городской квартире. Породистые котята, после того как мать перестает за ними ухаживать, ходят в туалет только в специально отведенном для этого месте; регулярно стачивают себе когти, причем не на мебели, а тоже там, где велит хозяин. Кроме того, они обладают хорошим характером, не боятся рук, не агрессивны. Порода, словом...

Самые дорогие кошки у нас в стране — «рекс-корниш» — имеют шерсть, напоминающую каракуль, большие глаза и уши, острую мордочку и ориентировочную стоимость 15—20 тысяч рублей. Ориентировочную потому, что в свободную продажу пока не поступают, поскольку разводят их только в питомнике, и первые котята идут за границу на обмен. Потом продажа за валюту и только потом уже — за рубли.

А пока самая дорогая кошка в Союзе была куплена на аукционе за полторы тысячи долларов. Это персидский котенок голубой окраски, на выставках пока не появлялся, потомства не имел. Хозяина по некоторым причинам пока не называем — здесь тоже могут быть свои тайны.

Наши кошки понравились эксперту, но этого мало. Через некоторое время она приедет вновь, чтобы оценить котят, полученных от животных, награжденных дипломами и высокими званиями. Тогда и будет окончательно решен вопрос, примут нас или нет.

«РУССКИЙ ВИСТ» ВМЕСТО «ДУРАКА»

Спасибо Германну, что он сошел с ума (в оперной версии — застрелился). При более благоприятном для этого картежника исходе ревнители чистоты советской морали наверняка запретили бы «Пиковую даму» как воспевающую «чуждый нам образ жизни» — с азартом и картами. Ведь запрещали же в 50-х годах играть даже в «дурака». Даже на пляжах. Наверное, чтобы люди не увидели живого и в здравом уме картежника.

Увы, среди азартных игр в СССР до недавнего времени числился и бридж. Постановление Комитета по физкультуре и спорту 1973 года относило эту игру к «некоторым видам физических упражнений и игр, ничего общего не имеющих с советской системой физического воспитания и несущих вредную социальную направленность». «Ни в какие ворота не укладывается»,— говорится дальше,— создание «спортивных» секций по карточной игре в бридж». Между тем в бридж играло и играет около 200 миллионов человек во всех уголках света, проводятся чемпионат мира, олимпиады; главы великих держав, как это сделал в 1984 году Рональд Рейган, шлют их участникам приветствия и видят в «картежниках» посланцев мира.

На самом деле вовсе не «дурак», а именно бридж является исконно российской карточной игрой. В начале века он даже и назывался «русским вистом», иногда — «биричем» (по-старославянски это означает «глашатай») и удивлял любителей виста не столько розыгрышем карт, сколько совершенно новым элементом игры — предварительной «торговлей» за право хода. Это изобретение перевело карты из разряда заурядного развлечения в область тонкой психологии, где высокое мастерство игрока становится синонимом искусства. Сегодня бридж во всем мире имеет неофициальный статус игры политиков, предпринимателей и интеллектуалов.

Увы, после 1917 года любителей бриджа среди советских политиков не оказалось. А то, может быть, и наш парламент, как это было, например, в Англии во времена Черчилля, держал бы сотрудника, в обязанности которого входило играть в одной паре с премьер-министром и терпеть его несносный для «русского виста» характер — с обидами и брюзжанием по поводу неточных ходов.

С предпринимателями у нас напряженно до сих пор. Тем, кто считает себя таковым, пока непонятны переживания, которыми делился со мной знакомый аспирант из Индии — он терпеть не может бридж, но играет в него для поддержания своего бизнес-реноме.

Зато интеллектуалы в Союзе еще есть. Прежде они предпочитали шахматы и преферанс, который бриджисты считают суррогатом бриджа, низведенным к тому же до уровня тривиальной азартной игры.

«Играть на деньги в бридж — все равно что бегать в мешках,— считает руководитель московского клуба любителей спортивного бриджа Александр Сухоруков.— Этика спортивного бриджа, если человек ею проникается, вступает в противоречие с принципами игры на деньги». Всемирный кодекс бриджа включает в себя, между прочим, такие требования: «Крайне неэтично пытаться грубо ввести оппонента в заблуждение посредством замечания или жеста, поспешностью или колебаниями в заявке или игре, или манерой, в которой делается заявка или игра. Из соображений вежливости игрок обязан воздерживаться от уделения игре недостаточного внимания; бесполезных комментариев во время торговли или игры; вытаскивания карты из руки до того, как наступит его очередь играть».

Сегодня выясняется, что несколько десятков человек в СССР не только знают правила «русского виста», но, принимая участие в международных турнирах, выглядят отнюдь не «дураками». Какой путь они прошли для этого — отдельный и весьма печальный разговор. Достаточно сказать, что первыми «болельщиками» советских бриджистов стали... милиционеры. И хотя они крутили «картежникам» руки, обнаружив их в каком-нибудь из шахматных клубов за столиками, но, посылая им на работу письма-сигналы, нередко отчитывали бриджистов за неудачные выступления.

Сегодня бридж в нашей стране с трудом, но все же выходит из подполья. Среди лучших мастеров в основном «математизированная» публика — шахматисты, физики, программисты, кибернетики. Например, четырехкратная чемпионка СССР по шахматам Ирина Левитина и один из создателей знаменитого шахматного компьютерного интеллекта «Каиссы» — Михаил Донской. В 1989 году в рамках бридж-марафона в Роттердаме Анатолий Карпов в паре с Свенд Новрун занял 9-е место из 44 пар. Но уже теснят молодые игроки, в большинстве своем студенты. Приходит признание и за рубежом. Японская фирма «Эпсен» теперь доверяет советским бриджистам проведение своего зонального однодневного турнира, число участников которого — 90 тысяч человек.

Но больше всего наших бриджистов радует то, что Госкомспорт СССР увидел-таки в «русском висте» вид спорта. Некоторые сотрудники Совета Министров СССР изъявляют желание освоить эту игру предпринимателей и политиков.

Поздновато, конечно, шансов получить высокий разряд, увы, немного...

Этот выпуск подготовили Светлана БАБЫКИНА и Юлия СУДАРЕНКО. Им помогали Андрей ВАВРА и Павел АСТАХОВ. Рисовал художник Алексей МЕРИНОВ.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Друзья!
Мы рассказывали вам
о своих проблемах и делах:
о борьбе «Огонька»
за самостоятельность;
о сложностях,
связанных с ростом цен
на бумагу
и типографские услуги,
приведших
к удорожанию журнала;
о выборах,
когда трудовой коллектив
единодушно проголосовал
за Виталия Коротича
как главного редактора...
Борьба с внешними трудностями
сплачивала коллектив.
Личные интересы
и расхождения во взглядах
отбрасывались
ради общего дела.
Многого
уже удалось достичь.
Подписали
договор с издательством,
резко улучшили
материальное положение
работников.
Одновременно происходит
переформирование
коллектива.
Мы открываем
и планируем
открыть новые отделы,
меняем
организацию труда
в редакции,
меняется
и состав сотрудников.
В новый год редакция
вступила обновленной,
но по-прежнему
стремящейся выполнить
все ваши пожелания.
С Рождеством,
дорогие читатели!

Редакция «Огонька»

■

В марте 1988 года я с женой, Верой Бройде, оформил в советском посольстве в Бонне документы на возвращение в Россию, но положительного ответа нет по сей день. В Москве проживают наша дочь и внучка. Вопрос идет о воссоединении нашей семьи — дочь больна, нуждается в нашем постоянном присутствии, помощи. В феврале прошлого года нам было отказано без объяснений. Мы вновь послали документы, анкеты, но ответа до сих пор нет... В ОВИРе дочери сказали, что наше «дело» изучают в МВД... Сколько еще они будут «изучать» нашу «преступную, эмигрантскую» биографию?

В эмиграции мы оказались по воле моего отца, Леопольда Треппера, в годы войны руководившего антифашистской организацией «Красная капелла». В 1945 году сталинисты «отблагодарили» его десятью годами заключения... Если бы отцу не удалось вырваться в эмиграцию, то мир никогда бы не узнал о трагической судьбе антифашистов. Но сейчас его книга «Большая игра» уже издана в СССР. Моего покойного отца «простили», но семья еще числится во «врагах народа». Вероятно, некоторым чинушам от идеологии не по вкусу мои книги (я помогал отцу вырваться на Запад, провел 4 голодовки, издал в эмиграции 20 книг). Родился в Москве в 1936 году, окончил филологический факультет МГУ, там же защитил диссертацию о творчестве А. Чехова, получил звание кандидата наук. Моя жена тоже родилась в Москве, ее отец отсидел в сталинских лагерях 16 лет (по ложному обвинению «троцкист» или «японский шпион», точно не помню). Вера Бройде окончила в Москве медицинский институт, врач-терапевт, в эмиграции никаких книг и статей не писала, но ее тоже не пускают в Москву на постоянное жительство к дочери и внучке.

Один советский чиновник намекнул мне, что мы должны указать политические мотивы нашего возвращения. Разве казенным идеологам не кажется, что давно уже миновали времена сталинской «классовой политики»? Разве советская пресса не полнится заверениями в том, что настало время признания «общечеловеческих ценностей»? И что СССР стремится стать правовым государством? А как же быть с теми прекрасными законами, которые приняты Верховным Советом СССР, или это только «показуха» для Запада?

Э. БРОЙДЕ-ТРЕППЕР
ФРГ

■

В «Литературной газете» от 21 ноября 90-го года была опубликована статья А. Ваксберга «Правда о «платном агенте», раскрывающая обстоятельства гибели Сергея Яковлевича Эфрона — мужа Марины Цветаевой.

Нет необходимости лишний раз повторять о ценности любой новой информации, связанной с жизнью великой поэтессы. Однако меня заинтересовало в этой публикации другое.

На протяжении нескольких десятилетий правда о мотивах ареста и гибели С. Я. Эфрона тщательно скрывалась органами КГБ. На многократные запросы дочери Сергея Яковлевича Ариадны Эфрон и известных литературоведов в органы госбезопасности они либо вовсе не отвечали, либо сообщали фиктивные данные.

Так, в 1988 году известный литературовед, автор книги о Марине Цветаевой «Скрещение судеб» М. И. Белкина по моему совету обратилась в Особый архив Военной коллегии и Верховного суда СССР с запросом о реабилитации С. Я. Эфрона. В ответе Военной коллегии значилось следующее: «...Надзорное производство (читай: реабилитационное дело.— Д. Ю.) за № 4н-9939/56 г. не сохранилось». В своем архиве я имею копию сего документа. Почему же ответ вызывает сомнения? Да потому, что в 1986 году мне по роду своей работы приходилось знакомиться с надзорным производством по реабилитации Эфрона-Андреева С. Я. за № 4н-9939/56 г. Оно было начато 21.06.56 г. и закончено (дата последнего документа) 25.12.58 г. Насчитывало 27 страниц машинописного текста. Так куда же оно исчезло через два года?

Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР был вынесен 6 июля 1941 года всем 5 участникам группы С. Эфрона к высшей мере наказания. Но отсрочен. Пять смертников написали ходатайство о помиловании Председателю Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинину. Калинин оставил приговор в силе. Документ об этом существует. Он находится в архиве Военной коллегии, в большой папке отклоненных апелляций.

А. Ваксберг в своей статье называет дату расстрела С. Эфрона — 16 октября 1941 года. Откуда взялась эта дата? Где ссылки на архивные документы? Где приговор приведен в исполнение? Вопросы задаю не случайно, так как располагаю другими данными.

Анализируя публикации наших перестроечных лет, я пришел к выводу, что только трем журналистам, имеющим высшее юридическое образование, позволено знакомиться с архивами Верховного суда, Военной коллегии и, видимо, КГБ. Это Юрий Феофанов, Александр Борин и Аркадий Ваксберг. Они и готовят столь сенсационные публикации. Каким образом Ваксберг получает доступ к подобного рода источникам, мне понятно. Неясно другое — как скоро историки-архивисты, литературоведы, исследователи творчества М. Цветаевой получат доступ к следственным материалам по делам Ариадны Эфрон и Сергея Эфрона и подготовят отвечающие научным требованиям исследования?

Д. ЮРАСОВ,
бывший сотрудник Особого архива Военной коллегии и Верховного суда СССР
Москва

■

Из публикаций в прессе я узнал, что во Франции, недалеко от Парижа, в городке Сен-Бриак, ныне проживает Великий князь Владимир Кириллович Романов со своим внуком Георгием. Наследнику сейчас 9 лет, и он очаровательный ребенок.

Кто знает, не приведет ли Провидение мальчика из французского городка Сен-Бриак на русский престол? Среди его родных — король Испании Хуан Карлос и английские принцы...

И вот о чем я подумал. Известна свежесть восприятия в детском возрасте. Так давайте будем посылать нашему юному царевичу книги о России, о русской живописи, записи русской музыки, стихи. Пусть наш Маленький Принц живет в атмосфере русского. А как было бы здорово пригласить его в «Артек»!

Что же касается меня, то я переслал несколько посылок в Сен-Бриак и удостоился благодарности Великого князя.

В. ХРАМЦОВ
Пермь

■

Помню, что писателя Василия Белова открыл для меня поэт Е. Евтушенко. На одном из творческих вечеров в Останкине он назвал Белова надеждой нашей литературы и призывал найти и прочитать его произведения. Я так и поступил, нашел и прочел «Привычное дело». Не скрою, был буквально потрясен — действительно талант, действительно надежда.

Не так уж много воды утекло с той поры. Увы, как писатель В. Белов давно не радует своих почитателей. Что касается его гражданской позиции... Прочитал вот речь Василия Ивановича на Съезде российских депутатов и опять сильно огорчился, хотя есть в ней бесспорно справедливые мысли об обездоленности русского мужика, о загубленной природе, о бесправии колхозника. Но уже не впервой настораживает и огорчает очернительский характер выступления. Чего стоят такие выражения, как «так называемая демократическая интеллигенция», «оголтелая леворадикальная пресса», «западные лоббисты в... высших органах власти», «Россия еще ждет, приглядывается, что могут учинить (?!) Шеварднадзе и Яковлев» и т. п.

Сегодня Белов не только олицетворяет крайне опасные национал-шовинистические силы России. Он яростный, убежденный, последовательный противник России демократической (чего стоит одно — «ваш» Ельцин). После Пушкина, Герцена, Блока, Чаадаева такое мракобесие поистине удивительно, уникально для человека, считающего себя русским писателем.

Говоря о многочисленных народных бедах, Белов, как обычно, тщательно обходит вопрос о том, кто в них виноват, хорошо понимая опасность такой доказанности. Не такой он наивный и политически безграмотный, чтобы не понимать, что не от России требуют отказа от имперского мышления, не от России требуют покаяния. Всем хорошо известно, чья тут вина, и не надо обманывать ни себя, ни других.

Выставляя себя заступником русских интересов, В. Белов объективно выступает на стороне недругов России, отталкивает от нее тех, кто искренне стремится помочь ей в трудное время. Не к лицу русскому писателю такая позиция.

В. КАМЕНЕЦКИЙ,
инженер
Ленинград

■

Считаю не только своим долгом, но и правом обратиться к И. К. Полозкову с этим письмом, поскольку мы знаем друг друга по совместной

работе в аппарате Краснодарского крайкома КПСС, хотя и находились на разных этажах: он — секретарь по идеологии, первый секретарь, я — инструктор отдела культуры.

Иван Кузьмич! Во имя спасения России — отрекитесь от партийного престола.

Лично вы ни в чем не виноваты. В силу стечения обстоятельств, скорее случайных, чем закономерных, вы оказались на верхушке РКП. Да вы и сами подтвердили свою невиновность, заявив на втором этапе работы Учредительного съезда РКП о том, что победили в честной борьбе. Здесь и закавыка. Вы попали в ситуацию полководца без армии. Поэтому встали вопросы: зачем, ради чего и нужно ли было на скорую руку «побеждать»? Ведь среди коммунистов России еще не вызрела сама идея РКП.

Предложение об отречении от партийного престола требует более полного анализа вашей деятельности за последние годы. Здесь следовало бы опереться на голос масс. Так уж сложилось на Кубани, что действия лидеров всегда отражаются в общественном мнении. На моей памяти народ активно говорил (самое разное) о Медунове, Воротникове, чуть меньше — о Разумовском, а при вас, Иван Кузьмич, вдруг замолчал. Но ведь это тоже реакция. Мы с коллегами гадали — почему? Затем поняли, что сколько-нибудь серьезной внутрикраевой политики не было. Поэтому и никакой реакции. Ваши выступления внушали мнение, что человек приехал на Кубань ненадолго, поэтому люди потенциально уже не связывали надежду на изменения в крае с вашим присутствием. И только в последний год благодаря кооперативам и АНТу народ «заговорил», но уже с прибауткой, что если бы их не было, то их следовало бы выдумать для возвышения Полозкова в Москве.

Вряд ли стоит перечислять примеры, отражающие реакцию на ваше избрание в партии и обществе. Один выход из КПСС с пометкой «Не желаю состоять в полозковской партии» чего стоит!

Иван Кузьмич! Зная вашу душевную чистоплотность и умение выбрать правильное решение в сложных ситуациях, ради стабилизации обстановки в обществе и РКП откажитесь от должности добровольно. В сегодняшней драматической ситуации этот шаг по достоинству будет оценен людьми, и вы заслужите действительный авторитет. Кроме того, вы ощутите подлинную внутреннюю свободу и душевное облегчение, как почувствовал это я, выйдя в 1987 году из аппарата.

Поверьте в искренность моего письма: я не «продался» и никуда не «перебежал», но в мои 40 лет, как и в те 19, в висках стучит первопричина вступления в КПСС: «Хочу быть в первых рядах борцов за коммунизм». В последнем мы засомневались, ряды уже не первые, и те редеют.

Н. ДЕНИСОВ,
проректор по научной работе Краснодарского государственного института культуры

■

Сняв глушилки и отменив цензуру, власти осчастливили нас возможностью слушать и читать более «крепкую» продукцию, нежели «Маяк» и «Московские новости». Но пока наши издательства и редакции набирают силу, читателю приходится утолять голод западными изданиями, которые поступают к нам главным образом почтой.

Несколько лет назад в пятом отделе КГБ мне объяснили, что их сотрудники обязаны изымать даже Ленина, если он издан «Посевом». Теперь же многое изменилось.

Но, несмотря на то, что дареному коню в зубы не смотрят, я позволю себе придраться к качеству подаренной нам гласности. Дело в том, что в течение двух лет я подписан на газету «Русская мысль», которая издается в Париже. Мне регулярно, каждую неделю, высылают почтой экземпляр, который так же регулярно не доходит. На это же жалуются почти все подписчики из СССР. Кто-то ведет борьбу с «РМ», тщательно вылавливая ее в потоке литературы, идущей с Запада. По словам главного редактора «Русской мысли» госпожи Иловайской И. А., «РМ» не доходила даже до академика Сахарова. «Некто с пустым лицом» и его оберегал от излишней информации.

Из любопытства я обзвонил основные независимые библиотеки Ленинграда. »РМ» не оказалось ни у сионистов, ни у патриотов, ни у религиозников, ни у демократов. Нет ее и на «черном рынке». Ушлые распространители только пожали плечами: «Совсем пропала, а жаль — хорошо брали».

Все говорит о том, что изъятие «Русской мысли» из оборота независимой периодики есть плановая работа. Очевидно, скоро исчезнут и все другие газеты, не выражающие точку зрения координатора этой работы, человека, должно быть, пожилого, с седыми висками и усталым взглядом.

А. ЩИПКОВ
Ленинград

■

Мое письмо, естественно, написано в запале. Все эти заметки типа «Бывший агент КГБ заявляет» или в «Огоньке» «Дневник стукача» ничего, кроме чувства омерзения к авторам, не вызывают. Им бы после этого накинуть себе петлю на шею, ан нет, живут, еще делают себе политический капитал.

А я бы стал агентом КГБ. В нашей жизни это нужная организация. Есть и там дураки, но система у них правильная.

Я не сионист и не русофоб. Недолюбливаю евреев за их беспринципность, но мне евреи сделали больше хорошего, чем русские. Недолюбливаю милицию, но в тяжелых случаях мне помогали люди, служившие там. Жаль, что моя плохо сложившаяся биография не позволила мне служить в армии или в КГБ. Это нужная, благородная работа, которую портят предатели, демагоги и дезертиры.

Мне не нравится Крючков. Уж очень он клялся и божился, что почту не досматривают, что досье на граждан не ведут. А зачем тогда, спрашивается, нужен КГБ?

Исповеди, исповеди... Исповедуются только у священника, а при народе это — срам.

Б. БОРИСОВ
г. Жуковский Московской области

■

В ноябре 1942 года мне исполнилось 16 лет, и в том же году я поступил работать на эвакуированный из Воронежа в Андижан завод. После войны переехал вместе с заводом в Воронеж. Был и токарем, и шлифовальщиком, а когда окончил вечерний техникум, стал инженером-технологом. По роду своей работы имел доступ к секретной документации. На заводе проработал 44 года, в последние годы перед пенсией вынужден был сменить работу на более легкую и уже не пользовался документацией «для служебного пользования».

Я тяжело болен, нужна повторная операция, но медики отказываются ее делать, так как в 1987 году я перенес обширный инфаркт.

Сейчас у меня есть вызов в Израиль, где возможно лечение без операции. Но завод отказал мне в выезде. В справке из ОВИРа сказано: «в связи с наличием допуска к секретной документации».

Где же логика? Последние восемь лет работы я не был связан со служебной документацией, четыре года назад я ушел на пенсию, то есть одиннадцать лет не имел допуска. В моем вопросе явно не разобрались. Но ведь эта ошибка может стоить мне жизни.

А. ГОСТРЕР
Воронеж

■

Усердными стараниями системы советский мужчина превратился в ничто. Вот он стоит в очереди за водкой: багровое лицо, серая одежонка. Большинство там — в этой очереди.

Он не отец. Чего стоит «отцовство» в наше время? Он квартирант, добытчик, производитель, но не отец.

Для государства он сгусток мышечной массы. Его жизненный путь прост и печален: рождение, армия, женитьба, инфаркт, смерть. Можно втиснуть в этот ряд и тюрьму. Не такая уж редкость.

Русский мужик не был пьяницей, он был хозяином. Пьяницей сделали советского мужчину десятилетия системы. И он умер. Превратился в Ничто.

С. БРОШИН,
студент
Кандалакша Мурманской области

СО СТАРЫМ ГРУЗОМ — В НОВЫЙ ГОД

Вновь отложен суд по иску «Огонька», С. А. Ковалева, Э. А. Рязанова и Ю. П. Щекочихина к редакции «Военно-исторического журнала». Опять из-за необеспеченности ответчика юридической помощью. Заместитель главного редактора «ВИЖ» капитан II ранга (что соответствует армейскому званию подполковника) С. Г. Ищенко заявил, что адвокат Сорокин Ю. Г., с которым заключено соглашение, убыл в командировку. Наш представитель адвокат Г. М. Резник выразил по этому поводу удивление: дата слушания дела была определена почти месяц назад, а занятость адвоката в этот срок в другом процессе исключает принятие поручения на защиту. Не прибегает ли ответчик к хорошо отработанной тактике затяжек? Суд ходатайство ответчика удовлетворил. Новый срок слушания дела — 15 января. Если опять у «Военно-исторического журнала» не случится что-нибудь непредвиденное...

В номере 51 за 1990 год в материале «Петля для следователя?..» (стр. 3) допущена ошибка по вине ответственного работника межведомственной комиссии по подготовке нормативных документов о Следственном комитете. Вместо слов «делом о поджоге военному коменданту Москвы» напечатано «коменданту Кремля». Редакция приносит свои извинения.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Скоропостижно, на 78-м году жизни, скончался ветеран советской журналистики, бывший заведующий редакцией нашего журнала Альберт Людвигович Кочаровский.

В редакцию журнала «Огонек» он пришел уже немолодым человеком, пройдя путь от выпускающего газеты «Глос радецки», выходившей на Украине на польском языке, корреспондента газет «Приуральская правда» и «Октябрьская магистраль» до редактора подмосковной газеты «Трудовая вахта».

А. Л. Кочаровский был большим жизнелюбцем, добрым и отзывчивым товарищем. Таким он и запомнился нам.

ОГОНЬКОВЦЫ

“Вы хотите

иметь надежную оргтехнику и импортные компьютеры,

НО

у вас нет валюты — обращайтесь в объединение «МММ»

В сжатые сроки (максимум 10 дней) за РУБЛИ
по ценам ниже рыночных
вам поставят аппаратно-программные
комплексы на базе ПЭВМ IBM PC, AT/XT
— без предоплаты (оплата по факту)
— любая периферия

”

СИБИРЯК ИЗ «ПАРИЖСКА»

Эльдар РЯЗАНОВ

Эдуард ЗЕЛЕНИН.
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ.

Я не искусствовед. Поэтому пусть простят меня специалисты за примитивность. Я делю живопись на две категории: на ту, которая нравится, и ту, которая оставляет равнодушным. Картины Эдуарда Зеленина относятся как раз к тем произведениям искусства, которые лично мне очень нравятся. Если вы меня спросите «почему?», отвечу прямолинейно и непрофессионально: потому что его картины радуют глаз. Потому что они нарядны. Потому что, глядя на них, хочется жить. Потому что они создают в душе праздник. Потому что в них буйство цвета и фантазии. Картины Зеленина необычны, карнавальны, элегантны и, черт побери, красивы, хотя я знаю, что употреблять это слово по отношению к живописи — дурной тон. И, наконец, у Зеленина есть свой стиль. А создать свой стиль в конце нашего века, когда до тебя трудились сотни тысяч художников, среди которых немало талантов, неимоверно сложно, попросту немыслимо.

Глядя на зеленинские полотна, которые отмечены легкостью, в которых присутствует нечто беспечно-моцартовское, можно подумать, что он — художник солнечной судьбы. Но это — увы! — не так...

Родился Зеленин «во глубине сибирских руд», а именно в Новокузнецке. Там рос, ходил в обычную советскую школу. Его матушка водила по территории металлургического гиганта электровоз, который развозил из цеха в цех расплавленный металл. Так что классовое происхождение у будущего художника было лучше не придумаешь — наше, пролетарское. Эдик любил рисовать, и его отправили в Свердловск в художественную школу. Оттуда способный девятнадцатилетний юноша перебрался в Ленинград и был принят в художественную школу при Академии художеств. Тут на паренька из провинции обрушились самые разнообразные художественные впечатления. Особенно сильно подействовали на него не очень-то знакомые прежде модернисты, сюрреалисты, абстракционисты и прочая проклятая нашим официальным искусством нечисть во главе с титаном — Сальвадором Дали. Ни к чему хорошему это привести не могло и кончилось действительно плачевно. Корифеи соцреализма вышибли Зеленина из училища. Так он и остался (может, к счастью!) недоучкой, человеком без образования, художником без диплома. Как пишут у нас в военных билетах — «рядовой, годный, необученный». Зеленин вернулся в родной Новокузнецк, там женился и продолжал малевать картины, которые не столько удивляли, сколько возмущали жителей его родного города.

Желая быть понятым, Зеленин совершал набеги в столичные города. Это было время, когда выставки устраивались в частных квартирах и в мастерских художников, в молодежных кафе и в научно-исследовательских институтах. Например, у Эдуарда, помимо участия в групповых экспозициях, было несколько персональных выставок: в Институте биофизики, в молодежном кафе «Синяя птица», в инженерно-строительном институте. Получить место в выставочном зале Союза художников для «леваков» было нереально. Совершались попытки зацепиться за Москву, но не удалось. Система изобрела своеобразную форму крепостного права, закабаление строителей коммунизма — ПРОПИСКУ. Прописка пригвождала людей к месту жительства и позволяла органам и милиции следить за каждым. Эдик и Таня — так зовут его жену,— не одобряемые земляками, перебрались поближе к Москве и снимали деревенскую избу недалеко от старинного города Владимира. Совершать наезды в Москву для участия в приватных, полулегальных выставках стало легче. Во Владимире Зеленин приохотился к керамике и на это жил. Там его как керамиста приняли в местное отделение Союза художников. Однако Главные Художники Союза в Москве отказали Зеленину в членстве, не захотели иметь его своим коллегой. «Не притворяйтесь, будто вы — керамист, нам известно, что вы — подпольный живописец». Но ведь живописец, а не наркоман, грабитель или валютчик. Сейчас бы нашим военным и армейским такое же послушание и дисциплину, которыми славились некогда наши творческие союзы. Началось выживание с Родины. В 1975 году беспричинный и необъяснимый арест, советы «искусствоведов в штатском» покинуть страну, обещания помощи в деле отъезда.

БОГОМАТЕРЬ.

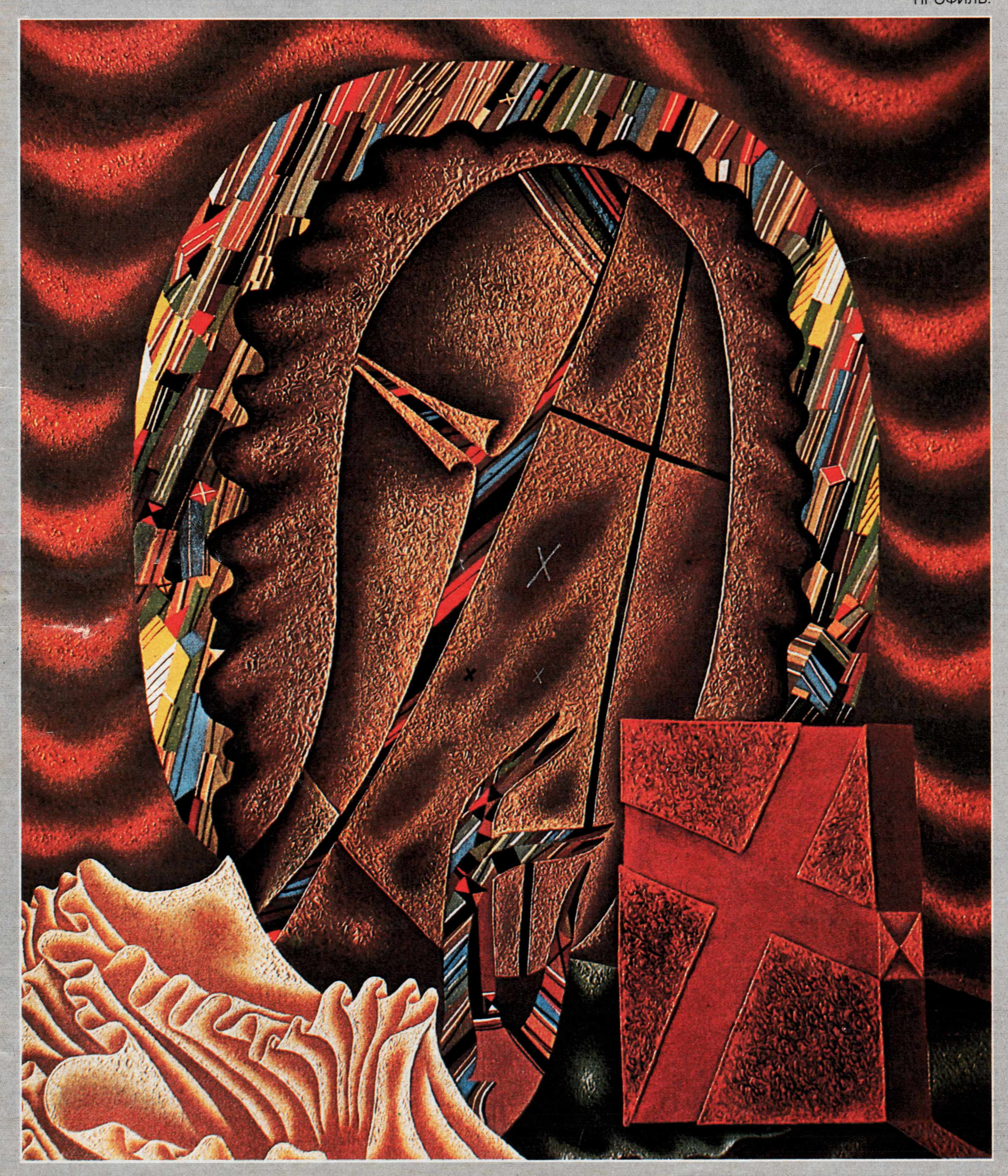
И чистокровный русак Зеленин покидает Отечество по израильской визе. Он делает вид, что он еврей. Выпускающие органы делают вид, что верят этому.

Предстояло вывезти за рубеж свои картины. Предварительно их надо было оценить и уплатить государству пошлину за собственную работу. О, наше умное государство! И тут создавалась парадоксальная ситуация. Собственно говоря, выдворяли Зеленина и таких же, как он, за то, что малюют ерунду, пачкают холсты — за мазню. Считалось, что подобные художества не представляют никакой ценности, даже, наоборот, растлевают безупречный и здоровый народ. Однако оценщики картин были людьми опытными и толк в живописи знали. Интересы художников-эмигрантов (обалдеть можно!) состояли в том, чтобы их полотна были оценены как можно дешевле, тогда с них сдерут поменьше. Но у нас только идиот не воспользуется служебным положением. За то, чтобы назначить за вывозимые картины грошовую символическую цену, то есть помочь нищим живописцам, искусствовед-оценщик брал с несчастных взятки их же картинами. Некоторые из оценщиков стали сейчас крупными коллекционерами, людьми почтенными и состоятельными.

МУЗА.

...В Париже, недалеко от площади Республики, в одном доме живут три бывших советских художника — Олег Целков, Михаил Заборов, Эдуард Зеленин. Кто позажиточней, кто похуже, но каждый живет лучше, чем в России. У каждого из них персональные выставки, картины продаются, издаются каталоги. В Париже оказалось «прописаться» легче, чем в Москве. Но и в «Парижске» (так называл этот город Высоцкий), дом Зелениных — русский дом, пропитанный сибирским духом. А он и его жена Татьяна так и не смогли врасти во французскую землю. Как два русских самородка, существуют они в прекрасной, но чужеродной среде. И живут нашими интересами, болеют нашей болью за все то, что у нас происходит.

Произведений Зеленина нет в советских картинных галереях. Разве что после его прошлогоднего приезда — единственного за 15 лет,— после посещения Новокузнецка, где на этот раз земляки встретили его восторженно, может, в местном музее и висят его полотна, подаренные им родному городу. Было бы прекрасно, если Москва и Ленинград предоставили бы художнику свои залы для персональной выставки. Это было бы более чем справедливо. Это помогло бы зарубеежаться ранам художника, которого ни за что изгнали оттуда, где он родился и жил. А мы бы увидели прекрасные красочные полотна Зеленина, творческие истоки которого уходят в раннюю русскую живопись, в лубок, в иконы, в наш неповторимый фольклор. И мы тем самым хоть немного загладили бы вину перед талантом, хоть частично сняли бы с себя грех, который лежит на каждом из нас.

ТРОИЦА.

Любомир ЛЕВЧЕВ

ВСЕМУ СВОЙ ДЕНЬ

Любомир Левчев вошел в болгарскую поэзию в середине 50-х годов вместе с Владимиром Башевым, Андреем Германовым, Константином Павловым, Николой Инджовым, поэтами, не похожими друг на друга, но схожими в одном — в своей антикультовской направленности.

Любомир вошел в поэзию шумно и весело, но с годами его судьба и поэзия начали приобретать драматический и даже трагический оттенок. В последние годы Л. Левчев занимал пост председателя Союза болгарских писателей... Однако поэзия Любомира Левчева развивалась независимо от внешней конъюнктуры.

В середине 70-х он написал провидческое стихотворение «Тайная любовь» (о возможности оказаться среди гипсовых статуй, за ненужностью выставленных на задворки). Оно здесь представлено. В поэзии Левчев оставался самим собой, отстаивал свободную душу поэта. Таков он и сегодня.

Самое опасное в наше время — азарт слепого устранения, замуровывания в той эпохе, которую мы отбрасываем, того ценного, что было создано поэтами вопреки ей, вопреки своим судьбам.

Все изменяется, режимы рушатся, поэты остаются.

Владимир СОКОЛОВ

ПЕСОК

Заключенные добывают песок.

Выгребают свои приговоры.
Каждый день.
Тяжелый песок
и щебенку.
Желто-зеленый песок
с блестками кварца.
Мелкий
и бесконечный.
А река все несет...

Заключенные добывают песок.

Счетоводы нереальных цифр.
Проектировщики развалившихся
мостов.
Шоферы, заснувшие на рулях.
Кладовщики.
Хулиганы...

Заключенные добывают песок.

Вон тот,
говорят,
убил девушку камнем,
безумно ее любил,
говорят.
А может быть, и не тот.
Сейчас он
как будто
баюкает что-то в сите.

Но шипит песок,
и над сеткой
подпрыгивают мокрые камни...

Заключенные добывают песок.

Песок.
Щебенка.
Песок.
Щебенка.
Но не для назиданья.
О, нет!
И из них будет сделан бетон.
И они — для основ этих,
всепоглощающих.

Бетон для новых детских яслей.
Бетон для университетов.
Для танцплощадок.
И фантастических мостов
к другим небесам,
где нет у звезды
ядовитого двойника...

Песок.
Щебенка.
Песок.
Щебенка...
Поторапливайтесь,
самосвалы идут!

1963

ТАЙНАЯ ЛЮБОВЬ

— Любила?
Обманывала?
Где же истина?

Безлюдным Пассажем иду
в ослеплении.
Угла я ищу
торопливо, бессмысленно,
угла потайного
для смешного уже объяснения...
Но именно там,
в бездне той, меж глушайшими
стенами
открыт, обнаружен я и окружен
фигурами, позами
необыкновенными —
из гипса и мрамора —
со всех сторон.
И сам я делаюсь мраморным.
Медленно
сущность игры постигаю —
в этот двор выдворяют пропащие
статуи,
выставленные из выставок,
не получившие признания
и не забранные даже своими
ваятелями.
Стоят где придется.
Что им еще остается?
То ли нейлоном покрытые, то ли
пылью,
здесь они проживают
и даже лицом к стене
продолжают
играть
свои гибельные роли.

Молчат отверженные.
Недвижен час.
Молчу. И слышится
мне чей-то глас.

Какой-то цинковый бачок,
помятый весь,
вообразив,
что ежели он здесь,
то уж и он — творение,
во мрак
разинул крышку
и вещает так:
«О, братья,
день придет,
и нас признают!
У нас вымаливать
прощенье будут,
братья!..»

Конечно же, бачок,
всему свой день приходит.
И только ты, любимая,
уж не придешь, наверно, никогда.

Я понимаю —
ты объясняешь мне
необъяснимое...
Но я...
Мне не даны ни цвет,
ни прочность мрамора,
ни даже цинковая твердость.

Я на колени становлюсь.
Целую
уже чуть слышные шаги надежды.
Не отстраняй меня!

Не отстраняй!

1976

КОЛЬЦО

(при спуске с горы)

Завершилась зеленая зона.
Спуск все круче. И это не снится,
что теперь уж не за горизонтом,
а меж мной и тобою граница.

Перстней памятных ждут наши руки,
предлагают же — только
венчальные...
А мне нужно — для вечной разлуки.
Дай мне в руки кольцо
разлучальное,
круг волшебный, в котором исчезну.
Подари мне медаль за забвенье!
Был с тобой так высоко,
что бездну
я уже заслужил без сомненья.

Кости веток в небесной гробнице...
Веет родиной... Страшно и свято.
Стань, любимая, вновь чаровницей,
сделай ветром меня безвозвратно.

УЖЕ Я ГДЕ-ТО ТАМ

Венчались в Одиночестве.
Она так настояла.
Я улыбался:
«Это ль старомодно?»
Затем вокзал.
Нам родственники машут,
полузнакомые мелькают лица...
И радуга
болотных испарений
сияет, словно оксиген беззвучный,
спаять желая сломанную жизнь.
Сова кричит,
кукушке подражая.
А после...

Закат густой, как краска,
произведенная на страшных
фабриках.
Отравленные звезды
плывут вверх брюхом
по волнам мечты.
Тогда воспоминанья об измене
идут поздравить нас
особенно сердечно.

Рука моя скользит.
Я глажу
округлое холодное колено.
Шепчу ей на ухо:
«А не пора ли
побыть совсем вдвоем?»
«Но, дорогой,—
я слышу.—
Как это «вдвоем»? Не знаю.
Считать я не умею.
Любой на свете — это одиночество,
а остальному просто нет числа.
И если ты со мной,
то будь во мне
или иди туда,
где верность и измена».

Я улыбаюсь.
Но уже я где-то там...
И просто не могу сюда вернуться.

Перевел с болгарского
Владимир СОКОЛОВ.

ШТЫК В ЗЕМЛЮ?

ПИСЬМО ПИСАТЕЛЮ В. РАСПУТИНУ С НИЧЕЙНОЙ ЗЕМЛИ

Уважаемый Валентин Григорьевич, это я вам позвонил из московского серого дня в иркутский неведомый вечер, предложил встретиться, слушал ответ и невесело убеждал сквозь глуховатую связь, три десятилетия возраста, тысячи километров и все то, что показалось вам непреодолимым... а потом ехал в сонном троллейбусе, задыхаясь бесконечным и безнадежным письмом воображаемым к вам, и корил, взывал, тащил в помощники всех святых и людскую тихую правду, а потом убеждал себя и махал рукой: а, ладно, воля ваша, невелика беда, и что меня так проняло-то, в самом деле, ладно. Это просто давит несбывшееся, мечта.

Я понимаю, что у вас может быть предостаточно оснований обижаться на журнал «Огонек».

Пять последних лет — это пьяные годы свободы, воплей, лихой литературной критики, напоминающей сразу и милицейский протокол, и мордобитие в подворотне, годы сшибок стенка на стенку, коллективных жалобных писем, ударов на удар, нелепых подозрений, мелких попреков, раздела имущества и припечатывания ярлыков, слепых атак и отмашек наугад — больно и стыдно, что вышло так, но по-другому и не могло. Мы одичали, мы не привыкли жить без врагов, и когда нас развязали и народ ломанулся на все четыре, то обретенное расстояние между людьми использовалось с единственной точки зрения: отсюда кулаком в харю смазать сподручно, отсюда плевок ядовитый достанет, а отсюда мы его стрельнем, гада такого. Времени понадобились новые герои. А новые герои не знали, как стать героями без кровавых подвигов, без свержения чего-то, без штурмов и битв, интеллигенция захотела чужой жертвой искупить свой ручной характер до отпуска на волю, нравственного здоровья на покаяние не хватило.

Это были не лучшие годы — все проиграли.

Просто нам, из другого поколения, казалось, что рано или поздно вы разойдетесь на такое расстояние, с которого останется только посмотреть друг на друга. Что все поймут, что от того, что мы станем спина к спине на тающей льдине, тонуть веселей не будет. Что в наше кровеносное время мы наконец признаем, что разные тропинки тянутся к правде. Что все тропинки к правде бегут по нашей матери-земле — щедрой, святой и грязной.

И мне казалось, что, когда вы поймете это, вам трудно будет сделать шаги навстречу самим и начать разговор. Я думал, что настало наше время — время парламентеров. Когда пушки притомятся палить, полезет из окопа какой-нибудь толмач и помашет над фуражкой соответствующим флажком: не палите, дескать, братцы, мы к вам с миром! Толмач не тот, который говорит: ваша взяла и комкает в немытом кулаке бессильный мотюх, а который улыбается: братцы, а может, замиримся? Штык в землю? Давайте поговорим!

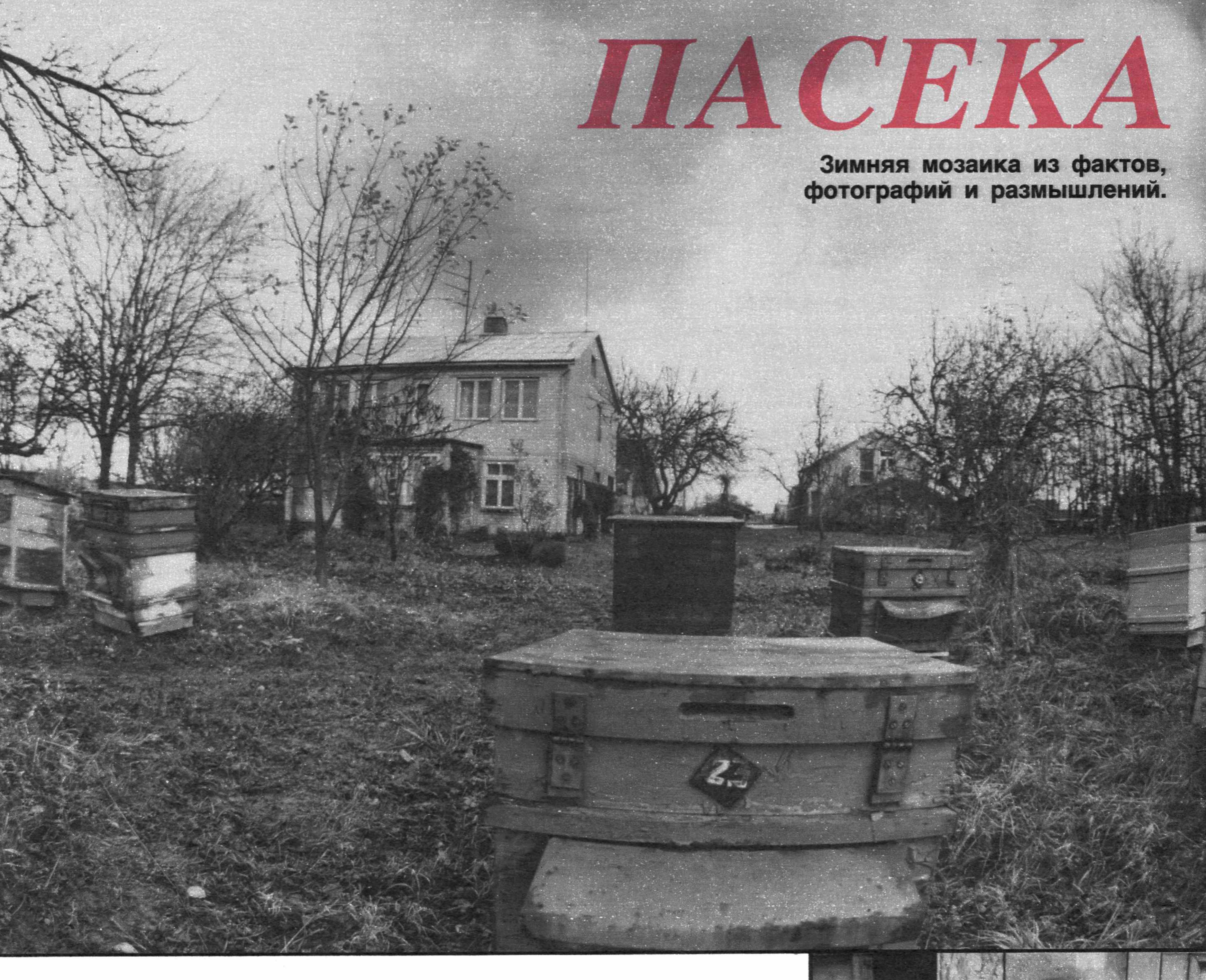
Не поступаться принципами, не предавать друзей, не забывать обид, не изменять — просто поговорим! Признаем одинаковое право на правоту и одинаковую ответственность за худое и чтоб в протянутую руку легла протянутая рука, а не пала камнем пустота. Русский народ всегда болел прощением и покаянием, христианской незлобивостью и тягой к всеобщности, соединению, миру, на котором и смерть красна, да и жизнь еще возможна.

Давайте поговорим.

Александр ТЕРЕХОВ

ПАСЕКА

Зимняя мозаика из фактов, фотографий и размышлений.

ОКНО НАДЕЖДЫ

Моника ЗИЛЕ
Фото Дмитрия ГОРЯЧКИНА

На фоне перебоев с хлебом и драк за бросовой колбасой, конечно, на этом фоне даже упоминание пчеловодства и его продуктов кажется неуместным и даже неприличным. Вроде любования чем-то элитарным при всеобщей разрухе. Но это еще раз подтверждает, какое зло последние пятьдесят лет хозяйничало в латвийской деревне. В 1939 году здесь было без малого 223 000 пчелосемей. В прошлом приусадебное хозяйство насчитывало 116,4 тысячи ульев, а вместе с коллективными — 161 тысячу. О падении урожайности меда и говорить нечего, результат 1939-го для нас пока на очень высокой полке — не дотянуться.

— Уровень пчеловодства можно считать показателем цивилизации,— таково мнение специалиста объединения «Латвияс Бите» Юриса Штейселиса.— Надо низко поклониться людям, поддерживающим эту древнейшую отрасль, которая, кроме ценных продуктов для питания и медицины, дарит человеку возможность единения с природой и осмысления себя.

СМЫСЛ ЖИЗНИ и происходящего.

Смысл сегодняшнего и грядущего дня.

Смысл — итог, сумма. А может, горизонт?..

Наверное, все время, пока на земле живет человек, он пытается постичь смысл своего бытия. Изводит себя вопросами о нем и редко бывает доволен найденным ответом.

Человек утверждает, что пчелой движут лишь инстинкты. И он же для высшей похвалы деятельности придумал выражение: трудится как пчелка. Ибо все, что делает маленькое крылатое создание, имеет СМЫСЛ. Не терзаясь попусту его поиском, пчела всегда знает цель и идет к ней.

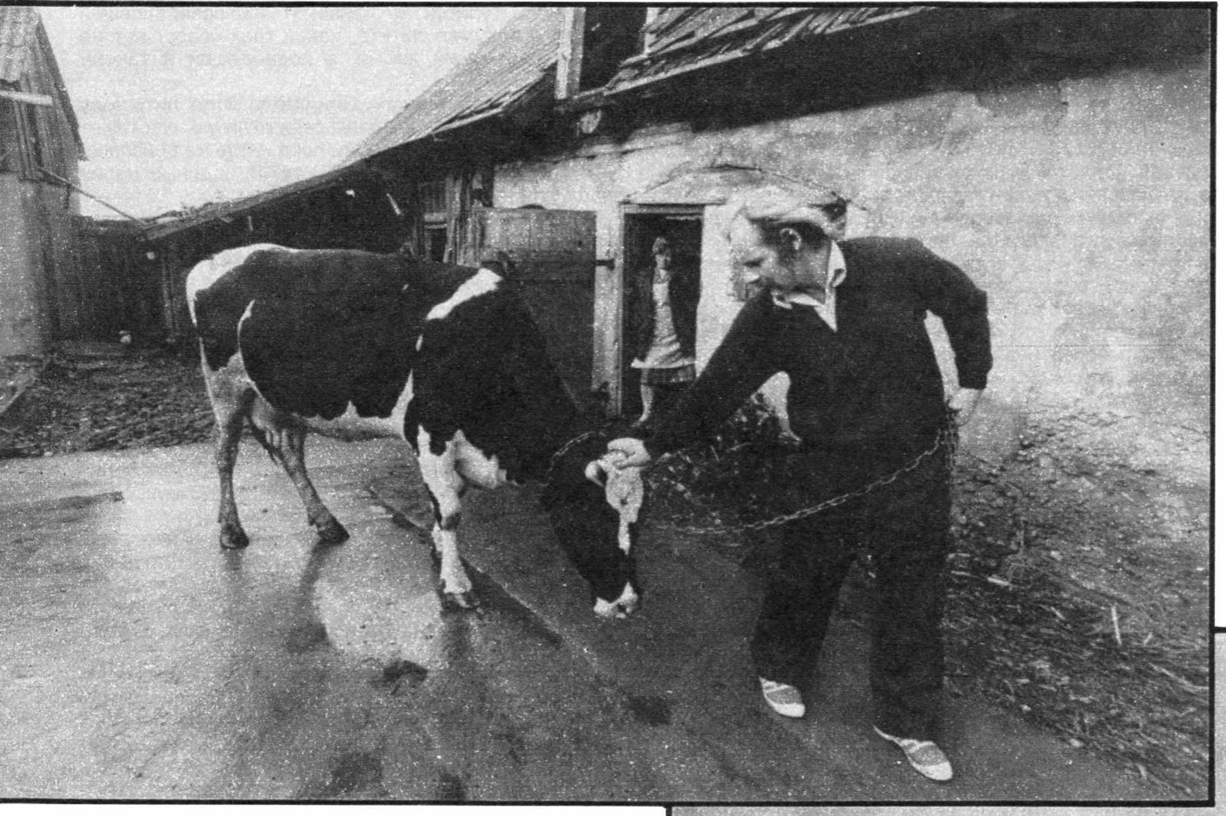
Даже сейчас, когда ульи припорошены инеем, за тонкими стенами своих домиков пасека не просто пережидает зиму, а неуклонно выполняет очередной виток своей смысловой спирали: когда снова придет тепло, каждая из трудовых пчел со смыслом проживет отведенное ей природой время — 35 дней.

* * *

РИДЗИНИ — ОБЫЧНЫЙ хутор в Курземе.

Здесь та часть Латвии, в которой люди и море понимают друг друга. Правда, с крыльца Ридзини даже голоса волн не услышишь — по прямой до берега километров десять. Но темными осенними ночами на крыльях низких облаков по равнине прилетает гонец Балтики — ветер. Чтобы до самого утра, еще и день прихватывая, выяснять отношения с высокими кронами и мелкими кустиками: кто же тут кого оставил и не захотел последовать, когда миллионы лет назад море начало отходить к западу. В сведéние этих счетов вовлекаются телефонные провода, крыши, печные трубы.

Бывает, все прямо ходуном ходит. Но хозяйку хутора Зенту Каунецку, ее дочь Инесу и зятя Оскара в такую пору беспокоит лишь то, чтобы буря не

Несколько раз над Ридзини нависала опасность. Самая, пожалуй, черная — летом 1941-го. После того как родители Зенты отказались подписаться на государственный заем: а откуда деньги взять, если хутор куплен недавно и все до копейки в него вложено? Хотя советская власть тут отметила только первую свою годовщину, нрав ее люди уже знали... Вот и спешили Ридзини стирать-сушить белье да в узлы связывать, чтобы все было на подхвате. Зашел местный активист, посмеялся: мол, кончайте это дело, всех, кого посчитали нужным, в Сибирь уже отправили. Скажите, какое настроение при таком положении вещей дом прихорашивать?

Потом была война. А после нее ножом к горлу подступила коллективизация. Не то что про доски для потолка или тес на крышу — о никчемном бревне для свиного корыта не заикнись. Так и жили. Только верой, что тупость и бесхозяйственность вечно бал править не могут.

Это уже позже, в середине 60-х, местный колхоз избрал наконец руководство, которое понимало: без своего подворья и хутора здешнее крестьянство вымрет подчистую. Тогда и пасеку заметили, 24 пчелосемьи в весьма посредственном состоянии. Еще немного — и пропадут. Кому доверить? Выбор пал на Зенту Каунецку, хотя опыта в пчеловодстве у нее не было. Но старый пасечник, у которого она в первое время училась, подбодрил:

— Ты только смотри, как они работают. И без нужды не мешай.

сломала ветку одной из яблонь, под которыми собрана пасека,— могут пострадать ульи. Сам дом стоит крепко. И если верно, что невозвратно от нас ушедшие имеют возможность наблюдать за земной жизнью, то Адольф Каунецкис испытывает заслуженную гордость — все сделанное его руками и спланированное в двухэтажном доме, где с деревенским укладом роднятся городские удобства, камин и необыкновенно отделанные потолки,— все тут и прочно, и ладно.

— Он тут работал в строительной бригаде, когда я осталась одна с Инесей,— вспоминает хозяйка.— Родители мои еще были живы, но дом нуждался в крепкой и заботливой мужской руке.

В этом краю вообще принято на первый план выдвигать практическую сторону жизни, и Зента Каунецка от традиции не отступает. Лишь то, как светлеет и смягчается ее лицо при упоминании покойного мужа, свидетельствует — было все, о чем мечтает любая женщина. Верно, они сошлись и в трудолюбии. Эта черта стирает любые национальные грани. Чего удивляться, что такой литовец без проблем вошел в латышскую семью, стал роднее родного и воспитал Инесу как свою кровиночку.

* * *

ГОВОРЯТ, САМЫЕ МЕДОНОСНЫЕ ПЧЕЛЫ у того, кто не нарушает заведенный в улье порядок, а подлаживается к нему, применяя знания, накопленные человечеством за те тысячелетия, которые оно занимается этим промыслом.

В каждом улье вокруг пчеломатки-царицы тысячи крылатых работниц, трутни и детва — все вовлечено в единый круг труда и обновления рода. По сути, каждая медоносная семья — живой организм, единый. И если даже из лучших побуждений вмешаться в его работу неумело, это будет воспринято пчелами как агрессия, и вместо сборки нектара они очень много энергии затратят на восстановление удобного им порядка.

Говорят, труднее всего с пчелами ладят пунктуальные технократы, желающие видеть жизнь улья такой, как ее описывают в умных книгах. Но что же тогда надо соблюдать? Чего придерживаться? Опыта и интуиции. Сильная рука и железная воля в пчеловодстве сами по себе ни к чему хорошему не приведут.

Неплохо бы над этим задуматься, провести некоторые параллели...

* * *

ИНЕСЕ НЕ ОТРИЦАЕТ, что в детстве заявляла: да чтобы я когда-нибудь за пчелами ходила?!.

Матери помогала — да. Но ведь школа нацеливала на что-то глобальное, абстрактно-патриотичное, молодежные газеты звали то на Север, то в степь. Хорошо, что сработала формула, суть которой — от судьбы не уйдешь. Хотя Инесе получила диплом фельдшера, но работа нашлась в соседнем сельсовете. И замуж за местного вышла — как Оскар из армии вернулся, так и поженились.

Сын родился, но дано ему на этом свете было только четыре месяца.

Как, похоронив первенца, молодой матери ходить по домам с патронажными визитами к женщинам, с которыми вместе в роддоме были? Как прикасаться к нежным тельцам младенцев, при этом исходя безмолвным плачем и раздражая кровоточащую рану души, как?!! Коллега с соседнего участка предложила: «Давай я послежу за этими малышами — хоть несколько месяцев, пока горе у тебя приутихнет».

А на это нужно разрешение главного врача района. Пришли обе вместе к сановной даме. И спросила она Инесу: «Почему вы брезгуете грудняшками до такой степени, что другой за вас обходы должен делать?» Хотя прекрасно знала, в чем дело. Права народная мудрость: пчела жалит жалом, а человек словом.

Вот таким образом медицина отсекла от себя фельдшера, а пчеловодство получило пасечницу. Благо в том колхозе был нужен такой работник. Пригодилась мамина наука. Потом на курсы пошла.

При той пасеке у Инесы родился Наурис, а следом за ним Илзе. Теперь они уже были семья Витолов. Оскар работал механизатором, дела на пасеке у Инесы шли хорошо. Но в 84-м умерла бабушка. У мамы тоже немалые годы за плечами, к отчиму болезни пристали. На семейном совете было решено: надо молодым возвращаться в Ридзини и по-настоящему пустить здесь корни. Пасеку — 60 пчелосемей Инесе передала женщине, которая ей в последнее время толково помогала. Но, как потом оказалось, была лишена божьего дара... Подкармливала по книжке.

А тут в начале весны ударил лютый мороз. Пчелы быстро съели запасы и погибли от голода.

Те двое суток, когда умирала ее бывшая пасека, Инесе испытывала необъяснимую щемящую тревогу. Днем места не найти. Ночью бессонница. Потом настало ощущение пустоты.

Тогда пчелы были уже мертвы.

* * *

МОЖНО СКАЗАТЬ, что теперь в Ридзини дело поставлено на широкую ногу.

На хуторе 80 собственных ульев и 60 из колхозной пасеки, которую Инесе Витола взяла в аренду. Ее условия такие: надо вывозить ульи на опыление семенного клевера и злаков; в конце сезона сдать от пасеки 350 килограммов меда.

Вроде бы просто. Если не учитывать, что в Латвии нет альпийских лугов, да и лето редко балует устойчивым теплом. Продуктивность пчел резко падает, если на одном участке «пасутся» больше 20 ульев. А для их погрузки на перевозку даже изощренные ко всяким усовершенствованиям японцы не изобрели ничего вместо старого дедовского способа: пчелиный дом на спину — и вперед. Повседневный ходовой инвентарь пасечника тоже за многие годы не изменился, дымарь да стамеска.

Вместе с пасекой в аренду взят трактор, на нем ульи переезжают с одного места на другое. Но все участки надо заранее обследовать, прикинуть, хватит ли цветочного нектара на все виды пчелиной деятельности, останется ли, что в соты отложить. Бывает, среди лета вдруг подует зубастый северный ветер, и, если не хочешь остаться в убытке, начинай пасеку подкармливать.

Пчеловодов Латвии называют пионерами по производству биологически активных продуктов. Вот Инесе тоже в прошедшем сезоне продала 330 килограммов высушенной цветочной пыльцы и около 160 — прополиса.

Эти вещи в рекламе не нуждаются и, думается, при острой нехватке лекарств могли бы шире использоваться в медицине. Но для того, чтобы увеличить сбор той же пыльцы, следовало бы пчеловодов заинтересовать еще чем-то, кроме рубля. Но, похоже, с закупкой биологически активных продуктов происходит что-то подобное уже знакомой проблеме с зерном — лучше импортировать, чем ту же валюту платить своим соотечественникам на развитие отрасли.

Вот и удивляется, и огорчается наш пчеловод, читая во всесоюзной печати рекламу завезенного из Китая пчелиного маточного молочка — продукта стимулирующего и тонизирующего. По всей вероятности, за товар золотом, которого у нас так мало, плачено. А можно было бы сэкономить, если бы тем же пчеловодам Латвии хоть частично оплатили инвалютным рублем это молочко, которое они давно успешно добывают.

Будь у Инесы валюта, она первым делом купила бы средства для борьбы с варрой, клещом, который постоянно наносит урон не только их пасеке. Да, отсутствие современных лекарств повлияло на упадок пчеловодства. Но только как причина побочная. Главной является массированная и жестокая атака на латвийский хутор, основное звено здешнего крестьянского уклада. Немалую лепту в это черное дело внесла наша пропаганда, при любом удобном случае презрительно ухмыляясь над всем, что называется малым производством. Если ферма, то чтобы отсчет шел с тысячи голов!.. А что касается тех двух-трех ульев, которые у хуторянина прикорнули за огородом, то, разбрызгивая гербициды с самолетов, и замечать такую мелочь не стоит.

Вот и стал самый обыкновенный некогда продукт элитарным, дорогим и малодоступным. Какой смысл расписывать пользу меда для здоровья и важное место в питании, если сахарный кризис может загубить любую пасеку.

ЕСТЬ МНОГО РАССУЖДЕНИЙ о том, каких людей пчелы жалуют, а каких опять же не очень.

Получается один общий вывод: улей становится беспокойным, почувствовав раздражительность или просто нервозность пасечника. Пчелосемья не скрывает, что не доверяет, что боится человека, который не уверен или не заинтересован в результате своих действий. Улей не скрывает своей обиды к такому, который не задумывается, какой вред может принести пчелам одно неумелое движение руки. Тогда пчелы вспоминают смысл своего жала.

Так ли слепо это деяние, которое мы называем одним из инстинктов, если оно сводится не только к выживанию, но и к сохранению того, что люди формулируют как свое «Я»?..

В УЛЬЕ СВОЙ УКЛАД. В Ридзини тоже.

Здесь свои порядки и цели. Кроме пчеловодства, Инесе и Оскар решили заняться разведением племенного молочного скота. В хлеву уже 5 дойных коров и 6 первотелок. Почти всех крестили дети, потому клички буренок такие ласковые — Брусничка, Луна, Колосок, Жемчужина, Пушинка, Краса... В этих именах звучит истинное уважение и почтение крестьянских детей ко всему живому. Поэтому собаки на хуторе незлобивые, а сторожевую держат на цепи только из-за того, что какая-то тварь принялась таскать соседских кроликов — еще на их Стеллу подумают, если она по воле бегает. Поэтому летними вечерами спокойно гуляют ежики, а синицы уже ранней осенью стучатся в окно.

Илзе нравом походит на Инесу и Зенту, спокойная, с напевной речью. А Наурис в отца. Двигается и говорит быстро, хватается за любое дело. Правда, в отличие от Оскара до конца Наурис пока доводит лишь треть начатого. Зато, если пчелка запуталась в волосах, кричит так, что эхо в дальнем лесу...

Оскар тоже поначалу сторонился пасеки. А теперь сноровистый помощник. Конечно, если время на это остается. Ведь прошлой осенью Витолы взяли 30 гектаров земли. Чтобы вырастить зерно и клевер на корм скоту. Летом случалось так, что на своей пожне закат провожали и рассвет встречали. Бывало, в четыре часа утра прессовать сено кончали, если ночь выдалась без росы. Тут уж на плечах Оскара лежала двойная ноша: днем в колхозе, потом в своем хозяйстве. Если бы не его проворные руки, сумевшие из списанного хлама собрать для личного пользования кое-какую технику, не осилили бы Витолы то, на что замахнулись, когда пошли по фермерской дорожке.

А зачем, разве пчеловодство — дело не прибыльное? Ведь даже при невысоком урожае выгодно запускать медокрутку — то, что из нее вытечет, все равно превышает затраты. От своей пасеки Витолы получают хороший доход, хотя на рынке не сидят, а продают мед через общество пчеловодов сравнительно недорого. Все так. Но самой постоянной величиной, дающей крестьянину уверенность в завтрашнем дне, является только земля.

ЗЕНТА КАУНЕЦКА говорит: будучи на рынках, она всегда пробует мед.

За последние годы не попадалось такого, чтобы возмутиться, мол, «нахимичено». Иногда люди смотрят недоверчиво на мед клевера — белый, прозрачный, вроде жидкий. Но это не значит, что плохой. В здешних местах Курземе хорош вересковый мед. И еще собранный по весеннему первоцвету. Верба, орешник, синяя печеночница, белая дубравница — их нектаром земля после зимы выплескивает навстречу солнцу столько накопившейся страстной жизненной силы, что свежую пыльцу из сборника в улье хочется есть горстями, такая маняще-сладкая.

Соглашаясь с матерью, Инесе добавляет:

— Пробуя мед, я иногда замечаю — пчелы пили нехорошую воду.

Любое живое существо, даже очень разборчивое, поставленное перед смертью от жажды, в конце концов поступится и напьется из позеленевшей лужи. Но подумал ли кто, какой грех совершает не только лишающий жизни, а подводящий к такому выбору?

Но вернемся к пчелам. Они смело могут пить воду из пруда Ридзини, в котором себя отлично чувствуют белые и розовые лилии. Они пока нигде не приспособились жить в плохой воде. В такой водяные лилии просто гибнут. И все.

Может, смысл их существования в том, чтобы мы знали: какую воду пьют жужжащие рядом пчелы?

* * *

ПЧЕЛОМАТКА, ИЛИ ЦАРИЦА, может жить около пяти лет.

В каждом улье в течение сезона пчелосемья норовит вырастить еще несколько цариц. Если пчеловод недоглядит, произойдет преждевременное разделение семьи — часть поднимется роем. Бывает, две царицы в улье начинают бороться. Побеждает обычно та, которая помоложе. А старая и обессиленная выползает из улья умирать. Таков закон природы.

Но Зента Каунецка говорит: она никогда не видела, чтобы царица умирала забытой и брошенной. Над ней в каком-то скорбном танце роится часть пчел, уже из тех, присягнувших своей новой повелительнице. На похоронах своей царицы пчелы умеют вести себя с достоинством. Что не всегда скажешь о человеке...

Зента Каунецка в том возрасте, о котором говорят: старость. Но, несмотря на прожитое в нелегком труде, она не похожа ни лицом, ни норовом на тех злых искалеченных женщин, которых город заставляет роиться по очередям. Большей частью это бывшие крестьянки, которых лишили их наполненного смыслом уклада. Я всегда жалею этих женщин. И понимаю страшное: их облик не породит расцвета милосердия, а скорее наоборот... Они сами это тоже видят глубинным зрением, и от этого запавшие в морщинах глаза горят темным недобрым огнем.

Я думаю об этом, когда смотрю, как Зента Каунецка неторопливо, чуть прихрамывая, идет к пасеке. Потом в хлев. Спешить некуда. Трудовой день в деревне всегда одной длины — независимо от часа восхода.

ДАВАЙТЕ ЗАГАДАЕМ ЖЕЛАНИЕ...

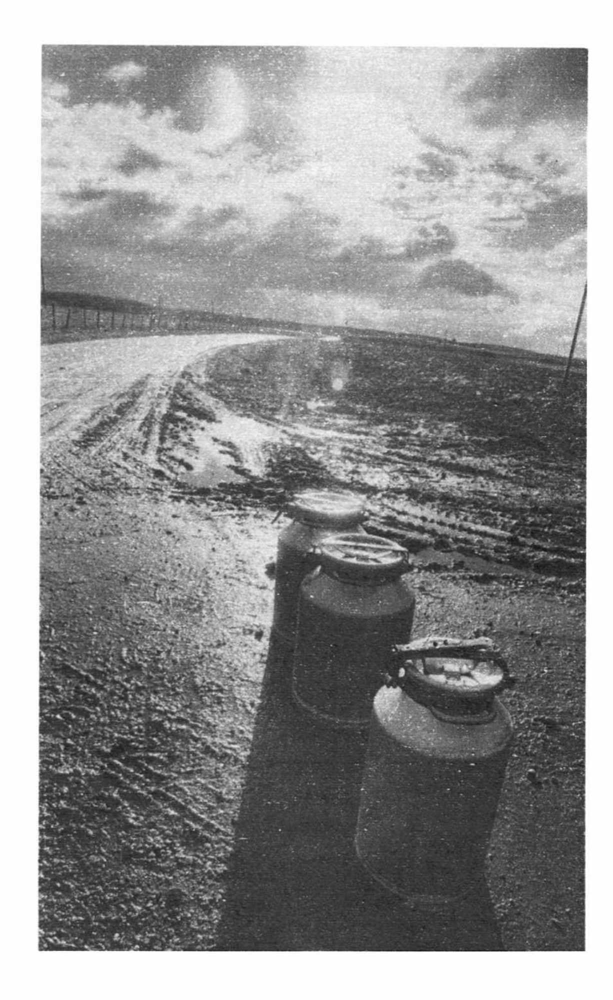
Чтобы зима жгла холодом в меру, чтобы пчелкам не повредила. И людям тоже — другие, идущие от них самих холода.

Я, конечно, далека от убеждения, что в Ридзини все дни протекают в стопроцентном душевном тепле и неге. Не берусь утверждать, что могу назвать все нити, которые объединяют живущих под этой крышей.

Но в одном уверена — бытие это освещено смыслом.

Как у пчел.

Латвийская республика

Владимир ЧЕРНОВ

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ «АРСЕНАЛЕ»

СНЫ В ОКТЯБРЕ

Как сейчас помню. Юрмала. Баррикада перед входом в Дом творчества Союза композиторов СССР. Обтянутые пленкой могучие торфяные кирпичи. Над ними, как Буревестник, косая надпись «Arsenāls» из длинных чулок, набитых чем-то. Видимо, торфом. Там, за баррикадой, Международный центр Нового кино собрал Международный Кинофорум «Арсенал». Эти вздетые вверх кулаки заглавных букв! Из-за черной стены. Ультиматум погрязшему в разврате коммерции окружающему миру: масскульт не пройдет! Руки прочь от цитадели чистого искусства! Здесь стоять будут до последнего кирпича! Пилюлю вам! придется проглотить!

Помню, как пробирался я через узкий пролом внутрь склада кинобоеприпасов. И как был схвачен внезапно, посажен на стул (вспышка!) — и шлепнут на месте. И как из машины напротив вытащили еще дымящийся пластмассовый квадратик, а на нем уже все мои данные и цветная фотография перекошенной мор... лица. И как прицепили квадратик к моему телу, и отпустили его наконец на свободу, и забыли о нем навсегда. Всем большое спасибо!

Помню еще, как втерся я в толпу киноведов, вальяжно шлявшихся туда и сюда, и, уже как свое, слушал зычные их голоса: «Однако, Фасбиндер, господа!», «Несомненно, но ведь Гринвей!..», «О йе-а! Но вот Осима! Опять нам привезли «Империю чувств», где же «Империя страстей»? Это дискриминация, я считаю!» Помню, как, судорожно пролистав, открыл я на нужном месте Путеводитель по Кинофоруму, излагающий сюжеты и сведения о творцах. «Фильмы Осимы «Империя чувств» (1976) и «Империя страстей» (1978) граничат с порнографией. Некоторые отрицают этот факт, воспринимая фильмы Осимы как поиски средств выразительности и киноязыка». Мы, здесь собравшиеся, естественно, как один отрицали, воспринимая. «Сорок половых актов, — сказала мне девушка-киновед с невыразимо умным лицом. — Представляете? Да хоть четыреста! А цвет! А этот тяжелый ритм, эта экспрессия! А вы кто? — спросила вдруг она. — Просто журналист?» И толпа киноведов замерла, на миг ощутимо раздалась вокруг и тут же плавно покатилась дальше, больше ко мне никто не обращался. И правда, надо бы и мне сказать что-то, но что я мог сказать?

И, тихо сжимая свой верный Путеводитель, я скользнул туда, где уже показывали первые образцы Нового кино. А Путеводитель обещал — м-м-м! — оближешь пальцы! «В фильме «Промеж» режиссер анализирует состояние своего тела. Она (видимо, режиссер — дама. — **В. Ч.**) его демонстрирует и наблюдает за ним, размышляя о своей сексуальности». Отлично! «Фильм «Джентльмены» — попытка правдиво и без предрассудков коснуться якобы запрещенной и бессмысленной темы — гомосексуализма в туалетах».

Я молодец, что приехал сюда, выдравшись из этой мясорубки. Чтобы не в пересказе узнать, собственными глазами поесть это Кино, столь нелюбимое массами. Это изысканное блюдо. «Фри шоу» — фильм состоит из эпизодов. 1-й эпизод — резка мяса, 2-й — глаженье, 3-й — выщипывание бровей. Три сопряженных с насилием вида деятельности, которыми должна заниматься женщина». А название этого фильма авторам Путеводителя перевести не удалось. Что-то голландское: «Женщина вытряхивает из постельного белья угрей, зашивает их в простыню, а затем разрезает. Угри падают на пол». Нет, это слишком сильно, так же, как сорок половых актов, боюсь, стану смотреть на акты и не сосредоточусь на цвете и экспрессии. Мне для разгона что-нибудь попроще. Вон то, что крутят в закуточке на видеоэкране. Под крики чаек, под уличный шум ползут по экрану длинные фломастерные линии, ползут уже пять минут, стон открываемой где-то двери, крики чаек, ползут, ползут, иногда игриво, еще пять минут, ползут. Потрясающе! Я ввертываюсь в такое мягкое кресло (всем большое спасибо!), я в нем утопаю — и ничего дальше не помню. Я начинаю видеть сон.

Что-то стали мне сниться нехорошие сны.

* * *

Будто бы ночь. А я прилетаю откуда-то издалека, из какой-то богатой и потому веселой, полной смеха и света страны в свой любимый город («Любимый город может спать спокойно!»). И будто бы такси несет меня от аэропортовских огней к чему-то огромному, черному, ворочающемуся впереди, то ли невообразимых размеров провал, то ли туча, вставшая на дыбы и поевшая пространство. В чрево ее, в глухую, сужающуюся дыру, ныряем мы меж сгрудившихся тесно, плечом к плечу, длинных сутулых домов, подслеповато всматривающихся багровыми глазками во тьму под ногами, где переливаются через помойки серые крысиные волны, натыкаясь на черные тени корявых стариков, роющихся в мусорных баках, где волокут кого-то в кусты, хрустя башмаками по разбитому стеклу, а какая-то слаженная команда с удивительной быстротой превращает в металлолом только что остановленный автомобиль конкурирующей организации: они вспрыгивают на крышу, протыкают ногой ветровое стекло, провисшее белым карманом внутрь, а их соперники, разбросанные вокруг бывшего своего автомобиля, лежат, уже тихие и равнодушные ко всему сущему на земле. И все вдруг уносится за поворот. Все дальше и дальше мчимся мы по изрытой мостовой, все гуще тьма. И никакого света в конце туннеля. «Что это?» — будто бы спрашиваю я у таксиста. «Это наша родина, сынок!» — будто бы шутит таксист, поворачивая ко мне медленно оскаливающееся лицо. И будто бы я начинаю понимать, что это и есть теперь мой город. Таким он стал. Мы несемся по сосудам его, сквозь черную венозную кровь, сквозь сердце нашей родины, вперед-вперед, туда, где находится собственное его сердце, Сердце сердца, но оно не бьется, потому что в нем лежит мертвый человек. И ему тоже холодно и страшно, маленькому и одинокому. Мертвому телу в сердце нашей родины.

И будто бы я прошу таксиста выпустить меня, но у него нет сдачи с двадцатипятирублевки, и я прошу его тормознуть у пиццерии на углу Беговой, где висит табличка «Мест нет», но я ныряю под табличку и вижу, что пиццерия пуста, лишь два столика заняты, и я подхожу к ближнему, где задумчиво курит, положив ногу на стул, тяжелый молодой человек с неподвижными глазами, я подхожу к нему, протягиваю к нему денежку, и он медленно выставляет в мою сторону руку с веером желтых сторублевок, растирая их пальцами, и спрашивает участливо, как у больного: «Деточка, а разве меньше четвертного деньги бывают?» Я поворачиваюсь ко второму столику, за которым беседует группа молодых людей в кожаных куртках, и ближний, не поворачиваясь, говорит расслабленно: «Иди отсюда, харя, здесь люди отдыхают!»

Я выхожу, на улице уже белый день, и будто бы надо мне купить домой какой-нибудь еды, я вижу очередь, стоящую ни за чем. Никогда не было в моем городе очередей к пустым прилавкам, и никогда не было в очередях таких людей. Тихих-тихих, ждущих терпеливо и безнадежно. Серых людей с желтыми, пористыми промокашками щек. Это в них заработала генная память, потому что настала нужда в перетерпливании, в экономии сил. Синдром военного времени. И будто бы там, где-то, дневным сознанием я понимаю, что это сон, что быть всего этого на самом деле не может, что я сейчас проснусь и вновь вокруг меня очутится дорогая моя столица. Моя кипучая, могучая, никем не победимая! Но тошнотворная тянет за сердце тоска: вдруг я проснусь, а оно останется? И я напрягаюсь, не пуская ее в горло, но нет уже моих сил, и она начинает из меня выть. И я просыпаюсь. И озираюсь в панике, и, слава Богу, все тихо вокруг, никто ничего не заметил.

А вокруг туманная осенняя Юрмала. И этот сытый стук сыплющихся на землю от ветра каштанов, коричневых драгоценных камней, которыми я набиваю карманы, переходя вброд пространства между деревьями, расталки-

вая коленями разноцветные волны листьев, их пену и кружева. И вдруг настает берег, бежевая твердь его песка и молоко моря, уходящего за горизонт, в какую-нибудь Швецию, и наводящего на мысли о том, что и там люди живут. И, может быть, кто-то с той стороны тоже смотрит сейчас на море и у него появляется мысль о нас, потусторонних. И я выковыриваю из песчаного пола розовое ушко раковинки и царапаю на огромном незапятнанном береговом листе корявые буквы: «Здесь был Вова!»

* * *

Официальное открытие Кинофорума. Директор Международного центра Нового кино, Председатель Оргкомитета Кинофорума Аугустус Сукутс: «Дамы и господа... — он в некотором затруднении, — ...и прочие присутствующие в зале». Он говорит по-латышски. Молодой человек и девушка переводят его слова на русский и на английский. Зал качает от кайфа. Это уже почти полная Европа! К сожалению, русский дается молодому человеку с трудом — сказывается тяжелое детство в стране большевиков, и Директор-Председатель, доброжелательно улыбаясь, приходит к нему на помощь. И сам переводит собственную фразу. Он прекрасно говорит по-русски. Потом он помогает девушке справиться с английским. Он прекрасно говорит и по-английски. Это высокий класс. После совместного перевода второй фразы на сцене возникает небольшая дискуссия о соответствии формы и содержания. Зал тепло принимает этот волнующий, простите, волнительный, смешной и милый спектакль. Дело ведь не в точности перевода в конце-то концов, а в том, что на наших глазах рождается новый церемониал, почти такой же, как там, у них, за молочным морем. И не важно, что юные здешние граждане, стремительно забывая язык оккупантов (вскоре он им вовсе не будет нужен), пока еще не освоили как надо английский (а уже пора), это — дело наживное. Важно, что в них влилась уже та свобода в словах и поступках, которая, как все мы знаем с пеленок, есть главный признак истинно западного человека. И сказал Аугустус Сукутс: «Наш первый «Арсенал» начался одновременно с разрушением большевизма!» И зал восхищенно шевельнулся. «И мы думаем, — пошутил далее Директор-Председатель, — что именно фестиваль послужил тому причиной!» Раздались сильные хлопки людей, стремящихся подбодрить Председателя и поддержать его смелую речь. «Нам пришлось буквально выцарапывать одного нашего американского гостя из таможни одной соседней державы, — сказал Председатель, и снова зал приветствовал этот его прозрачный намек, — где он застрял, потому что у него не было визы!» Саркастический смех зала: действительно нелепость, у человека нет визы, а его не пускают на Кинофорум! «Надеемся, что вскоре мы сможем выдавать визы в Риге!» Что тут началось! В течение очередных десяти минут, пока переводчики спорили о том, как перевести следующие несколько фраз, а в зале царили ликование и кайф, я всматривался в Председателя. Аугустус имел вид смертельно измученного человека, глаза его были красны, он, недосыпом и переработкой, изматывая своих людей, все здесь и устроил. Он хотел, чтобы все вышло о'кей! Чтобы все было, как в лучших домах. Так и вышло. Всем большое спасибо!

Я вспомнил, как некогда мы сами дерзили на кухнях, рассказывая политические анекдоты, вызывающие у присутствующих из живота идущее ощущение почти предсмертного, отчаянного восторга. И ностальгически приятно было слышать и видеть сегодня людей, которые вели себя так же, но уже в огромном зале на Международном Кинофоруме. Как они эту соседнюю державу! Хоть и не называя ее по имени. Нет, они, конечно, могут и по имени, но — это, если специально подумав. А в свободнотекущей речи подсознание одергивает язык. О наше тоталитарное подсознание! О столичная наша глухая провинциальность! Бедная, больная страна. Ее отчаянные люди!

Жаль, но ни мне, ни, увы, даже Директору и Председателю, уже объездившему всю Европу, но все еще хмелеющему от хождения по опасному краю, европейцами не стать. В нас что-то изначальное растоптано. Я думаю, и он это понимает, а не понимает — это его проблемы. Стать свободными людьми, может быть, удастся вот этой девчонке в перекрученных чулках, бредущей со своим рюкзачком по грудам опавших листьев из школы, вот этому крошечному пацану, сидящему со своей черной козявкой-собачкой на краю тротуара, свесив ноги в канаву, и сосредоточенно исследующему розовым грязным пальцем свой розовый и грязный пятачок. Они, возможно, будут вспоминать тяжелые времена, когда в магазинах Юрмалы было лишь по два сорта колбасы и мясо лишь одного сорта, да и то не парного, а мороженого, и были советские «визитные карточки», не для того, чтобы представляться друг другу, а чтобы иметь возможность все это небогатое купить самим и чтоб голодные гости ничего хозяйского унести с собой не смогли. Может быть, они и будут это вспоминать, скорее — нет. Забудется. Исчезнут подозрительность и ненависть к гостям, потому что они научатся видеть в них просто людей. И чужие беды станут им внятны так же, как свои. Потому что, если повезет, будут жить они уже в другой жизни, в той, которой нам толком и не застать, а и застать — ею не пропитаться, слишком погрязли мы в мерзости. Только дай Боже этим детям спастись. Как-то тут меня затрясло, и зал, и его аплодисменты куда-то стали заваливаться вправо и слабеть и вовсе исчезли, и я стал видеть новый сон.

* * *

Я видел происходящее как бы через глазок видеокамеры. Будто бы мы (кто?) выпрыгиваем из какой-то машины и в темпе движемся в сторону огромного круглого здания лужниковского стадиона. Дверь внутрь. Ее загораживают двое. Кто-то из идущих рядом тычет им в нос что-то вроде пропуска, но рассмотреть им его не удается, их отбрасывают, и мы вбегаем в дверь, ныряем в мгновенную темноту: полосы света, длинный коридор, глаза привыкают. Раздевалка, душевая, пар, оскользающиеся голые люди, это пожилые женщины. Группа здоровья? Шарахаются при нашем проходе, пытаются закрыться, на объективе капли, он запотевает. Мы движемся быстро. Несколько темных помещений, идем где-

то под трибунами, над нами возникающий и гаснущий гул. Кладовка, ящики с бутылками, собранными после матча, старухи-сборщицы делят выручку, паника среди старух, мимо-мимо; еще кладовка, какая-то пара трахается на мешках, четыре белых остановившихся глаза, мимо; тьма, комната, где готовятся к выходу артисты, цыганский ансамбль, костюмеры с юбками, полуголые девчонки, на нас орут, но тут же лица всех, как и тех, что прежде, застывают, в глаза плещет ужас; коридор. Здесь мы слышим голос как бы в наушниках: «Третий, третий, я — первый! Доложите обстановку!» И уже отсюда хрипловатый, спокойный, не в ритм бегу: «Прошли тринадцатую, все нормально, освобождаем помещения». Влетаем в тренировочный зал, каратисты разминаются. Задержка, нас не пропускают. Один в белом падает на колено: его оттолкнули, он разгибается медленно, входит в кадр, с ним еще двое, глаза спокойные, в них интерес, они готовы к драке. Но никакой драки, черные руки и ноги слева и справа от камеры вышибают каратистов из поля зрения страшными ударами, нога в ботинке пинком открывает следующую дверь, и мы уносимся в нее в том же темпе, позади оставляя крики и тяжелые удары. Тьма, свет, карлики, лилипуты, огромное количество собак, псовая охота, вой и лай, густо пошли дети, наряженные для маскарада, снова гримуборные, уже с рокерами, человек, курящий траву, завалившийся набок, отрешенный, нога в военном ботинке перекатывает его голову с боку на бок. Лестница наверх. Огромное пространство стадиона. Здесь происходит какая-то грандиозная репетиция. Какого-то гала-концерта. На поле внизу подмостки, множество людей, ассистенты кричат в мегафоны, перегоняя толпы с места на место, мы проходим сквозь группу японцев, которые устанавливают здесь аппаратуру для запуска невиданного своего фейерверка ценой в полмиллиона, да-да, об этом писали, я вспоминаю, завтра же праздник, и центр его здесь. Будет правительство. Сегодня ночная репетиция. Мы застреваем в японцах, что-то опрокидывается, они кричат, но ребята в черном их оттесняют, сбрасывая вслед какие-то штативы, мы движемся вниз, группа людей удивленно смотрит на нас. Кобзон, Лещенко, разговорники Петросян и Винокур, Алла Пугачева и Жанна Агузарова. Хорошая компания. С ними человек с микрофоном, Юлий Гусман. Он постановщик этого шоу. Бешенству его нет предела, он кричит на нас, он машет запретительно пальцем перед камерой, он призывает артистов присоединиться к его негодованию, он воздевает руки к небу, он выходит из себя. Голос в наушниках: «Третий! Что вы там застряли? Дай ему по рогам!» Гусман получает удар в лицо и катится по ступенькам. Мы останавливаемся, камера снимает панорамой по краям огромную чашу стадиона, там на стенах у больших прожекторов контурами черные фигурки, над чашей плывет вертолет, неслышимый в стадионном гуде. В проходах между трибунами возникают водовороты, какая-то свалка, и вдруг все стихает, в проходах, как из небытия, образуются тяжелые боевые машины, поводя стволами, с них сыплются зелено-пятнистые люди с автоматами и, растянувшись цепью, сгоняют в центр рассеянных по полю людей, из проходов выгоняют артистов, каратистов, служащих, пожилых женщин в мокрых полотенцах, рокеров, карликов и собак. Черная масса в центре поля сгущается, сверху по центру ударяют прожектора. И падает мертвая тишина. И над стадионом начинает реветь усиленный динамиками голос: «Всем сохранять спокойствие! Руки заложить за головы, встать на колени! Производится проверка документов!» Прожектора держат в скрещении стоящую на коленях толпу.

Глазок камеры отодвигается от меня, и я понимаю, что смотрел не через глазок, а просто на монитор, вокруг которого группа военных. Тот, что в генеральском мундире, говорит, взглянув на часы: «45 минут, товарищи. Это не годится. Надо побыстрее. Но, подводя итоги, должен вам доложить, что подготовка проведена в соответствии с оперативным планом, состоянием боевой техники и моральным уровнем людей я удовлетворен. Объявляю готовность номер раз. Сверим часы!» «А этих куда, товарищ генерал?» — спрашивает кто-то, показывая на сбившихся в груду людей в центре стадиона. «Надо изолировать. Чтоб никакой утечки! Нарушение будет караться...» И тут он оборачивается в мою сторону и встает. «Кто это здесь? — спрашивает он.— Какой журналист? Кто пустил? Взять!» Кто-то хватает меня за руки и, сильно крутанув их за спину, валит набок и на колени, затылок мой взрывается невиданным японским фейерверком, мир переворачивается, все поглощает тьма. И я просыпаюсь.

Пятна и силуэты все еще скользят по экрану, музыка Дебюсси еще звучит. Я лежу в мягком кресле, растирая затылок, эти регулярные головные боли, и нигде нет таблеток. Здесь-то они есть, но мне не продадут. Я посидел еще немножко, прикидывая, не продать ли план увиденной мной операции генералу Макашову, а за это взять у него автомат Калашникова и пару обойм. Вещь в доме нужная, все-таки у меня дети. Ах, если бы у генерала нашелся еще и анальгин!

* * *

В цитадели Нового кино, за черной баррикадой, идет захватывающая жизнь. «Жизнь, как она есть». Название фильма Луи Фейяда, классика. Тут целый цикл Фейяда: «Гадюки», «Карлик», «Сердце и деньги», «Вампиры», «Отрубленная голова», «Убивающее кольцо», «Призрак», «Побег смерти», «Завораживающие глаза», «Сатана», «Повелитель молнии», «Отравитель», «Кровавая свадьба». Я думаю о счастливых людях, которым катастрофически не хватает крови, грязи и крутой эротики, о людях, которые, не имея способов во всем этом изваляться, создают искусство, позволяющее окунуться хоть в выдумку. «Сказка весны»: Жанна, молодой профессор философии, и Наташа, студентка, встречаются в такой вечер, когда обе умирают со скуки. Очень скоро они осознают необходимость своей дружбы». «Кот и женщина»: Женщина теряет голову не из-за мужчины, а из-за кота». Швеция, Голландия, Великобритания. «Удручающее, насыщенное полярными крайностями повествование. Мужчина, потерпевший от взрыва бомбы, облизывает рану». «Неполное, не доведенное до конца осмысление сексуальной фрустрации». «Горизонтали»: Горизонтально поставленные листы бумаги перемещаются, создавая различные композиции, пропорции». «Киноигра женщины и мужчины. Она работает с пылесосом, он — с видеокамерой». «Писатель готовится к большому роману». Кот, с которым он делит существование, приносит ему с улицы «материал». Писателя он не удовлетворяет, и тот употребляет весь свой запас мата, браня кота и мир». Счастливцы. Они анатомируют мучение и неподвижность, содрогаются, увеличив муху до размеров слона и ничегонеделание до катастрофы. Они создают специальную технику, чтобы помогала им испытать то, чего никогда не предложит жизнь. А нам, нам-то что здесь нужно? Что ищем мы? Германия, Венгрия, Югославия, Новая Зеландия, Латвия. «Юрис Пакалниньш. «Без осадков»: Латышский крестьянин едет на автомашине «опель» (модель 1936 года), но внезапно начинает барахлить мотор».

И вдруг я увидел, я увидел что-то до боли знакомое. Толстый человек в черной коже и сверкающих сапогах сидит на гауптвахте, и щелкает зубами не то семечки, не то спички, и мастерски сплевывает. Боже мой, это же герой нашего детства и детства наших отцов — советский летчик-хулиган товарищ Валерий Чкалов! И вот он летит на своем самолете, таком же пузатом, как сам, и таких же примерно размеров, причем в этой полосатой бочке умещаются еще и двое его товарищей. Он летит над Красной площадью, где с Мавзолея некий Вождь, гибрид товарища Ленина, товарища Сталина и товарища Берии, орет в большую трубу, руководя картонными танками и солдатиками на площади. В эту трубу с лета и заворачивает товарищ Чкалов. Вождь не может не полюбить замечательного хулигана. Как-то, выходя из сортира, Вождь слышит шум за входной дверью, по которой и начинает стрелять из мгновенно выхваченного революльвера, дверь в щепки, за ней, насквозь простреленные, улыбаются Чкалов и его друзья. Вождь вручает им запечатанный конверт. Распечатав конверт, они видят карандашную линию со стрелкой на конце. Это приказ. И они отправляются по льдам, мимо рыбаков, удящих из лунок, прямо на Северный полюс. Там они встречаются с басмачами, которых товарищ Чкалов побивает своим огромным кулаком, заставляя убегать на четвереньках, потом он вытаскивает земную ось, а в дырку вставляет советский флаг, обнаруживая, что от этого Землю понесло задом наперед. А они все идут и идут, пока не натыкаются на трех негров, метущих лед, потому что тут уже мир эксплуатации. За спинами негров небоскребы — это Америка. Товарищ Чкалов надевает на обалдевших негров знаменитый советский головной убор — буденовку.

Я не смог задавить в себе этого идиотского смеха, он вырывался из меня рыданиями и свалил в конце концов на пол посреди кресел. Зал ошарашенно молчал. «Как надоел этот соцарт!» — сказала девушка-критик с неповторимо умным лицом, глядя на меня сверху вниз с некоторой брезгливостью. А случилось то, что Кинофорум дошел в своей деятельности до «обязательной программы», до фильмов, которые он, нравится — не нравится, вынужден был показать, потому что... никак нельзя было отказаться. И теперь собравшиеся смотрели фильм, снятый одним из ленинградских «параллельщиков», Максимом Пежемским, «Переход товарища Чкалова через Северный полюс». Увы. Путеводитель по Кинофоруму отмечал: «Программа советского кино»: Советские фильмы, предлагаемые Форумом..., еще не стали непреложным фактом истории кино. Слишком короткая дистанция, чтобы вынести вердикт этому кино».

А какой тут вам нужен вердикт, то есть приговор? В этих фильмах никто не ездит на «опеле» (модель 1936 года) для того, чтобы у него заглох мотор, никто не режет угрей в простыне. «Валерий Огородников. «Бумажные глаза Пришвина»: Герой фильма — режиссер старается постигнуть тайну ушедшего времени, разгадать секрет поколения, загадку общества, в котором даже пошлые шутки превращаются в злой рок, калечащий и убивающий». «Сергей Селянов. «День ангела»: Внутренний мир странного мальчика Мафусаила. Мир особый, со своим особым временем, пространством, непривычной логикой. В этом мире причудливо переплетаются фрагменты истории нашей страны, любовные похождения дачного «чемпиона» Севы и сестер героя, философские рассуждения о смысле жизни... А сам мальчик напоминает не то дурачка из сказок, не то ангела, залетевшего неведомо откуда». «Кира Муратова. «Астенический синдром»... И тому подобное.

* * *

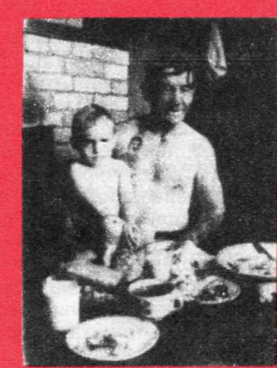
Ночью мне снилось, будто бы в ДЭЗе у меня забрали расчетную книжку, зачеркнули в ней старую цифру квартплаты, написали новую, меньшую, и, возвращая, поздравили с тем, что теперь я еще больше смогу экономить. Меньше платить за квартиру придется потому, что отопление, к сожалению, в этом сезоне работать не будет, плохо с углем. Я так и думал, поскольку если до октября не топили, то уж и дальше не затопят. Но, слава Богу, обогреватель в доме есть. И побрел я домой, кляня себя за то, что летом не купил, идиот (а только любовался), ту чугунную печечку для саун, за 55 рублей. Сейчас вывел бы в форточку трубу и горя бы не знал. И решил я завтра же поехать в тот хозяйственный, дать продавцу чирик, чтоб позвонил, если вдруг снова печки забросят. И, будто бы вдохновленный этим решением, захожу я в подъезд и, даже обнаружив, что лифт, как всегда, не работает, радостно лезу на свой пятнадцатый объяснять семье про новые правила и новую жизнь. Семья, закутанная в пальто и одеяла, сползается в ванную, где труба-сушилка создает теплый климат, и внимательно меня выслушивает. Причем, в свою очередь, сообщает, что лифт теперь работать не будет, потому что он не сломался, а вообще отключили электричество. Потому и обогреватель сегодня не работает, и электроплита, обед разогревали на дачной газовой плитке, но, если так пойдет дальше, надо где-то искать сменный баллон с газом, старый уже на исходе. И с едою теперь еще больший напряг, даже если найдешь что в магазине, на пятнадцатый с сумками не набегаешься, впрочем, это ладно, было бы что таскать. Но как быть с выгулом маленькой дочери, бабушка на улицу ползать по лестнице отказывается? Вечером зажигаем нашедшийся где-то огарок свечи, сидим, говорим о том, что станется, если все это не на пару дней, а, не дай Бог, на неделю. Ну уж, говорит жена, этого быть не может. А вообще, представляешь себе, что случится, если вдруг они не включат электричество вообще, как мы зимой будем жить? В ванной отсидимся, говорю. А если и здесь выключат горячую воду? А если и холодную? — спрашивает бабушка и прижимает ладонь ко рту, это представив. Где же мы воду-то возьмем? Куда за ней ходить? И тут фантазия наша разыгрывается. Представь, говорит жена, все эти жилые башни без света, тепла и воды. Я представил, ближние заборы сожгут, начнется какая-нибудь холера, канализация же без воды работать не станет. Начнется мародерство, никакую милицию ты не вызовешь, телефон не работает, а пешком по лестнице с пятнадцатого этажа кто же потащится во тьме? А мародеры, если уж заберутся в какой-нибудь дом, так просто не выйдут из него, пока всех не ограбят. Жена пошла звонить по телефону знакомым, рассказывать про наши неприятности, вернулась и села, уронив руки в колени. Ты знаешь, сказала она, я позвонила в пять разных мест в разных районах, и везде, как у нас, все в панике. Ты знаешь, говорит жена, ведь всю Москву можно вот так запросто уничтожить. Ты знаешь, говорит она и вдруг заплакала, мы просто умрем. Весь город умрет. Очень быстро.

Ладно, говорю, я сейчас пойду в КГБ к Крючкову, продам ему наш план блокады, осады, ведь и задавить-то надо всего два города — Москву да Ленинград, и вся страна с песнями пойдет по указанному пути. Иди, говорит жена, только проси за это мешок сахару да себе блок «Астры», а то все задаром делаешь. И радуйся, говорит, что никому в голову такой бред, кроме тебя, не пришел. И я пошел. В ванную, мыть руки. Отвернул кран, воды не было, потрогал сушилку — холодная. Тогда я тихо, шаря по стене рукой, добрался до телефона и поднял трубку. Глухо. Неужели это пришло кому-то в голову?

* * *

Я проснулся и уехал из Юрмалы. Простите меня, дорогой Директор и Председатель, дамы и господа. Я обязательно как-нибудь все досмотрю. Все, что не успел. Если буду жив. Всем большое спасибо!

В нашем конкурсе фотографий приняли участие 346 авторов, которые прислали около двух тысяч снимков.

Жюри присудило первую премию (комплект литературного приложения к «Огоньку») Владимиру Машатину (г. Москва) за репортаж из Баку. Поощрительными премиями (фотоаппараты «ФЭД-50») отмечены работы Геннадия Попова (г. Иваново), Николая Заботина (г. Златоуст), Юрия Коренько (г. Белгород); фотограф из Ленинграда Борис Михалёвкин получит диапроектор «Этюд». Редакция благодарит коллектив Харьковского производственного машиностроительного объединения «ФЭД» — спонсора конкурса.

Поздравляем победителей и приглашаем наших читателей принять участие в фотоконкурсе 1991 года.

Земля у нас одна

Редакция журнала «Огонек» продолжает конкурс фотографий под девизом «Земля у нас одна».

На конкурс принимаются черно-белые и цветные фотоснимки.

В конкурсе, который проводится в течение 1991 года, могут принять участие как профессиональные фотографы, так и фотолюбители.

Фотоснимки размером 24х30 см с указанием фамилии автора и его адреса следует направлять по адресу: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, редакция журнала «Огонек». На конверте указать: «На фотоконкурс».

Присланные фотографии не рецензируются и авторам не возвращаются.

Лучшие фотографии будут публиковаться на страницах журнала «Огонек».

Для победителей конкурса, которых определит жюри, установлены премии, памятные медали и дипломы.

Фото Валерия ЩЕКОЛДИНА.

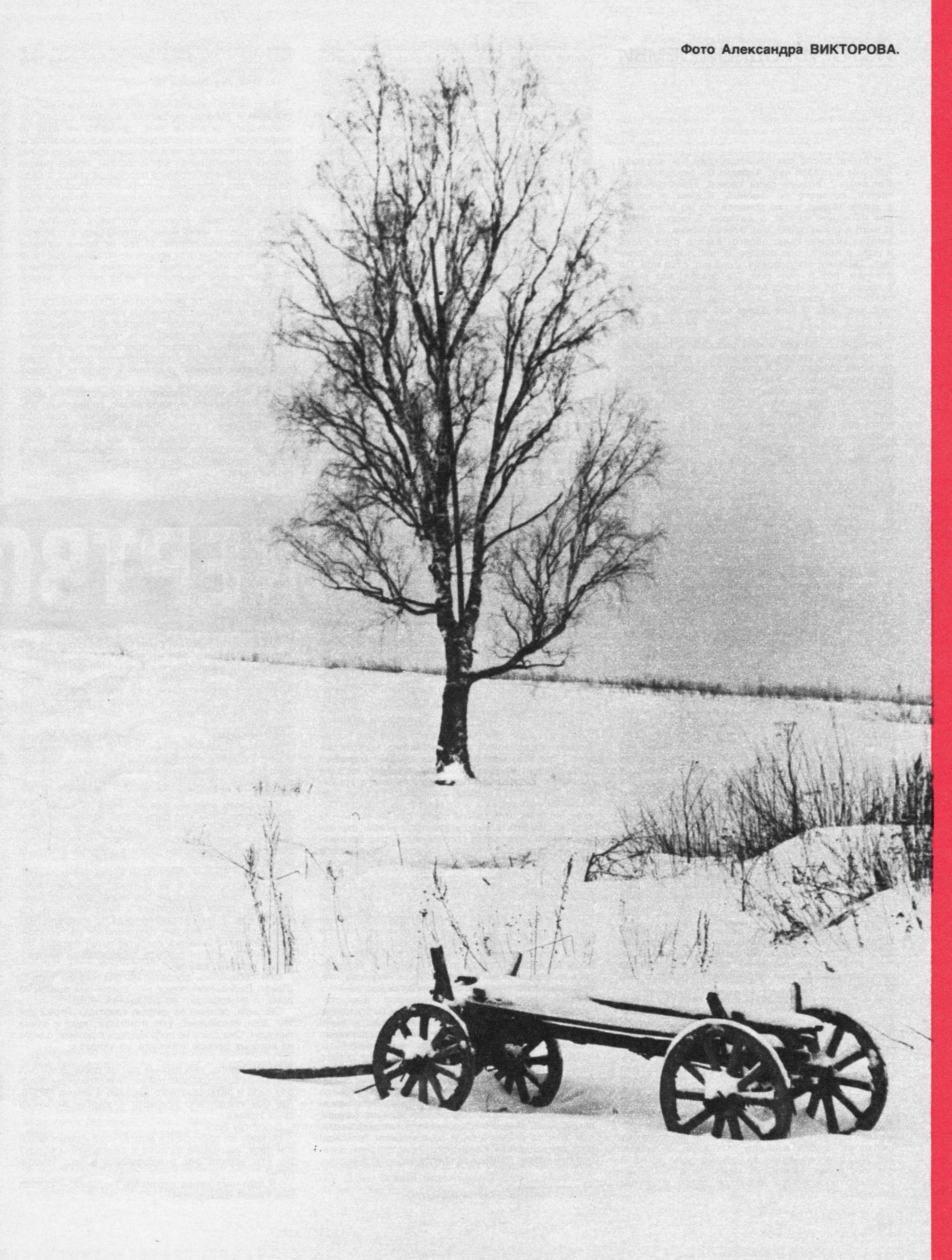

Фото Александра ВИКТОРОВА.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ

И было, после сих происшествий Бог искушал Авраама и сказал ему: Авраам! Он сказал: вот я. *Бог* сказал: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мориа, и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе... И взял Авраам дрова для всесожжения, и возложил на Исаака, сына своего; взял в руки огонь и нож, и пошли оба вместе. И начал Исаак говорить Аврааму, отцу своему, и сказал: отец мой! Он отвечал: вот я, сын мой. Он сказал: вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения? Авраам сказал: Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой. И шли *далее* оба вместе.

Бытие, 22—1—3, 6—8.

История, о которой я хочу рассказать, возможно, не покажется многим уникальной — как и всякая семейная хроника, она в равной степени претендует и на неповторимость, и на всеобщность, следуя своей фабулой за всеми драматическими изгибами нашей истории, отразив печальную судьбу Отечества. Спрашиваю себя: а добавит ли что-то новое к портрету эпохи еще один грустный рассказ при сегодняшнем изобилии подобных повествований о 30-х годах? Думаю, да... Потому, может быть, и не отпускает меня уже долгое время эта история, что главным стержнем ее стала любовь. Любовь, которой, согласитесь, так не хватает нам, наверное, всем — трудные, жестокие времена переживаем, всё и все, кажется, враждебны, а душа болит, душа хочет чего-то доброго и светлого, хочется видеть добрые и любящие лица вокруг, верить, что хотя бы любовь и дружба неподвластны сегодняшним тревогам, что любовь существует вопреки всему горю и несчастьям...

Человек, сидевший вполоборота за письменным столом в этой безликой комнате с какой-то потертой, казалось, казенной меблировкой, был из другого, из того времени.

Узкий череп в пуху выцветших коротких волос, тяжелые складки кожи на тонкой шее, высокие скулы, обтянутые словно бы пергаментом, за толстыми линзами очков — утомленные глаза. Он прожил невероятно долгую по нашим современным меркам жизнь — девяносто лет; жизнь, которая кажется и вовсе не правдоподобной, когда узнаешь, что́ включила она в свой круг.

Он был одет в вельветовые джинсы, сильно потертые на сгибах. Байковая рубашка была расстегнута, открыв теплое белье, несмотря на разгар лета. И мне отчего-то показалось, что в небрежности его платья да и во всем его облике было глубокое безразличие к его сегодняшней жизни, словно он жил не в этой комнате, не в настоящем времени, а в каком-то ином измерении, в других Времени и Пространстве, откуда и смотрел на меня...

А потом он снял очки с толстыми линзами, и я вдруг увидел в его обесцвеченных глазах неистребимую грусть, тоску по тому давно и невозвратно ушедшему времени, в котором он когда-то жил, но которое и сегодня, сейчас, в эту самую минуту жило в нем, с уже подведенным итогом, где судьбой были перечислены счастье и горе, неутешимая боль разлук, потерь и трагических обретений, с живыми надеждами, которым уже никогда не суждено сбыться в его прожитой жизни...

Как это бывает с очень старыми людьми, давно прошедшие события вспоминались им с отчетливой яркостью, так, словно бы они произошли вчера. И потому этот эффект ожившего, как бы параллельно существующего с днем сегодняшним, прошлого был особенно сильным.

И еще одно удивило меня в нем: чего уж, кажется... Рассказывая о себе, он постарался, впрочем, не слишком умело, скрыть от меня некоторые подробности, связанные с его послелагерной жизнью, и в частности с тем, что семья его, как это ни странно, уцелевшая, так и не воссоединилась вновь. Почему? Ответа на этот вопрос я не обнаружил и у его покойной жены, а когда спросил его, услышал ссылку на какие-то неясные обстоятельства, мол, время... Но в глазах, в глазах удалось, кажется, разглядеть то, что он, очевидно, старательно пытался утаить и от нее, и от детей, и от всех, кто когда-нибудь задавал ему этот вопрос: он по-прежнему любил ее, любил женщину, пятьдесят с лишним лет назад исчезнувшую за дверью дома НКВД и вот уже более десяти лет лежащую в земле небольшого московского кладбища рядом с другим человеком...

В уникальной судьбе этого старика было такое обилие событий, важных и важнейших для миллионов его соотечественников, такое множество встреч, имевших далеко ушедшие последствия для его современников и потомков, такое количество людей, с чьими именами связана семидесятилетняя трагедия в жизни страны, что память его сейчас уже не в силах полностью восстановить эту масштабную панораму, лишь вспышками озаряя ее отдельные фрагменты. И только она, Женя, или, как он называл ее, Женюша, да дети ясно стоят перед глазами. И тот день в феврале 37-го, когда ее забрали и он в последний раз увидел Женино лицо в дверном проеме здания НКВД на Черном озере, известного всей Казани...

«— Прощай, Паша. Мы жили с тобой хорошо...

Я даже не говорю: «Береги детей». Я знаю, что он не сможет их сберечь.

Он снова успокаивает меня какими-то общими словами, которых я уже не различаю. Я устремляюсь к бюро пропусков, но вдруг слышу срывающийся голос:

— Женюша!

Оглядываюсь.

— До свидания, Женюшенька!

*И взгляд...» *.*

Они увиделись почти через двадцать лет.

Но это были другие люди...

А началась недолгая история этой семьи в 30-м, в летней Москве, утопавшей в кудрявой июньской зелени, в тот момент, когда делегат Татарской областной партийной организации на XVI съезде ВКП(б) Павел Васильевич Аксенов вышел из Большого театра, где заседал съезд, на Театральную площадь вместе с первым секретарем Татарского обкома Михаилом Разумовым. Связывала их не только совместная партийная работа: многие годы они дружили, и всякий раз, когда Разумова перебрасывали на новое место, он тянул за собой Аксенова.

Они выскочили на площадь, слегка обалдевшие от плотной атмосферы золотого барочного зала Большого, тут же решив отобедать в близком «Метрополе», куда и направились.

Короткий этот путь — несколько сот метров, по сути, определил для Павла Васильевича всю последующую жизнь: где-то здесь, возможно, на углу Малого, Разумов схватил его за рукав, подмигнул и представил молодой красивой женщине, шедшей навстречу. Словесница Казанского пединститута Евгения Семеновна Гинзбург, знакомая Разумова, как по заказу, оказалась в этот момент не только в Москве, но и на этом самом месте, где их столкнула судьба. Обедать в результате отправились втроем. С немалым удивлением поглядывал Павел Васильевич на «первого бригадира» Татарии, как называли Разумова в величальных речах, напропалую ухаживавшего за Женей.

Отгудел съезд, они вернулись в Казань, но случайное знакомство на углу Театральной площади, как ни странно, продолжилось. Разумов жил тогда рядом с Павлом Васильевичем и, бывало, приглашал Женю Гинзбург на чай, но, очевидно, будучи не слишком опытным «сердцеедом», боялся оставаться с предметом своих воздыханий наедине и вызывал на помощь Аксенова. История этих ухаживаний завершилась трюизмом: Женя вышла замуж за Аксенова, что, впрочем, не изменило отношений Павла Васильевича с Разумовым.

И для нее, и для него этот брак не был первым: Павел Васильевич воспитывал дочь Майю, у Жени рос Алешка. Через два года семейство пополнил Васька.

Три года, последовавшие за рождением общего сына, я пропущу, поскольку жизнь складывалась благополучно, без каких-то потрясений: семья оказалась крепкой и дружной, дети росли, да и карьера родителей не стояла на месте — Павел Васильевич поработал секретарем Кировского райкома Казани, затем ушел на место председателя Татпрофсовета, а в 35-м занял высокий и по нынешним временам пост председателя Казанского горисполкома. Евгения Семеновна совмещала преподавание с заведованием отделом литературы газеты «Красная Татария». Оба — испытанные партийцы, преданные генеральной линии.

Но тучи уже бежали по небу...

В огромном, неохватном пласте литературы, посвященной периоду репрессий, который открыт современному читателю, мне почему-то ни разу не встретился — ни в беллетристике, ни в документальных повествованиях, ни в публицистике — серьезный анализ поразительной метаморфозы, превратившей граждан огромной страны в послушное стадо. А ведь, по сути дела, осознание истоков этого процесса едва ли не важнее для нас, чем понимание причин и механизма запущенного большевиками репрессивного аппарата. Допускаю, впрочем, что такие попытки попросту прошли мимо меня, потерявшись в огромном информационном потоке. И тем не менее желание отыскать ответ на этот вопрос мучит меня едва ли не с тех пор, как мрачные очертания отечественной истории начали проступать из-за плотной завесы подтасовок и лжи.

Ведь, в сущности, результатом этого процесса стали едва ли не физиологическое изменение человеческой психики, морали, невероятная перестройка духа, позволившие упразднить, вывести за скобки бытия основные составляющие жизни человека — любовь, стремление к продолжению рода и охране своих детей, дружбу, уважение к старости и слабости.

И уж коль скоро генератором общественной морали принято считать интеллигенцию, то невольно возникает вопрос: что же стало с нею, как позволила она произвести над собой эту массовую лоботомию, последствия которой ощущаем мы и по сей день? Как, каким образом произошел разрыв нравственной цепи, соединявшей десятки поколений русской интеллигенции?

Константин СМИРНОВ

Казалось бы, логично было поискать ответ на эти вопросы у тех, кто прошел все круги ада, сохранив способность наблюдать и анализировать. Но, странное дело, большинство повествователей ограничивается констатацией уже известной веры в незыблемость партийных идеалов и идолов, которая как бы отметала для них самую возможность раздумий.

Не объясняет причин помянутой метаморфозы и Евгения Семеновна Гинзбург в своей всемирно известной книге «Крутой маршрут», теперь уже широко распространившейся и в нашем Отечестве, в том числе и в сценической версии театра «Современник».

К вопросам этим мы еще вернемся. Пока же хочу оговориться о том, что дальнейшее изложение истории этой семьи будет не слишком детализированным, поскольку подробный пересказ «Крутого маршрута» был бы неуместен рядом с доступным сегодня оригиналом.

Впрочем, думаю, событийная канва этого печального повествования и не должна, наверное, иметь какое-то самодовлеющее значение для нас, коль скоро мы хотим разобраться в иных материях. Не **кто, не как,** а что заставило тогда, 15 февраля 1937 года, Евгению Семеновну откликнуться на телефонный звонок начальника секретно-политического отдела НКВД Татарии Веверса, содержавший ненавязчивую просьбу «зайти».

Они собирались обедать, но она надела пальто (Павел Васильевич помог ей), потом они вышли из дома, и он проводил ее до здания НКВД.

Они шли, оставив за дверью квартиры троих детей, шли, несомненно, уже понимая, куда и зачем они идут. Она даже не попрощалась с детьми, одного из которых больше никогда не увидит...

По сути дела, уже первый шаг за порог дома был реальным воплощением той мистической веры, которая вела и ветхозаветного Авраама в землю Мориа, где ему предстояло принести в жертву любимого сына Исаака.

В жертву Богу.

Но кому же приносили в жертву себя и своих детей эти двое, вышедшие из дома в февральский мороз? Во что верили они, отправившись в этот тяжкий путь?

«Я был чист перед партией и людьми»,— сказал мне Павел Васильевич.

* Е. С. Гинзбург. «Крутой маршрут».

«Я не понимала, что значит «разоружиться», и пыталась убеждать Бейлина (в 35-м году председатель партколлегии КПК.— **К.С.**), что я никогда против партии не вооружалась»,— пишет в «Крутом маршруте» Евгения Семеновна.

Они — да и только ли они?— верили в партию, в государство, которые со все разгоравшимся аппетитом пожирали все лучшее, что было в этой стране...

«В облике интеллигенции, как идейно-политической силы в русском историческом развитии, можно различать постоянный элемент, как бы твердую форму, и элемент более изменчивый, текучий — содержание. Идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему»,— писал Павел Струве в статье «Интеллигенция и революция» в сборнике «Вехи».

Оглядываясь на пережитое, сегодня, на мой взгляд, можно с уверенностью сказать, что именно русской интеллигенции конца XIX — начала XX века принадлежит «заслуга» в подготовке октябрьского переворота. Именно она, утеряв связь с прежней гуманистической и религиозной традицией предшествующих поколений российской духовной элиты, попала в тенета чудовищного исторического заблуждения и, по сути, расчистила большевикам дорогу к власти. Об истоках этого заблуждения мы еще поговорим, пока же отметим, что этот гибельный путь привел интеллигенцию России к физической гибели — уже к середине 20-х годов весь прежний интеллектуальный слой был истреблен либо выслан. Со сцены исчезли не только «держатели» духовных ценностей, но и та молодежь, и даже дети, которые были подготовлены к принятию этой своеобразной эстафеты духа воспитанием, семейными и сословными традициями и которые, в сущности, были гарантами непрерывности бытия нравственного богатства народа.

ПРИНОШЕНИЕ

Таким образом, большевикам ко времени, о котором идет речь, удалось не только физически уничтожить либо выслать из страны лучшие интеллектуальные силы общества, но и перестроить саму форму, по выражению Струве, российской интеллигенции. Оставшаяся часть старой и уже появившаяся к тридцатым годам прослойка новой так называемой интеллигенции начисто лишились своей основной функции — они более не были в оппозиции к новому партийному государству, они уже не являлись конструктивными критиками режима, без которых любое государство неизменно приходит к самому жестокому тоталитаризму.

К слову сказать, эта новая прослойка, пышно именовавшаяся властью «народной» или «советской» интеллигенцией, конечно же, не имела ничего общего с этим словом. За редким исключением, это были выходцы из интеллектуально беднейших слоев общества. Не получив в наследство богатств мировой культуры, они были вооружены новой властью лишь одним — правом сильного. Эта, пользуясь выражением А. И. Солженицына, «образованщина» была призвана диктатурой на роль истины в последней инстанции. Взамен требовалось единственно послушание. Это послушание, эта вера в необходимость, правильность происходившего, в его разумность и стали, в сущности, новой формой этой новой интеллигенции, несомненно, уже таковой не являвшейся.

По вере их им и воздалось...

* * *

С начала 35-го года в Казани шла оголтелая кампания травли троцкистки Гинзбург — подручной арестованного «врага народа» профессора пединститута Николая Эльвова, с которым Евгения Семеновна имела несчастье работать. За неделю до звонка из НКВД ее исключили из партии, несмотря на горячее заступничество мужа — Павел Васильевич был в то время не только председателем Казанского горсовета, но и членом бюро обкома партии, в которой он состоял, к слову сказать, с 18-го года. Но ничто уже не могло спасти эту погибшую семью — маховик был запущен на всю мощь...

Отошлю читателей за подробностями к «Крутому маршруту», ограничившись лишь констатацией фактов.

С 15 февраля до 1 августа Евгения Семеновна «осваивает» казанские, а потом и московские тюрьмы. 1 августа военная коллегия Верховного суда на заседании в Лефортовской тюрьме приговаривает ее на основании пунктов 8 и 11 статьи 58 (групповой терроризм) к десяти годам тюремного заключения и поражению в правах на пять лет с конфискацией «всего лично ей принадлежащего имущества». Поразительно, как ни странно это звучит, но Евгении Семеновне повезло. Следствие ее закончилось в июне, причем в начале, что немаловажно, поскольку в середине этого первого чудесного месяца лета в том году стали применять на допросах «22 метода товарища Ежова» — подследственным отныне разрешалось избивать и пытать, чтобы любой ценой получить собственноручную подпись под протокольной околесицей.

Евгения Семеновна избежала этой участи. Единственной физически ощущаемой мукой стала для нее мысль о детях — в один из последних дней пребывания в казанской тюрьме она узнала, что ее муж последовал за ней...

Дети их остались сиротами, поскольку родители их уже как бы не жили на этой земле...

А их как бы неживая мать, изящная словесница Женя Гинзбург вступила тем временем уже в новом качестве — «тюрзака» — в первый круг ада, скрывшись за воротами ярославской тюрьмы «Коровники»...

Здесь мы оставим Евгению Семеновну, памятуя о «Крутом маршруте», и вернемся к Павлу Васильевичу, так и не дождавшемуся в тот день своей жены. К вечеру ему сообщили о ее аресте, он бросился в самые высокие инстанции, но...

...Через пять дней его вызвали в Москву, на заседание партгруппы Президиума ВЦИК, членом которого он состоял, и Калинин, сам лишенный жены, сообщил собравшимся об аресте жены Аксенова. До окончания следствия вопрос о Павле Васильевиче решили оставить открытым и прямо с заседания отправились хоронить Серго Орджоникидзе. Там, на похоронах Серго, и потом, после похорон, он близоруко и наивно пытался что-то выяснить, просил у коллег и товарищей каких-то нелепых объяснений. Но что могли объяснить ему они, сами приговоренные...

Вскоре был арестован и впоследствии расстрелян Михаил Разумов.

В конце июня партколлегия КПК исключила Павла Васильевича из партии, и 7 июля и он вступил на первую ступеньку лестницы в никуда...

* * *

Судили Аксенова трижды. Дважды строптивый подследственный, несмотря на побои и изощренные пытки, заявлял протесты, категорически отказываясь от показаний, выбитых на допросах. К стыду следствия, ненадежными оказались и свидетели — в судебном заседании практически все отказались от прежних показаний. Но поскольку задача «судьям» была поставлена предельно ясно, дальнейший путь Павла Васильевича представлялся недолгим: руководители такого ранга не имели шансов на тюрьму или лáгерь — только к стенке.

«...На основании вышеизложенного обвинение Аксенова... суд считает доказанным и, руководствуясь ст.ст. 319, 320 и 326 УПК, приговорил: Аксенова Павла Васильевича по ст.ст. 58-7 и 58-11 УК подвергнуть высшей мере наказания расстрелу с конфискацией личного имущества...

Приговор в отношении осужденного Аксенова обжалованию не подлежит».

«Акт № 25. Представителем Казгорфо Чепурных в присутствии представителя НКВД Булычева и коменданта дома тов. Яшкова А. К. зачислено в госфонд следующее имущество, находящееся в квартире Гинзбург-Аксенова:

1. Платье крепдешиновое синее... 12. Рубашка старая белая в полоску... 17. Рубашка нательная... 23. Диван старый серый мягкий... 59. Одеяло детское... 64. Бюстгальтер... 76. Галоши детские... 86. Ботинки детские ношеные... 93. Игрушки детские разные на сумму 30 руб. ...»

Нужны ли тут слова?..

* * *

Пока представитель Казгорфо Чепурных придирчиво осматривал «диван старый серый мягкий», Павел Васильевич пребывал в камере смертников под номером 7.

По заведенному распорядку убивали здесь только в короткий промежуток между полуночью и двумя часами, в самое темное время. Происходило это простым и нехлопотным манером — из пистолета стреляли в затылок.

Павел Васильевич засыпал после двух, зная таким образом, что жизнь продлена еще на сутки. День он использовал целиком — читал, писал протесты. Но вот как-то после двух часов ему приснился сон.

Будто он едет в трамвае по знакомым казанским улицам, стучат колеса, тренькает звонок. И вдруг впереди огромный провал — не то пропасть, не то овраг. И некуда деваться трамваю — рельсы обрываются, а колеса все несут и несут к краю.

Он во сне словно бы закрыл глаза, готовясь кануть вниз, а когда открыл, трамвай как ни в чем не бывало грохотал по каким-то новым, неизвестным местам.

Наутро ему предъявили следующий документ:

«Определение. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР в составе председательствующего Горбунова и членов Басыровой и Ефимовой рассмотрела в заседании от 28 октября 1939 года дело по жалобе гр. Петрова, Бачихина, в ревизионном порядке — Аксенова...

Судебная коллегия находит: ...Аксенов являлся членом контрреволюционной правотроцкистской организации, в этом он признавался неоднократно на предварительном следствии. Его также уличили в этом участники контрреволюционной организации Мухаметзянов, Баскин, Лепа, Магдеев, Фомичев (члены руководства областной партийной организации и правительства Татарии.— **К.С.**). Объяснение Аксенова в том, что его признание есть результат незаконных методов следствия, является неубедительным, так как свои показания Аксенов давал не одному, а нескольким следователям, в том числе прокурору Егорову...

Из дела видно, что Аксенов в течение ряда лет был связан с врагами народа и, в частности, с бывшим секретарем областного комитета ВКП(б) Татарской республики, разоблаченным врагом народа Разумовым. Аксенов работал с Разумовым в 1921 г. в Донбассе, в 1923 г.— в Орле, в Рыбинске и с 1928 г.— в Казани, всюду за ним следовал.

Жена Аксенова — Гинзбург арестована органами НКВД как троцкистка. Все это вместе взятое с полной ясностью свидетельствует о том, что Аксенов являлся участником контрреволюционной организации, по заданию которой проводил вредительскую работу. В части же избранной меры наказания Аксенову коллегия находит, что таковая избрана без учета того, что Аксенов являлся исполнителем вредительской работы, т.к. организаторами были другие лица, ныне осужденные...

Исходя из изложенного, коллегия Верховного суда РСФСР определяет:

Приговор суда оставить в силе, со следующими изменениями: высшую меру наказания — расстрел — Аксенову заменить лишением свободы сроком на 15 лет с поражением в правах сроком на пять лет».

Но «Красная Татария» уже опередила события. В коротеньком сообщении был приведен первый приговор суда — расстрел, а потом читателям объявили, что приговор приведен в исполнение.

И все же топор, уже, казалось, прикоснувшийся к его голове, ушел в сторону. Началась лагерная одиссея, к которой к тому времени приступила и Евгения Семеновна — в 38-м ей изменили приговор, заменив десять лет тюрьмы лагерями на тот же срок. Он вступил на второй круг под Воркутой, в Инте, она — под Магаданом...

Теперь мы расстанемся и с Павлом Васильевичем, и с Евгенией Семеновной, поскольку пережитое ими на этом этапе многократно описано в литературе. Единственное добавление, существенное для дальнейшего повествования, состоит в том, что сведения о расстреле Павла Васильевича, сообщенные с такой опережающей события оперативностью газетой «Красная Татария», дошли и до его жены.

Так она стала вдовой при живом, но как бы уже не существующем муже...

Впрочем, даже если бы это скорбное известие и не дошло до Евгении Семеновны, едва ли оба они могли реально надеяться на встречу.

И все же, все же...

...Нечеловеческая сила, в одной давильне
всех калеча,
Нечеловеческая сила земное сбросила с земли.
И никого не защитила вдали обещанная встреча,
И никого не защитила рука, зовущая вдали...

Не защитила она и детей.

Вообще вопрос о детях врагов народа — о так называемых «д.в.н.» — едва ли не самый черный в истории семидесятилетней коммунистической тирании. Мучения детей, их невинную кровь не замолчать и не смыть. И снова я задаюсь вопросом, не **как**, не **кто**, а что могло лишить этих людей обычных инстинктов, изначально, генетически данных им Богом? Что же это была за вера, если она способна настолько разрушить личность, что человек забыл себя и не смог уберечь детей? И как же чудовищно далеко это ослепление от преклоненной любви ветхозаветного Авраама к Богу, верившего в справедливость и торжество Истины, которую и выражал его Бог...

Что же, что же случилось с ними?

Раздумывая над судьбами русской интеллигенции, Николай Бердяев писал: «С русской интеллигенцией в силу исторического ее положения случилось вот какого рода несчастье: любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине... Интеллигенция... корыстно относилась к самой истине, требовала от истины, чтобы она стала орудием общественного переворота, народного благополучия, людского счастья... Оказалось, что ложно направленное человеколюбие убивает боголюбие, так как любовь к истине, как и к красоте, как и ко всякой абсолютной ценности, есть выражение любви к Божеству. Человеколюбие это было ложным, так как не было основано на настоящем уважении к человеку, к равному и родному по Единому Отцу; оно было с одной стороны состраданием и жалостью к человеку из «народа», а с другой стороны превращалось в человекопоклонство и народопоклонство. Подлинная же любовь к людям есть любовь не против истины и Бога, а в истине и в Боге, не жалость, отрицающая достоинство человека, а признание родного Божьего образа в каждом человеке...»

Условимся, однако, что приведенные слова относились, несомненно, к той, «бывшей» интеллигенции, уже исчезнувшей со сцены. Новая же, социально уже оформившаяся группа людей, как бы принявшая на себя в результате сговора с властью функции интеллектуальной элиты, отказавшись от исторической роли прежней интеллигенции, тем не менее приняла весь груз ошибок ушедших хранителей духовных ценностей народа. Отождествив истину с властью, поскольку была плотью от плоти этой власти, она неминуемо пришла к абсолютной покорности.

Но к какой же величайшей покорности привело это заблуждение, какую непомерную цену заплатили они за свою страшную ошибку!..

Потому и не нашлось среди этих людей ни одного, кого осознание этой покорности могло бы привести к подвигу самопожертвования, ни одного, кто сознательно принес бы свою жизнь на алтарь любви к людям в «истине и в Боге»...

И это целое поколение интеллигентов 30—40-х годов! Но если все так, то нет ли в наказании некой справедливости возмездия за малодушный страх, за ту страшную ошибку, за отказ от своей исторической миссии? И разве не виновны они перед детьми и внуками в том, что не защитили, не уберегли, но двинулись за проволоку послушным стадом? Виновны не только перед теми, кто попал в разряд, обозначенный трехбуквенной аббревиатурой «д. в. н.», но и перед теми, кто не явился на землю, кто не был зачат и рожден. Скольких же гениев мы лишились, какая горькая, невосполнимая утрата стоит за этими нерodившимися мальчиками и девочками!..

К сожалению, не могу сообщить читателям подробности об этом сиротском периоде жизни старшей дочери Павла Васильевича — Майи. Память тут подвела Павла Васильевича. Во всяком случае, девочка выжила, сегодня зовется Майей Павловной и живет в Москве, состоя с отцом в переписке.

Сын Евгении Семеновны, Алеша, погиб во время войны в блокадном Ленинграде, куда забрала его после ареста родителей сестра Евгении Семеновны.

Нас же в большей степени интересует, конечно же, младший сын Аксеновых-Гинзбург — Васька, как всегда звали его дома, родившийся в 32-м. К моменту ареста отца и матери он имел за плечами неполных пять лет и потому, естественно, из троих детей был наименее готовым к перемене участи. «Лучший друг детей» на пятилетие сделал мальчику свой подарок — в Васькин день рождения ребенка забрал уполномоченный НКВД.

Бог знает, сколько времени потратил на поиски Васьки непосáженный брат Павла Васильевича, пока не обнаружил в Костромском спецдетприемнике для детей врагов народа маленького доходягу, в котором жизнь уже почти иссякла от голода и лишений. Мальчишку удалось спасти и поставить на ноги.

Сегодня Василий Павлович Аксенов, всемирно известный русский писатель, жив и здоров, проживает в Соединенных Штатах. Недавним президентским указом была наконец восстановлена справедливость — Василию Павловичу в числе других выдающихся деятелей литературы и искусства вернули гражданство, нагло отторгнутое в 82-м году приснопамятной брежневской компанией. А в начале года Василий Павлович приезжал на родину, был восторженно встречен здесь, а потом сел в поезд Москва — Казань и отправился к отцу, которого не видел без малого десять лет.

1955-й, Москва. Последний снимок разбитой семьи...

Заключенный Павел Аксенов.

Когда я думаю о трагической истории этой семьи, разметенной тогда, в 37-м, трудная судьба младшего сына кажется мне не только закономерной, но и показательной.

Василий Павлович, на детском опыте познавший недетские беды, живший потом с матерью в Магадане, куда ее отпустили на поселение, несомненно, впитал в себя не только общую атмосферу этой людоедской эпохи. Подобная почва неминуемо должна была породить резкое отвращение к любой форме деспотизма. И, может быть, не случись XX съезд, мы бы никогда не обнаружили в молодом медике Василии Аксенове выдающегося писателя Василия Аксенова. Оговорюсь, впрочем, что высочайшее качество прозы Евгении Семеновны заставляет подумать о генетической природе профессиональных занятий ее сына, тем более что по отзывам людей, читавших неопубликованные мемуары Павла Васильевича, и отец не лишен литературных способностей. И все же, как ни была щедра природа к нему, думаю, что именно атмосфера духовного возрождения конца пятидесятых сделала Аксенова-младшего одним из самых ярких выразителей не только нового литературного направления, но и едва ли не новой социальной, нравственной доктрины целого поколения детей 30—40-х годов, так называемых «шестидесятников». Тогда короткое предчувствие свободы подняло какие-то неведомые предшественникам силы с необычной формой самовыражения, с новым искусством, с новой, свободной наукой. Тогда, кажется, снова протянулась тонкая нить, связавшая это поколение новой интеллигенции с их недавними предками, чтобы снова взволновать их теми высокими целями служения России, которыми волновались их прадеды и которые утеряли их деды и отцы. Словно бы снова восстановились пропавшие звенья нравственной цепи, что не суждено уже было разорвать ни ложью, ни арестами, ни высылками и лишением гражданства — всей многолетней войной с возрождавшейся интеллигенцией в брежневский период.

Сегодня, в трудные наши дни, может быть, только эта уже неразрывная и, надеюсь, крепнущая связь дает нам надежду на пусть и неблизкое выздоровление. «Ибо на чем же и может основываться теперь вся наша надежда, если не на том, что годы общественного уныния окажутся вместе с тем и годами спасительного покаяния, в котором возродятся силы духовные и воспитаются новые люди, новые работники на русской ниве. Обновиться же Россия не может, не обновив (вместе со многим другим) прежде всего и свою интеллигенцию. И говорить об этом

громко и открыто есть долг убеждения и патриотизма. Критическое отношение к некоторым сторонам духовного облика русской интеллигенции отнюдь не связано даже с каким-либо одним определенным мировоззрением, ей наиболее чуждым. Люди разных мировоззрений, далеких между собою, могут объединиться на этом отношении, и это лучше всего показывает, что для подобной самокритики пришло, действительно, время, и она отвечает жизненной потребности хотя бы некоторой части самой же интеллигенции»,— писал в 1909 году выдающийся философ и богослов отец Сергий Булгаков. Как живительны и важны для нас эти надежды и сегодня, почти через сто лет...

Евгения Семеновна Гинзбург умерла в 77-м. До самой ее смерти они изредка встречались с Павлом Васильевичем, когда он бывал в Москве, куда после реабилитации перебралась Евгения Семеновна. В лагере она, считавшая мужа погибшим, познакомилась с заключенным доктором Антоном Яковлевичем Вальтером и после окончания срока вышла за него замуж. Очевидно, в это время до нее уже дошло известие о том, что Павел Васильевич жив, но было уже поздно, жизнь не остановишь...

На мой невольный вопрос «Как же так?» Павел Васильевич сказал, что это он сам еще из лагеря написал Евгении Семеновне, чтобы она «нашла себе старичка», как он выразился. Мол, иначе ей было не выжить. Может быть, и так... Но только мне почему-то кажется, что годы не приглушили в нем остроту этой последней потери, казалось, уже вновь обретенной семьи — ведь выжили... И не только обида, горечь, уязвленное мужское самолюбие соединились в этом горестном чувстве, пронесенном до сегодняшнего дня. Он все еще любит ее — трагической любви не дано оставить память никогда, ведь сердце не прощает того, что прощает разум, оно помнит вечно.

И на кого кивнешь, спросим мы, в этой печальной цепи гибельных событий, разбросавших их семью? Так сложилась жизнь, и ее уже не переделать, прожита... Вернувшись из красноярской ссылки в Казань, Павел Васильевич в 56-м был полностью реабилитирован, восстановлен в партии. Через несколько лет и он обзавелся женой, поняв, что ничего вернуть не удастся. Слишком долго и настойчиво заставляли их забыть друг о друге, чтобы можно было надеяться на чудо.

В конце 55-го они сошлись все трое в Москве по вопросу реабилитации — Евгения Семеновна, Павел Васильевич и Василий Павлович. И тогда сфотографировались на память. Странно смотреть теперь на этот портрет не существовавшей уже семьи, застывшей в традиционной семейной позе...

Евгения Семеновна скончалась, живя в Москве, у «Аэропорта», в писательских домах, увенчанная за свою книгу прижизненной славой: на Западе, едва появившись, «Крутой маршрут» стал бестселлером. Впрочем, и у нас книжка широко разошлась в самиздатовских перепечатках, чтобы теперь явиться к читателям в том виде, какой замышлял ее автор.

Павел Васильевич по-прежнему живет в Казани, на Тверской улице, и еще недавно ходил купаться на Волгу. Получает он персональную пенсию, а к 50-летию соввласти его наградили орденом Ленина. Несмотря на то что за год до этого знаменательного события неугомонный Павел Васильевич послал Брежневу весьма сердитое письмо, в котором накануне XXIII съезда компартии обрушился на начавший свое победное возрождение сталинизм.

Понятно, что письмо это не возымело ни малейшего эффекта, тем не менее, на мой взгляд, сам факт написания такого письма Павлом Васильевичем весьма показателен для очень многих людей, принадлежащих к этому поколению, прошедших огонь, и воду, и медные трубы и все же оставшихся в плену былых заблуждений. Боюсь, что пером его водило тогда не желание разобраться в причинах происшедшего с ними, но стремление вывести за партийные скобки все так называемые «ошибки» и «искривления», стоившие миллионов человеческих жизней. И невольно приходит на ум знаменитое выражение Талейрана о Бурбонах... Подписался он тогда «Делегат XVI и XVII съездов партии, член КПСС с 1918 года П. Аксенов». Прости им Бог, ибо не ведают, что творят...

В заключение позволю себе привести два взаимно связанных письма. Вот первое из них:

«Многоуважаемый Федор Васильевич!

Я случайно узнал, что вы живы... Вы, наверное, меня помните по работе в Казани. Я в эти годы несчастья — разгула культа личности, когда вас и меня взяли... работал секретарем партколлегии Татарии. Я от души рад, что вы вернулись живым...

Я также вернулся в 1955-м, т. е. меня вызвали в Москву и реабилитировали. Я живу в Москве, на Ленинском проспекте, семья сохранилась. Если вы помните фамилию спецпрокурора, сообщите мне.

Бейлин Абрам Григорьевич.
18 января 1960 года».

А вот и ответ на это занятное послание:

«Дорогой Абрам Григорьевич!

Прежде всего вношу поправку. Зовут меня не Федор, а Павел Васильевич.

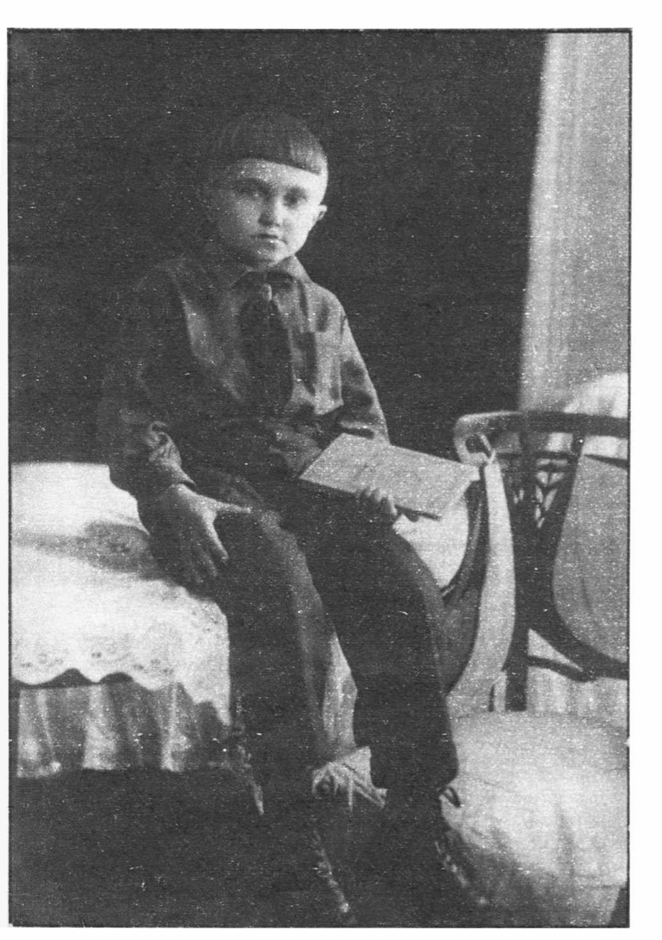
Помню ли я Вас? Помню очень хорошо и никогда не забуду. Ваш официальный пост — секретарь партколлегии КПК. Но фактически Вы были одним из самых выдающихся охотников за ведьмами. Усердие Ваше было настолько велико, что, когда не попадались настоящие ведьмы, Вы вылавливали всех, кто попадал вам в руки, приклеивали ярлыки, предавали анафеме. Я сам и моя семья были жертвами Вашей неутомимой деятельности. Разве я могу забыть момент, когда Вы отняли у меня партийный билет? А ведь Вы и Лепа (в 1937 г. секретарь обкома Татарии.— **К. С.**) знали меня достаточно хорошо, чтобы не причислять к троцкистам...

Не думайте, пожалуйста, что я питаю к Вам злобу. Во всей этой истории меня занимает не столько моя личная судьба, сколько выяснение причин — почему наша партия оказалась безоружной. Меня интересует вопрос: как опытные бойцы партии — Лепа, Бейлин, Вольфович и многие, многие другие — вдруг потеряли большевистское чутье и, очертя голову, бросились рубить коммунистов?

Я не стал бы ворошить этих проблем, если бы не твой вопрос относительно местопребывания спецпрокурора. Выходит, ты до сих пор не понял ни характера событий, ни главных действующих лиц. Спецпрокурором Татарии был Егоров, а военным прокурором Бондарь. Они совершили много беззаконий. Но неужели ты думаешь, что все это произошло по их вине? Они, в конечном счете, были простыми исполнителями. Теперь меня эти люди совершенно не интересуют. Не исключено, что они сейчас, если живы, стараются быть примерными исполнителями велений нашей партии. Ничего удивительного в этом нет.

П. Аксенов. 2 марта 1960 г.».

...Я подошел к дощатому переходу через железную дорогу. Приближался поезд, и, коротко гукнув, он остановил меня на каменистой насыпи, почти мгновенно оглушив дробным перестуком колес на рельсовых стыках. Я стоял, вдыхая грубый, всегда волнующий запах дороги, глядя на мелькавший пунктир вагонных окон, по праздной привычке гадая, откуда летит этот состав с написанным на белом трафарете маршрута словом «Россия». Отчего-то мне стало неуютно, и я вдруг понял причину этой почти секундной душевной смуты: поезд был необитаем... Очевидно, его перегоняли с какой-то узловой станции в Москву, на посадку, но даже эта, все объяснявшая догадка не уняла беспокойства, какой-то неясной печали, тонкого чувства сожаления и неосознанной вины. Он грохотал, этот фирменный «Летучий голландец», и никто не приник к мутным стеклам, никто не махнул рукой пешеходу на насыпи, никто не курил в гулких тамбурах. Куда же делись его пассажиры? На каком полустанке сошли? Где, на какой неведомой станции растворились их судьбы? И куда, зачем так неостановимо и безвозвратно мчит этот одинокий тревожный поезд?..

***Январь 1940-го, Казань.
На обороте надпись:
«Дорогому папочке от Васи.
На долгую, добрую память». Весточка с воли...***

***В гостях
у Евгении Семеновны Гинзбург.
70-е годы. Слева направо:
Василий Аксенов,
Александр Некрич, Давид Самойлов,
Анна-Мария Бёлль, Евгения Гинзбург.***

Автор благодарит за помощь в подготовке материала сотрудника газеты «Вечерняя Казань» Геннадия Наумова и фотокорреспондента Михаила Медведева.

Даниил ГРАНИН

«НАШ ДОРОГОЙ РОМАН АВДЕЕВИЧ»

В обращении с подчиненными, аппаратом и всеми другими подразделениями наш дорогой Роман Авдеевич применял собственную методику. Сила начальника в страхе, утверждал он. Отнюдь не в любви, как считают некоторые. Любовью управлять нельзя. Всем люб не будешь. Страх же для всех годится. Страх сильнее любви. Со страхом не заспоришь. Прежде всего Роман Авдеевич по-хозяйски использовал богатейшие запасы страха, что были накоплены в каждом подчиненном еще в грозные культовые времена. Не пропадать же им. Разумными порциями он стал пускать их в дело. Сажать к тому времени было уже не принято. Однако если намекнуть туманно, то срабатывало. Впрочем, Роману Авдеевичу и не приходилось угрожать. Он внушал свой собственный персональный страх. Более того, трепет. Фронтовики, бывалые люди, приходили в оробелое состояние без видимой причины, слова поперек ему сказать не решались. Спорить с ним никто не спорил. Поначалу было вскидывались и наталкивались на неподвижный взгляд холодных голубых глаз — давай, давай, выкладывай, посмотрим, что ты за штучка. Ничего не возражал, слушал, молчал, пока спорщик не запинался, постепенно угасая. Замораживал он любого. Никто не мог выдержать его неподвижного взгляда. По выражению Попонова, это был взгляд черепа. Хуже всего было, когда он просто смотрел, без всякого крика, без замечаний. Природа наделила его специальным даром холода и тьмы. Он не скрывал своих убеждений: без страха управлять нашим народом нельзя. Он твердо верил в могущество страха. Сам народ хочет страха — так он считал и имел теорию о том, как страх цементирует общество, способствует сплочению, порождает, если угодно, энтузиазм. Сознательность — в каком-то смысле дитя страха; человек стремится оправдать свой страх, хочет показать, что он поддерживает идиотскую идею начальника не из-за страха, а потому, что эта идея имеет глубокий смысл. Не беспокойтесь, смысл этот он придумает, найдет. Отсюда система наша получила своих теоретиков, защитников.

Многие начальники страх любят употреблять, да не знают, где его нынче взять, из чего сделать. Роман же Авдеевич разработал самобытную систему. Берет он, например, и без всякой причины человека с должности, допустим, секретаря горсовета, посылает директором совхоза в глубинку. На укрепление. Секретаря райкома на киностудию ставит. За что, почему — без объяснения. Все гадают, что сие значит, чем не угодили — неизвестно. В этом-то и заключался прием. Если бы из-за служебного промаха, всем ясно, на чем погорел. Кто исправно работает, тому, значит, нечего бояться. Ничего подобного, бояться все обязаны. На любом месте. Неизвестно, чего бояться. Чтобы трепетали даже в исправном состоянии. Не от работы чтобы страх шел, а от самого Романа Авдеевича, гнева его, происходящего по таинственной причине; покарать гнев может любого, в любое время. Ну, и наградить тоже надо без явных причин.

Чем больше страха, тем преданности больше. Пусть стараются, но, как бы ни старались, все равно надо, чтобы тайна оставалась.

Его, например, в коридоре завидят и скорее сворачивают, стараясь куда-нибудь юркнуть, не попасться на глаза, из которых несло стужей казематов; как говорят, взглянет — лес вянет. Он шествовал по красной ковровой дорожке вдоль строя трехметровых дубовых дверей, как будто принимал парад. Каждый шаг его был значим.

Торжественное заседание предстоит. Сообщают, допустим, известному ученому, что ему в президиуме надо сидеть. Он готовится: как-никак почет и уважение. Приходит. И тут ему администратор объявляет: «Извините, отмена произошла, не будете в президиуме». «Как так, почему?» В ответ администратор выразительно закатывает глаза к потолку. И человек сник, сражен. С некоторыми сердечные приступы происходили.

Когда Роман Авдеевич устроился поплотнее в кресле, освоился, огляделся, увидел он, что сия высота заурядная. Подобных бугорков на просторах нашего отечества сотни. Персеки на них появляются и исчезают, не оставляя впечатления в памяти высшего начальства. Хочешь пробиться — умей отличиться! Легко сказать, но как именно? Многие поколения чиновников решали этот проклятый вопрос: как им выделиться? Как добиться успеха? Цена может быть любая, важно — как.

Выделиться — значит понравиться. Понравиться — значит заслужить внимание не подчиненных, разумеется, не горожан, от которых ничего не зависит, а начальства, лучше всего наивысшего, чем-то им запомниться. Что касается нижестоящей публики, населения, то им надо обещать, обещать и обещать: назначать сроки, приводить цифры планов, ассигнований, выставлять нарисованные проекты, показывать, как растут уловы рыбы, изготовление холодильников, выпуск сыров. Начальство этим не привлечь, к начальству нужен ход необычный, потому что вокруг них хожено-перехожено, перепробовано, какие только ключи и отмычки не подбирали, тысячный, можно сказать, конкурс идет из века в век. Толкаются, карабкаются со всех сторон, все в дело пускают. Роман же Авдеевич не спешил. Не дергался попусту. Смотрел. Ждал. И вот однажды обратил он внимание на некую самую что ни на есть обыденную процедуру. Примелькавшуюся, формальную, которую никто не замечал, вроде наглядной агитации. Висит и висит. Так и тут: издавна повелось, что каждый праздник посылают открытки. Поздравительные. Стандартные. Ну, членам правительства улучшенного качества. И вся недолга. Роман Авдеевич задумался: почему, собственно, такое безразличие? Неужели они не заслужили особого внимания? Наш персек набрался духу и круто изменил порядок. Каждому члену ПэБэ он приказал готовить индивидуальную открытку. Допустим, новогоднюю. Уже в ноябре затребовал эскизы. Задачу поставил нешуточную. Создать рисунок такой, чтобы: 1) соответствовал деятельности, 2) учитывал проблемы, поставленные на сегодняшний период, соблюдая при этом меру (не рисовать же химические удобрения или подшипники!). Требовалась художественная фантазия, выдумка. Чтобы легким намеком повеяло, «как запахом хвои» — его слова! — и в то же время чтобы красиво. При этом текст тоже индивидуальный. Без казенщины, без вольностей, соблюдая почтение. Вариант за вариантом отвергал, добиваясь наивысшего качества. Наконец, дал добро. Печатают. В одном экземпляре! Кроме общих праздников, еще стали создавать ко дню рождения. Ответственная работа была, печать проверялась тщательно, чтобы ни малейшего брачка. Лучших печатников ставили. Замысел Романа Авдеевича состоял в том, чтобы открытка эта была не просто почтовым отправлением. Если к ней приложить внимание, все чувства свои, то заметят. Обязательно обратят внимание. Через такую мелочь легче оценить. Потому что сравнить можно, выявить из потока прочих поздравлений. Конечно, сил и времени эта работа отнимала много. Надпись — кому золотом, кому серебром, кому выпуклую, кому вязью, под старину... Сколько тонкостей было! Не хватало прилагательных. Членов-то одиннадцать плюс кандидаты. Кандидатам следовало чуть поменьше размером, а уж Генеральному — и обрез золотой, и конверт особенный. Роман Авдеевич психологию своего Олимпа изучал досконально, личное внимание значило больше, чем освоение какой-нибудь новой технологии или досрочный пуск. Новая технология может подождать, а «день ваших именин» ждать не будет. Уже тогда его прозвали «анализатором». От слова «лизать», то самое, анальное...

Ни от кого ПэБэ не получали таких роскошных открыток, как от нашего Романа Авдеевича. Кто-нибудь скажет — мелочь и ошибется, потому что мелочей в деле внимания к человеку не бывает. Это были произведения искусства, ими можно было хвалиться, и спустя годы, уйдя в отставку, члены ПэБэ показывали их как свидетельство народной любви.

Любой знак внимания, если в него вкладывать душу, дает результат. И результаты стали появляться.

Нашего дорогого Романа Авдеевича заметили. Все чаще стали приглашать наверх. Допускали и присматривались. Никто его не учил, не предупреждал, он сам, своим чутьем, своим умом должен был ориентироваться в чащобах власти. Надо было следить за каждым своим словом, как ты его произносишь, какой жест при этом делаешь. Например, если Главный «хекал», то и другие начинали «хекать», и Роман Авдеевич перешел на «хекание». Хлопать не раньше, чем они захлопают, смеяться надо тоже со всеми.

Малейшее не то — и пропал, перетолкуют, преподнесут в самом скверном виде, и все многолетние усилия насмарку. Там, точно охотник в лесу, хрустнуть веткой нельзя, вспугнешь свою добычу.

Он стал в х о ж. Великое понятие тех времен. Людей его должности и прав много, а вхожих — несколько. Вхож — значит можно позвонить наверх, и соединят. Можно приехать, и примут, не сегодня, так завтра. Вхож — значит можно прийти просто так — советоваться, и с тобой поговорят не только по делу. Вхож туда — значит к обычным начальникам — министрам, зампредам — можно запросто, с ходу, с поезда. Не так важна должность, как вхожесть. Быть вхожим — значит иметь особые привилегии, тайный знак превосходства.

С тех пор как нашего Романа Авдеевича стали приглашать на заседания в Москву, почти на самый верх, помощники его, готовя материал, ломали головы. Фактически это должен быть не материал, а полный текст выступления. Тема была известна, но вот «за» или «против», отклонить или поддержать — неизвестно. Предположим, вопрос об абортах: запретить? Разрешить? Воззвать к сознательности? Какие факты подбирать — не поймешь. Мнение самого Романа Авдеевича выяснить невозможно. Не говорит. Произносит слова о защите интересов женщин, об укреплении семьи, толкуй как хочешь: хочешь — в пользу абортов, хочешь — наоборот. Помощники никак опознаться не могут, Роман Авдеевич, похоже, одобряет и тех, и других. В результате одни готовят ему выступление «за», другие — «против», соревнуются, кто убедительней. И представьте — берет оба текста. Одно выступление кладет в один карман пиджака, другое — в другой. На заседании, смотря куда склоняются прения, вынимает то или другое выступление и читает. Важно не перепутать. Оказывается, такая избрана была альтернатива. Помощники, когда раскусили, в чем тут нюанс, обрадовались, большое облегчение почувствовали, никто не увидел в этом ничего предосудительного. Наоборот, поняли, что искусство руководителя, видимо, в том и состоит, чтобы не идти против обстоятельств, а умело использовать их — вот задача! Престиж руководителя поднимает престиж города. Зря некоторые намекали, что Роман Авдеевич подлаживался, ловчил, не имел своего мнения. Критиковать легко, а как быть, если мнения расходятся, колеблются и на чьей стороне Сам, не определить, попробуйте точно угадать момент, когда взять слово. Тут нужна тончайшая наблюдательность. Сверхчувствительность нужна. Нельзя оказаться в противоречии, нельзя и запоздать. Если мнение Самого выяснилось, тогда уж поздно высовываться. По каким-то ему одному ведомым признакам Роман Авдеевич первый определял единственно решающую минуту, поднимал руку, делал ею движение, обозначающее: «Ладно, рискну!» — доставал из нужного кармана бумагу и попадал в яблочко. Постепенно, раз за разом, Роман Авдеевич наращивал репутацию человека решительного, прозорливого. Надо было видеть, как, достав бумагу, он зачитывал свое мнение, с выкладками, цифрами, цитатами из первоисточников. Волновался, голос его дрожал, как будто Роман Авдеевич набрался духу и осмелился изложить наболевшее. Чувствовалось, что человек давно обдумывал проблему, имеет твердое суждение, основанное на фактах.

Со временем аппарат его — вышколенные ребята, вежливые, чисто выбритые, с непроницаемо зеркальными глазами — стал находить нормальным, что настоящий крупный руководитель имеет не одно мнение. Такова диалектика роста и закона нового мышления. Иначе нельзя.

Найдутся, особенно в наше время, молодые, которые возразят: ради чего, собственно, следовало так угодничать? Так терять свою личность? И будут при

этом брезгливо кривиться. Но человечно ли презирать игрока, проигрывающего последнюю рубашку? Влюбленного, готового терпеть унижения? Разве они вольны в том чувстве, что безраздельно властвует над ними? Так и с Романом Авдеевичем. Одна, но пламенная страсть владела всеми его помыслами, определяла все его действия. Каждый его поступок так или иначе был связан с великой целью, поставленной им. Автору не в каждом поступке удавалось найти эту связь, случались у Романа Авдеевича и отступления, жизнь самого целеустремленного человека не выглядит как прямая линия. Но, несмотря на путаницу зигзагов, обходов и уклонений, можно проследить неукоснительное движение Романа Авдеевича вперед и вверх. Только вперед, только вверх. На четверть века раньше, где-нибудь в 1937—1938 годах, движение его происходило бы куда быстрее. То были хотя и опасные, но дивные времена головокружительных взлетов. Буквально за несколько месяцев люди делали блестящие карьеры. Быстрее, чем на войне. Ныне же приходилось прорубать свой тоннель сантиметр за сантиметром. Мускулы души Романа Авдеевича крепли в этой каждодневной работе, воля росла, ум изощрялся, стал гибким, находчивым. Если бы удалось незаметно подменить Роману Авдеевичу цель, подставить ему, допустим, научную, то нет сомнения, что человечество приобрело бы крупного изобретателя, получило бы средство от ураганов, новый пятновыводитель, лекарство от СПИДа, словом, что-то для всеобщей пользы.

Боже ты мой, стоит придумать устройство переводить страсть властолюбия в иную, такую же могучую, все одолевающую энергию, допустим, милосердия или мастерства, и какую добавку сразу получило бы человечество, сколько выдумки, живительных сил приобрели бы наши чахлые добродетели!

Увы, нет такого средства, и замечательные характеры, подобные Роману Авдеевичу, все так же рвутся к чинам, сминая все на своем пути, к возможности владеть судьбами населения, править, приказывать, ибо если не они, то кто же?

Вопрос этот отнюдь не риторический. Роман Авдеевич считал себя достойным высоких постов. Наивысших. Впрочем, и пост, и должность не те понятия, они из словаря карьериста. Автора, к сожалению, все время сносит на какие-то привычные ему типы, тех же карьеристов, которых наше время плодит в несметных количествах. Роман же Авдеевич — нечто иное, автор даже затрудняется его определить, потому что надо войти в такую психологию, которую и вообразить не хватает духу. Сам Роман Авдеевич не решался себе сформулировать. Карьеристу нужно иметь под собой все больше учреждений, предприятий, людей. У нашего Романа Авдеевича мысль шла другим путем, в качественно ином направлении, и отнюдь не безопасном: он хотел стать вождем! Руководить народом. Необязательно всем народом, но какой-то частью народа, например, республикой. Формально у него для этого имелись все данные: читал он доклады отчетливо, имел неплохую дикцию, имел диплом, поскольку окончил какой-то технический институт, имел хорошую анкету. Всего у него было в меру, тут тоже надо избегать перебора. Один из конкурентов Романа Авдеевича имел ученую степень, кандидат, может, доктор. На этом и спекся. Чересчур ученый. Докторская его степень раздражала начальников. Равняться надо было на верх, а там один с грехом пополам окончил железнодорожный техникум, другой — заочно педагогический институт, и то когда заведовал отделом в республике, так что преподаватели приезжали к нему в кабинет принимать экзамены. У третьего числилось: «Учился в пищевом техникуме». Окончил или нет — это перестало иметь значение с тех пор, как человек достиг. Раз достиг, то, значит, дело не в образовании, может, потому и достиг, что «мы университетов не кончали». Диссиденты злословили, что все члены, мол, были недоучки — инженеры были никудышные, учителя плохие, специалистов из них не получалось, вот и устремились в общественную работу. И к нашему Роману Авдеевичу тоже пытались приложить эту теорию. Всякие мудрецы-схоласты. Не понимали, что, может, тупыми инженерами-обалдуями члены были потому, что призвание имели другое: знамя нести хотели, взвалить на себя бремя государственных забот. Что, если бы они попали в техникум, где готовят вождей, они были бы там отличниками. Так ведь нет такого училища.

В любой конторе, от министерства до жакта, на вокзалах и в больницах, в домах отдыха и на пароходах висели плакаты с портретами членов и кандидатов. Этакая галерейка олигархов — членокатека. Все в одинаковых черных костюмах, черных галстуках, одинаково суровые, они испытующе взирали на Романа Авдеевича, начиная с его детских лет, а затем в школьные и студенческие годы. Можно сказать, он вырос под их присмотром. Они были почти бессмертные, а уж непогрешимые — это точно, как боги.

Однажды, будучи еще аппаратным чиновником, находился он в столичной командировке и там попался на глаза тогдашнему нашему персеку. То ли у того приболел помощник, то ли еще почему, но взял он с собою Романа Авдеевича на охоту. Да не просто на охоту, а с участием Самого. Был тогда наш персек на «взлете», пригласили его, а он взял нашего героя, ибо полагалось иметь при себе помощника.

После охоты расположились на пикник по-русски, что означает выпивон. На природе, под дубами, попростецки: стол некрашеный, табуретки, костер, кабан на вертеле. Когда олигархи хорошо «приняли», пошли байки-потешки, и двое приближенных олигархов повздорили. Из-за чего, Роман Авдеевич не слышал, ибо стоял поодаль, с прочими помощниками. Слово за слово — и сцепились. Задрались. Самым простейшим образом: матерясь, лупили друг друга кулаками, ногами, таскали за седые волосы... Никто их не разнимал. Сам хохотал, остальные подзуживали. Роман Авдеевич взирал зачарованно — это были те самые боги, бессмертные, чьи лики, словно на иконостасах, сияли перед ним все эти годы. Вот тут и посетила впервые его дерзкая мысль, крамольнейшая, которая никому из окружающих не пришла в голову, а ему пришла: а чем он хуже? Несмотря на весь его трепет, выходило — не хуже. Он из их рода.

С того дня все определилось, выстроилось. На примере Романа Авдеевича можно показать, как человек, который все силы ума и воли сосредоточит на поставленной цели, может пройти ох как далеко. Желание, оно и есть способность. А если желание страстное, все себе подчиняющее, то это вообще как талант. Роман Авдеевич ведь не желал стать поэтом, музыкантом. Он желал стать вождем, в виде члена ПэБэ. Значит, у него к этому ПэБэ был талант. Может, были у него и еще к чему-то способности, только он в себе их не разыскивал и свой путь по лестнице успеха представлял наиболее почетным.

С годами, чтобы удержаться на этой скользкой лестнице, приходилось все больше гнуться, пластаться так, что не осталось в нем ничего своего, все было принесено в жертву, все было запрятано и там сгнило.

Ряд историков доказывает, что Роману Авдеевичу способствовали случайности, историки прослеживают, как одна случайность за другой выталкивали его на поверхность. Получается, что личных заслуг у Романа Авдеевича не имелось — вместо него мог быть и другой. Однако почему-то этого не произошло, хотя в соседних краях появились такие выжиги, такие начальники, про которых и вспоминать неприятно, лишь руками разведешь, каких прохиндеев земля рожает. Уж они бы никакой случайности не упустили. Нет, наш Роман Авдеевич обязан своему возвышению не легкомысленной игре случаев, не слепой, безответственной фортуне, только самому себе он обязан, своей целеустремленности.

Однажды Роману Авдеевичу во сне явился художник Попонов, которого он велел выслать как тунеяд-

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА.

ца за его выпады. Художник во сне раздавал прохожим открытки, где были кошечки с бантиками и поздравительный текст для начальства. Все читали, смеялись и показывали пальцем на Романа Авдеевича. Он хотел утаиться, побежал. За ним погнались собаки, кошки. Он влетел в какой-то дом. Там сидел высоченный человек. Роман Авдеевич закричал ему: «Спасите, спасите!» Человек наклонился к нему, и Роман Авдеевич увидел над собой академика Сергучева. Лицо академика было в синяках. Криво улыбаясь, он двумя пальцами поднял за шиворот Романа Авдеевича и стал измерять его штангенциркулем. И все сдвигал и сдвигал губки циркуля. А вокруг сидели собаки, оскалив морды, и кошки с горящими лунными глазами.

Роман Авдеевич проснулся весь в поту. Страшная догадка проникала в него из этой ночной тьмы, и ее никак было не отогнать. Под утро он тихо встал, прошел к себе в кабинет. Отметки на косяке были помечены датами, и теперь перед Романом Авдеевичем ясно открылась страшная зависимость: как только он предпринимал что-то такое для своего продвижения — он уменьшался. Стоило подняться на ступеньку лестницы, ведущей туда, и он становился ниже. Смутное подозрение и раньше мелькало у него, теперь же все обозначилось явственно и безвыходно.

На следующий день Роман Авдеевич как бы невзначай осведомился у заведующего отделом науки — был такой, поскольку надо было, чтобы кто-то ведал наукой,— как там дела у Сергучева. Оказалось, что академик выступал и продолжает выступать в крамольном духе. Этого академика Роман Авдеевич недавно вызывал, предупреждал по-хорошему:

— Зачем же вы так, мы же вас академиком сделали, Ленинскую премию дали.

— Вы? — спросил академик совершенно недопустимым тоном. Он спокойно перенес замораживающий взгляд Романа Авдеевича, от которого другие теряли дар речи, попрощался и ушел, первым закончив разговор. Возомнил о себе. Конечно, он был известный на всю страну академик, один такой в нашем городе, но для Романа Авдеевича от него происходили только хлопоты, а пользы никакой. В его поведении усматривалась даже некоторая надменность, чуть ли не превосходство. Биография же у него была подмоченная. Сидел в молодости на Соловках. Следовало вроде бы вести себя поскромнее.

Вскоре Сергучева перестали пускать за границу на всякие симпозиумы. Настырным иностранцам сообщали, что он болен, потому и не приезжает. Он же наперекор сообщал им, что здоров, но ему не дозволяют. Пошел на открытую конфронтацию и нанес ущерб авторитету власти. Вскоре его побили в парадной. Били не очень, учитывая, наверное, хрупкость его старого организма, однако чувствительно, так что академик слег. Когда Роман Авдеевич увидел его во сне, академик что-то бормотал. На следующий день он приснился опять и сказал уже явственно: «Лопнет чашка терпения!» Смысл был неясен, но неприятен.

С этого времени начался новый период в жизни Романа Авдеевича — период трагических противоречий. Движение наверх требовало поступков, новаторских, заметных, на которые могли обратить внимание. Например, хотелось запретить итальянский фильм, не пускать его в прокат. По всей стране он шел, а в нашем городе чтобы не давать. И концерты рокеров. Шум, крик: почему? В Москву напишут. Из Москвы позвонят, спросят: в чем дело? А в том, что мы блюдем. Идеологию блюдем и не допустим. У вас в Москве иностранцы, дипломаты, вам деваться некуда, а мы чистоту держим, здоровье идеологическое сохраняем. Ну, конечно, докладывают наверх — вот, мол, что позволяют себе. А там на это вполне благоприятно замечают: молодец, твердый мужик, линию хранит, ничего не боится. И, явственно представив себе все это, Роман Авдеевич не мог удержаться — запрещал.

Бояться ему было нечего, устройство нашего механизма он изучил: чем правее, тем вернее; запрещай — не ошибешься; тот отвечает, кто разрешает,— все это были азбучные истины. Мучило другое: всякий раз, принимая решение, он прикидывал, во что оно может обойтись, теперь-то цена была известна. Но ведь иначе не выкарабкаешься. Чтобы приблизиться, надо что-то совершить. А, уменьшаясь в росте, можно дойти до того, что нельзя будет его взять туда, наверх, на самый верх,— неприлично станет, потому что есть предел. Правда, там, на самом верху, там пределов нет, там и совершать такого, чтобы уменьшало, необязательно, там можно, наоборот, разрешить себе и ослабить, страха поубавить.

В понятии «самый верх» не было ничего отвлеченного. Роман Авдеевич имел на сей счет образ зримый, до малейших подробностей. Полыхали знамена, медно гремели духовые оркестры, и он, Роман Авдеевич, в цепочке нескольких человек поднимался по гранитным ступенькам на трибуну Мавзолея. На самую верхнюю трибуну страны и занимал предназначенное ему место в коротком ряду людей, расположенных по обе стороны от Хозяина. Лицо каждого, здесь стоящего, было известно стране, их портреты плыли, колыхались над колоннами демонстрантов. Все глаза были устремлены наверх, к ним поднимали детей, чтобы те видели. И он, Роман Авдеевич, приветственно поднимает руку, отвечая их радости. И тогда внизу по площади перекатывается мощное «Ура-а!» — по всем прилегающим улицам, по всей стране.

На боковых крыльях уступами стоят десятки, затем сотни избранных, и они тоже поглядывают не столько на идущих по площади, сколько наверх, на них, посвященных.

В праздники с утра он должен был выстаивать на нашей городской дощатой крашеной трибуне. Столицу он мог увидеть только по телевизору вечером. Вперялся, не отрываясь, ревнивым взглядом отмечая, кто где стоит, кто как выглядит, кто с кем перекинулся, и так вглядывался, что начинал различать там себя: он стоял среди них, тоже в шляпе, третьим от Хозяина, росточком всего чуть пониже других. На вершине, на такой высоте, что личный рост не имел значения. То был апофеоз, сладостный финал, ради которого стоило терпеть! Финиш, победа!

Судя по этому видению, он успевал добраться, но если фактически, то страхи и сомнения раздирали его на части всякий раз, когда он принимал решение. Порой и можно было удержаться, а не мог. Терзался, понимал вред, какой наносил своему телу, и опасения грызли, и кошмарные картины возникали — лилипут, карлик выходит к трибуне, и не видно его, мальчик с пальчик, уродец, над которым потешаются,— видел все это, ужасался и все равно остановить себя был не в силах.

В столичном журнале появился фельетон про некоего крупного начальника, названного Василием Романовичем. Отличительной его чертой была универсальность. Он выступал на съезде архитекторов и давал ценные указания по новым стилям градостроительства. Заодно поправлял и направлял строителей, подсказывая им новые материалы, ориентировал их на лучшее использование техники. С не менее интересными идеями обращался он к педагогам, занятым дошкольным воспитанием. Он сумел доказать им, что начинать воспитание надо с самого раннего возраста. Выезжая на места, он собирал, допустим, совещание льноводов, произносил вступительное слово, выслушивал специалистов и заключал докладом, где ставил задачи и намечал перспективы развития льноводства. На следующий день он приветствовал международный форум онкологов, говорил им о важности борьбы с раком, затем собирал энергетиков по поводу аварийности. Известны его речи на юбилее Общества генетиков, Института полупроводников и Института востоковедения. Трудно измерить диапазон его знаний. Он участвовал в научной конференции политологов, в симпозиуме экономистов, в международной встрече астрофизиков. Музейным работникам он показывал наши советские принципы экспозиции, чем они отличаются от буржуазных, мог сориентировать овцеводов и лесозаготовителей.

Каждое его выступление разрешало все сомнения и споры специалистов. Слова его звучали твердо, фразы были выверены, недаром они печатались на первых страницах газет. Несомненно, это был ум, подобный могучим талантам Возрождения. Может быть, равный гению Леонардо да Винчи. Если из отечественных, то универсум не меньший, чем Михайло Ломоносов. Честно говоря, и у Ломоносова не было такого размаха.

Маленький, крепенький, он зычно, не задумываясь, отвечал на любые вопросы, если не подробно, то в принципе. Никогда еще не удавалось поставить его в тупик. Некоторые детали напоминали Романа Авдеевича, например, запись в книге почетных посетителей в точности была повторена: «Был на ледоколе. Произвел большое впечатление». Кроме того, отдельные словечки горячего словолюба Василия Романовича соответствовали выражениям Романа Авдеевича: «Если я говорю, значит, это никуда не денется», «Надо делать много больше — лучше», «Наша линия идет не в зад»...

Гаврики положили фельетон перед Романом Авдеевичем, подчеркнув красным все места соответствия. Роман Авдеевич разгневался, хотел было звонить в редакцию, ему отсоветовали. Стоит ли признаваться в том, что не явствует. Факт, что фельетон напечатали не случайно. Кое-кому Роман Авдеевич, руководитель нового типа, стоял поперек дороги. Соображение это несколько успокоило персека, прибавило ему веса.

Строго говоря, фельетонист исказил факты. У него Василий Романович — фигура плоская, одномерная. На самом деле Роман Авдеевич умел увлечь аудиторию своими выступлениями. Он создавал напряжение схватки с противником. Каким противником — неизвестно, важно, что коварным, замаскированным. Трудности, недостача, невыполнение — все становилось подозрительным. Мелькали чьи-то тени, проблескивали намеки. Его речь отличалась убежденностью. Он отвечал за все и за всех, поэтому он должен был все указывать. Тяжело, трудно, но что поделать, такова была его работа. Они все сами жаждали, чтобы он приехал. Добивались. Упрашивали. Обижались, если приезжал второй секретарь. Значит, недооценивает библиотекарей, связистов, милицию. Конференция не конференция, перевыборы не перевыборы, если он не приедет. Они готовят ему примеры выступления, а потом цитируют и ссылаются на его слова, написанные ими же. Благодаря своей исключительной памяти он мог повторить без бумажки слово в слово. Но он усиливал текст, заострял, украшал его розами обещаний, и все бурно аплодировали. В сущности, он презирал их. Стоило ему с кем-то поздороваться за руку, и тот был уже на седьмом небе. Они ждали указаний, без этого они терялись. Специалисты, а все они чего-то боялись, их надо было направлять, подгонять. Он всегда знал, где, в каком месте они будут хлопать. Потому что они обязаны были хлопать. Это был ритуал. И они соблюдали его добросовестно, даже с радостью. Выйдя из зала, они спрашивали друг друга: «А что он сказал?» Никто не мог толком пересказать. Они не понимали, что это хорошо, что важно чувство приобщения к борьбе и движению вперед. Роман Авдеевич любил приводить своим секретарям слова Вольтера: «Если Бога не было бы, его следовало бы выдумать». У него это звучало иначе: «Если противника нет, его следует выдумать».

Будь Роман Авдеевич похож на Василия Романовича, ему бы не удалось долго продержаться, уж продвинуться тем более. Все же без каких-то привлекательных черт трудно; известно, например, что в высоких кругах Роман Авдеевич славился своими карточными фокусами, он неплохо забивал козла и, вот уж никогда не скажешь, любил петь. Он пел полузабытые романсы, с чувством прижимая руки к груди.

Ты сидишь у камина
И смотришь с тоской,
Как печально огонь догорает...

Гладко-белое, эмалированное лицо оставалось неподвижным, но глаза увлажнялись.

Журнал Роман Авдеевич распорядился в продажу не пускать, подписчикам тоже не доставлять. «Как так?» — спросил начальник связи. «Очень просто,— сказали ему в секретариате Романа Авдеевича,— сам соображай, хочешь быть — умей вертеться». Условие, конечно, непростое, поэтому у нас такие ловкие начальники подобрались, умеют вертеться. Журнал с фельетоном граждане не увидели, решили, что это столичные сплетни. Позже редактора журнала сняли, разумеется, по иному поводу.

Слушая очередное выступление Романа Авдеевича на дискуссии историков, участники перешептывались: «Леонардо». Кличка приклеилась, и кое-кто из угодников стал употреблять ее даже с гордостью. Пока художник Попонов не изготовил картину: обрамил физиономию Романа Авдеевича волнистой бородой Леонардо, седыми локонами, накинул ему на пиджак плащ, дал в руки циркуль, кисти, на фоне президиума, за длинным столом, крытым красною скатертью, все это в виде «Тайной вечери», а сам Леонардо на трибуне. Получилось узнаваемо, наши городские умельцы быстро отпечатали картину в виде литографии и открыток и стали продавать из-под полы. Их застукали. Вышли на Попонова. Позвали его кой-куда, предложили на выбор: или посадим, или уезжайте из города. Начальство не ссылалось на законы, на статьи. И Попонов тоже не требовал, все решили полюбовно. Бесполезно с ними тягаться, сказал он. Не судись — удавишься. Согласно его философии, подобные события надо воспринимать спокойно, как явления природы. Не вступать же с ними в этические отношения. Холодная осень, град, жара — они не требуют протеста или благодарности. Это данность. Так же, как наш дорогой Роман Авдеевич, данность, порождение существующего порядка, физиономия необходимости.

Провожали его совсем немного людей, остатки нашего инакомыслия. Выпили из горла на перроне, возле вагона.

— Наплюй. Попонов, наплюй на него.— повторял один из художников.— Мы доживаем, наше дело дожить, для этого надо плевать.

— Плевать можно только вниз,— отвечал Попонов.— Вверх не получается. Я пробовал.— Он оглядел приятелей, стоящих поодаль двух «сотрудников» в одинаково серых костюмах и подмигнул.— Я кто? Я подданный. Не гражданин, а подданный самого передового государства, вот оно мне и поддало. Поэтому мы что? Имеем право поддать.— Он помолчал и сказал громко: — Скучная у нас страна. К тому же ее любить надо.

Ленинград

Владимир ЧЕРНОВ

КУКЛЫ ТАК ПОХОЖИ НА ЛЮДЕЙ

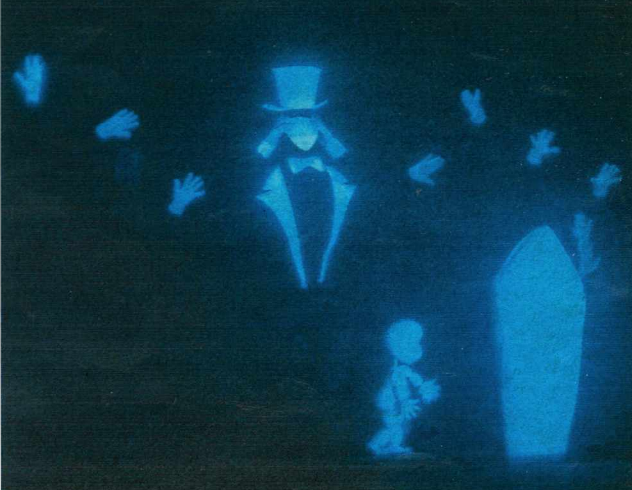
В кукольном мире те же страсти, та же трагикомедия. У одних — карнавал, у других — сломана жизнь. Этих любят безумно, обожают, к сердцу прижимают, и старость их обходит, они, даже истрепавшись, все сверкают глазенками. А этих любить перестали, и, став ненужными, они дряхлеют на глазах, пластмассовые, тряпичные, угрюмые, больные человечки. А. Лыскин снимал первых, В. Некрасов — вторых. Кому что нравится.

Мы живем среди кукол, наши миры совмещены. Но «играть в куклы» на самом деле нельзя. Это неправильное выражение. Его придумали взрослые. Старея, они себя забывают. Они полагают, что дети заняты тем, что репетируют будущее, готовятся жить. А дети уже живут, полно и всерьез. Их куклы болеют, страдают, ликуют, убегают из дома и, блудные, возвращаются, поджав хвосты. Это их дети. Дети детей.

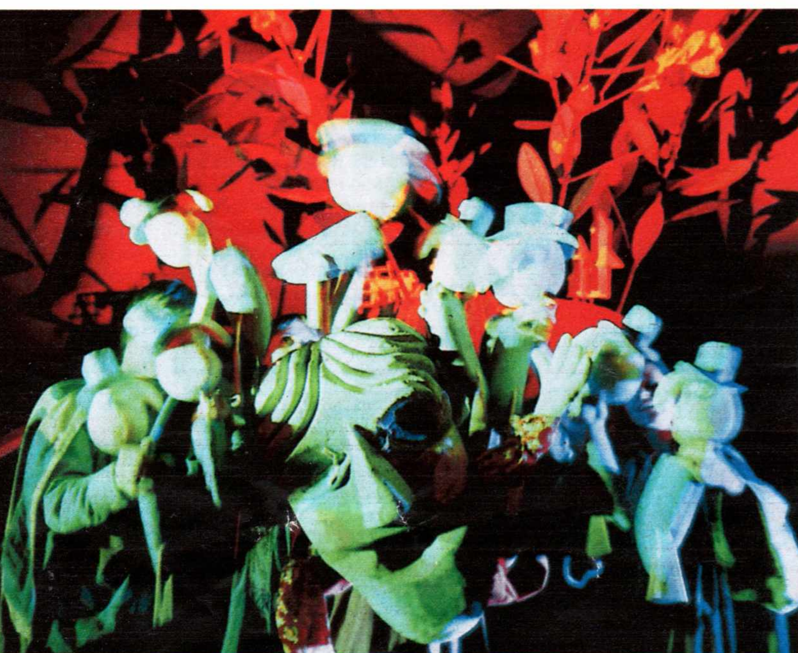
Куклы — другое измерение жизни. Они — сгустки наших чувств, наших представлений о добре и зле. Нашим детям мы подсовываем кукол, которых любить нельзя, их хочется усадить в ряд и тихо притворить дверь, оставив за ней эту умилительную готовность быть послушными. Этих примерных, приятно улыбающихся, готовых на все по приказу созданий. С врожденным, изначально в них вложенным, комплексом неполноценности.

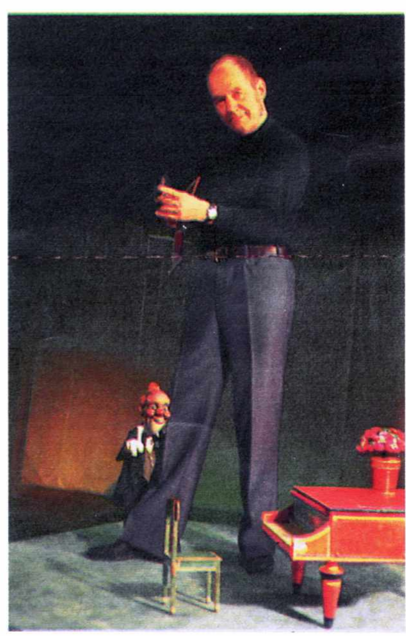

Потому так ошеломили нас появившиеся недавно на телеэкранах английские «Маппет-шоу». В городе Лондоне в знаменитом магазине Хамли я сам увидел однажды игрушку, от которой просто остолбенел. Передо мной сидел такой маленький домашний тиран, такая вредятина, пакостник и сладкоежка, такой Вождь Краснокожих с мордочкой, на которой была написана самоуверенность абсолютная, свирепая готовность подчинять себе мир! Комплекс полноценности просто бил из него. Он был восхитителен. Перед ним невозможно было устоять. Я вцепился в него немедленно, хотя стоил он всех моих денег. И так же вцепилась в него дома моя шестилетняя дочь и поволокла моментально баловать его и им восхищаться. В доме начался праздник. Это была кукла из мира других представлений о жизни, кукла, рожденная для карнавала.

А наше главное достижение — Чебурашка, такое вечно униженное и тем нас умиляющее никто, родившееся без папы и мамы, вечный сиротка с большими ушами. Маугли, выросший среди советских людей.

Взрослые редко возятся с куклами, как дети. И куклы у них другие. И в другие игры они с ними играют. Их любимые куклы — порой страшная штука. Каменный гость, Медный всадник. Кукла, которая может убить. Куклы-пионеры, куклы-спортсмены, куклы-вожди, миллионы, миллиарды вождей. Стада каменных кукол, что, ожив и сойдя с пьедесталов, бродят по обезлюдевшему городу, как у Стругацких. Они вечны среди нас, смертных. Но вот штука: без человека ведь куклы мертвы. Лишь он их оживляет. Играя с жизнью и смертью.

Фото
Александра ЛЫСКИНА
и Валерия НЕКРАСОВА

УМРЕТ ЛИ ТЕННИС В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ?

Все проблемы страны отражаются в любой из областей деятельности ее граждан, даже в теннисе. Речь не идет о нехватке ракеток, мячей, кортов, об этом еще долго будут писать, если не произойдет то событие, которое вынесено в заголовок. Пример тенниса кристально ясен, как химический опыт в школьной пробирке.

Пока же теннис жив. И если учитывать тот необыкновенный интерес, который он сейчас вызывает в Советском Союзе, то тренер мужской сборной Шамиль Тарпищев и Ольга Морозова, еще недавно тренер женской команды страны,— одни из самых популярных людей. Тарпищев пока остается дома. Морозова в декабре уезжает в Великобританию.

Ольга Морозова — пока непревзойденная на родине теннисистка, трехкратная финалистка Уимблдона, 22-кратная чемпионка Европы, 32-кратная чемпионка СССР (в различных комбинациях). Десять лет назад, после ухода из спорта, Морозова сделала то, что редко удается чемпионам,— стала одним из сильнейших тренеров сборной. Созданная ею команда — одна из лучших в мире.

— И не жалко оставлять команду, в которую вложено столько сил и десять лет жизни?

— Сейчас сборной СССР нет. Во всяком случае, в том виде, в каком вижу ее я. Есть люди, которых можно собрать, и они на данный момент будут командой, которая выдаст то, что умеет, и только на одном патриотизме.

У нас давно назревал разлад. Ситуация, полностью повторяющая все то, что происходит в стране. Все разбегаются по своим углам. Два года назад я дала определенную свободу игрокам сборной. Конкретно на самих игроков я пыталась не воздействовать, только через тренеров.

Не было тех жестких рамок, что складывались вначале,— делай только так, как я тебе говорю. Сборная команда нужна для того, чтобы качество игры у девочек становилось лучше и лучше. Я не хочу выдавать рецептов. Я надеюсь, что девочки помучаются, но найдут свой путь. Они уже взрослые люди, прошли большой тренировочный процесс, могу только сказать: если ты человек умный, то прекрасно понимаешь — один ничего не сможешь сделать, надо подбирать группу людей, которая работает на тебя. Возможно, такой путь более продуктивен, чем традиционная сборная, но отношения, естественно, будут совершенно другими. Такие услуги полагается хорошо оплачивать.

Я, например, спокойна, если Лейла Месхи останется со своим тренером Теймуразом Какулия на тех профессиональных условиях, что он ей предлагает. Я неспокойна за Наташу Звереву, беспокоюсь и за Ларису Савченко. Не могу ничего сказать о Лене Брюховец, она на перепутье. Наташа Медведева с мамой, которая ее тренирует, я думаю, будут вместе учиться. Когда ко мне в сборную приходил игрок, я требовала всегда по максимуму, я считала: если ты не желаешь быть первым, зачем тогда вообще играть? В данный момент я не знаю, что в головах у этих девочек.

Да, они разбегаются, но потом соберутся вновь, выхода же нет. Если только не уезжать из Союза. Лариса Савченко, предположим, едет во Львов, а там уже нет ни одного человека, умеющего играть в теннис. Нет спарринга. Наташа Зверева приезжает в Минск, у нее другие сложности, там с нее требуют доллары, чтобы она платила за тренировочное время. Два года назад они собирались и знали, что у них все есть: мячи, корты, врач, массажист, правильно сделанный календарь, спаринг-партнер, а сейчас все надо делать самому.

Будем ориентироваться на лучших. Штефи Граф — теннисистка номер один. У меня есть информация, что она достаточно регулярно тренируется со сборной и пользуется услугами людей, работающих на первую команду ФРГ. Хотя ее материальные условия позволяют содержать и свою команду.

Сейчас теннис стал очень серьезным бизнесом. Я считаю, что сейчас уже недостаточно только тренера-спарринга. Нужно, чтобы еще были глаза рядом. Даже если я тренирую свою двенадцатилетнюю дочь Катю, уже на том уровне, которого она требует, хотя Катя еще ребенок, я должна все время, создавая комбинацию на корте, смотреть на мяч, чтобы не ошибаться. Если я все время смотрю на мяч — главное правило в теннисе,— то я уже не могу ни исправить Катиных ошибок, ни работать над каким-то ее новым ударом, так как я тогда не смогу создать того темпа, который сегодня требуется на мировом уровне.

— Как вы думаете, почему мы в нашей, далеко не благополучной стране столько говорим о теннисе? Все интересуются призовыми, все знают, что Наташа Зверева уже заработала на теннисе миллион, не все, правда, знают, что бóльшая часть этого миллиона осела в казне государства.

— Наверное, мы общаемся прежде всего с теми людьми, которые имеют отношение к теннису, любят его. А поехать в провинцию, в глубинку и узнать, как там к теннису относятся? Если что привлекает людей — так это разговор о деньгах. Мы — удивительный народ. Нигде в мире так не интересуются чужим заработком, как у нас. В годы, когда я играла, о таких призах, как сейчас, и не мечтали. Мне многие сейчас говорят: «Оля, ты помнишь, как ты играла! И какая же ты была патриотка, ведь тебе вообще ничего не платили!»

Я всегда стараюсь настроить себя позитивно. Да, денег не получала, но в то же время я получала больше, чем кто-либо в Советском Союзе в то время. Я видела много стран и городов, я познакомилась с массой знаменитых и интересных людей. Такая красивая жизнь, хоть и безденежная, в то время была у совсем немногих.

Нельзя расстраиваться из-за того, чего не вернуть. Советская ущемленность от полного безденежья за границей в восторг не приводила.

Потом я стала ездить с девочками, которые зарабатывали десятки тысяч долларов, но сами мы сидели на суточных. Потом им стали выдавать премии, я снова получала только суточные. Наконец они стали оставлять себе по половине, а то и полностью свои призы, а я все получала суточные...

— Если вы из поколения таких правильных, то у вас должно быть ощущение, что вы бросаете Родину в тяжелую минуту...

— Я совершенно так не думаю, потому что я уезжаю, сделав свое дело до конца. А, в общем, со своей квалификацией на сегодняшний день я здесь никому не нужна. Для своей страны я стала пока единственной финалисткой Уимблдонского турнира. Десять лет работала старшим тренером сборной команды и кое-что сделала. Стыдно мне сейчас прийти в Госкомспорт СССР или в любую другую организацию и сказать: мне нужно полмиллиона долларов для того, чтобы такие-то пятнадцатилетние девочки поехали на «Сателлиты» (начальные турниры для получения статуса профессионала и рейтинга). Меня спросят: вы гарантируете возвращение этих денег? И я отвечу: нет. Мне скажут: тогда мы лучше на эту сумму колбасу купим, или шприцы, или детям лекарство. А я отвечу: купите. Я понимаю, что если девочки заиграют, то вернут все с лихвой, но сейчас во мне нет того стержня, чтобы давить,— «надо». Сейчас я его потеряла. А потом наши законы — никакая не гарантия моих обещаний. Мы вложим в этих детей полмиллиона, но я совершенно не убеждена, что, став профессионалами, теннисистки их вернут обществу через налоги. Если моя сборная совершенно определенно, путем волевого изъятия вернула государству всю затраченную на нее валюту, да еще в неоднократном количестве (только полтора года, как они не отдают полностью призовые деньги), то нынешнее поколение ничем не заставишь вернуть. Им проще платить налог в 20—25 проц. в США или Англии, а не 69 проц. в родной стране. Нет цивилизованного закона, позволяющего возвращать, притягивать валюту в страну. Нет нормальной контрактной системы. До восемнадцати лет клуб или тренер не может подписать контракт с ребенком, а после он уже ходит с западным.

Я считаю очень важным моментом письменное обязательство ребенка (а возможно, и его родителей), что он хочет стать профессионалом и все будет делать для этого. Потому что, если ты не хочешь, зачем же с тобой столько лет должны работать люди, страстно мечтающие, чтобы ты стал игроком?

Я не считаю себя предателем еще и потому, что не собираюсь работать в Англии вечно. А потом я очень измоталась в наших условиях. В то, что в ближайшие годы будут условия для профессиональной работы, я не верю. Столько лет одно и то же, уже не верю. Да и потом, страна нуждается в другом. Моя профессия — тренера, работающего с сильнейшими игроками профессионального тенниса, — сейчас в Советском Союзе не нужна.

— Кем же вы будете в Великобритании?

— Я буду национальным тренером. Тренером сборной. Но молодежной. Правда, ко мне уже подходило несколько взрослых игроков из основного состава, которые хотят приехать в мою школу в Бишен эбби и поработать со мной. Кто-то даже с тренером. Ко мне в общем-то там относятся хорошо. Меня уважают — это приятно. А работать я буду так, как здесь. У меня уже есть идеи. Мне интересно. В команде есть психолог, такого у нас по бедности не было, зато у них нет другого, что имели мы, и я на этом потихонечку уже настаиваю. Они никаких больших задач не ставили, а я ставлю. Они улыбаются. Я тоже улыбаюсь. Амбиции у меня все еще есть.

— Но профессиональный теннис существует не только в развитых странах Запада. В Чехословакии за последние годы выросло с десяток игроков первой десятки мира — элиты тенниса.

— Там главным в итоге оказалось то, что они подняли теннис в ФРГ. В Чехословакии существовала такая система. Если тренер себя проявлял, то есть имел игрока в сборной, если вел команду, которая добивалась успеха, то, по законам их спортивного союза, этому тренеру делали контракт в западной стране, прежде всего в ФРГ. Там тренер начинает работать без устали, поскольку деньги несравнимые. Таким образом, уехали практически все чехословацкие тренеры, кто-то совсем, кто-то на время. Государство давало теннису субсидии, и контракты с игроками там были. Игроки могли жить и играть, где хотят. Но платили оговоренные суммы своей федерации.

Потом был еще стимул: если игрок входил в первую сотню, ему разрешалось стать профессионалом. И в этом случае он сам себе определял число турниров. Игроков выросло много, деньги федерация собирала неплохие и могла их вкладывать в молодежь.

У нас же происходили самые невероятные случаи. Я, например, не могла задержаться за рубежом из-за сметы. Она, предположим, на пять турниров. Но мы хорошо сыграли, игроки в отличной форме, есть экономия, и я хочу заявить девочек еще на трех турнирах. Но наша страна гуманная. Она заранее боится: вдруг нам денег не хватит? И дальше мы играть не имели права. А «братским» спортсменам можно было ездить, пока деньги не кончатся. Карабкаться вверх, пока молодой и комфорт, требующийся для «звезд», тебе не нужен.

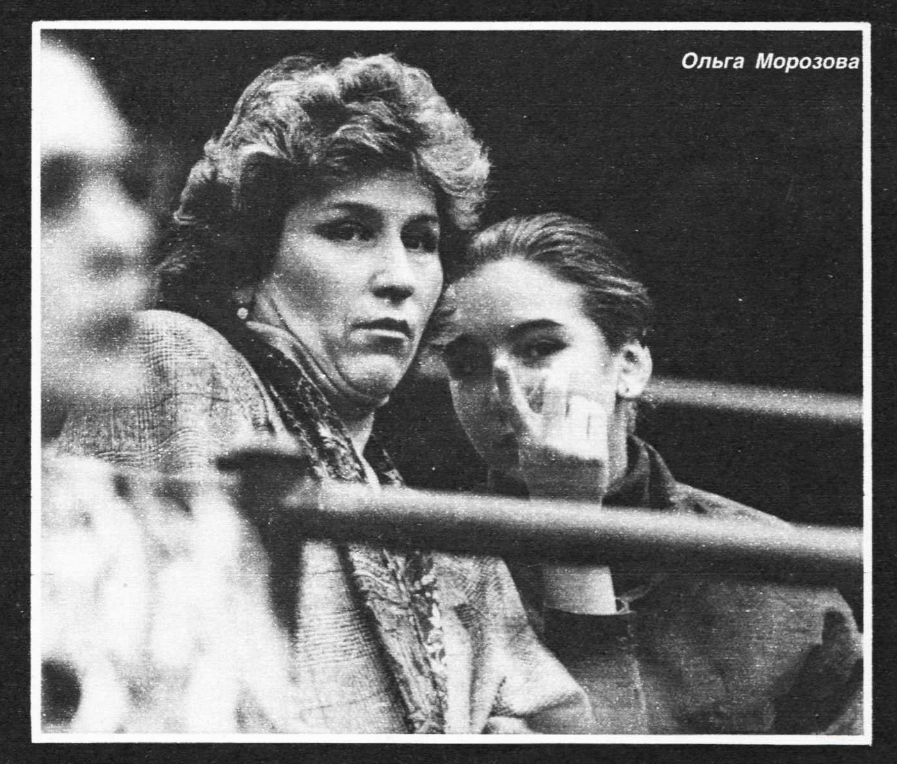
— Мысль об отъезде пришла, наверно, не месяц назад?

— Я задумалась о контракте на Западе, когда началась неприятная жизнь в сборной. Мне сразу стало гадко, когда из меня начал получаться администратор, а не творческий работник. Масса людей выезжает за рубеж, лишь бы только выехать, а я видела мир и хотела если выехать, то работать, и работать так, как мне хочется, то есть творчески. Мне неинтересно отсиживать свои суточные. Я стала оговаривать условия, и это оказалось вопреки мнению многих («Морозова захотела — пожалуйста») совсем нелегко.

Тренеры никогда и нигде много не получают, это же не гонорары у спортсменов. Но на плебейский контракт, по сути дела, на те же суточные, мне ехать не хотелось. Мне важны были нормальные условия, но самое главное, чтобы были нормальные условия у Кати.

— А у мужа, у Вити?

— О Вите я задумывалась меньше. Витя сам о себе должен будет заботиться и заниматься с нашей дочерью. Но прежде всего я поняла, что очень устала от сложных взаимоотношений и мне интереснее заниматься со своей дочерью, чем с первой командой страны. И если бы не было контракта, я бы работала дома с Катей и искала бы ей, чего всем игрокам советую в нынешних условиях, спонсоров. Достаточно — рублевых. Они нужны игрокам, чтобы выжить. Необходимо только оплачивать билеты на соревнования. А там

Ольга Морозова

принимают и кормят. Ну не так, как на банкетах, и лимузины не подают. Но гостиницу оплачивают, еда есть. Значит, посылать игрока можно. Да, он не купит джинсы, и никто во дворе не узнает, что он был в Америке или в Италии, но игрок будет набирать то, что ему необходимо,— соревновательный опыт. И если он себя проявит, его заметят, то спонсоры будут уже валютные. А если не удалось, пусть идет учиться, может, в другом достигнет успеха. Надо приучить себя прекратить думать о каждой поездке за границу как о способе зарабатывания дополнительных средств.

Ехать на Запад молодые игроки должны только с одной мыслью и целью — играть в теннис. И если будут делать это на высоком уровне, тогда все будет хорошо, но в будущем.

— А можно верить в то, что Катя заработает на теннисе миллион?

— Это все так неизвестно — заиграет Катя или нет. Пока я хочу, чтобы она научилась играть, и сделаю для этого все возможное. А есть у нее талант?.. Только с талантом можно играть в первой десятке мира. Плюс хорошие тренеры. Обладает Катя теннисным талантом или нет — это определит только время. Природа есть природа, ее не обманешь. Если у Кати не та генетика, значит, папа виноват.

Теннис сейчас — сложное и тяжелое дело, и у меня, как у мамы, двойственное к нему отношение. Мне хочется, чтобы Катя была развитой девочкой, получила образование. Но, с другой стороны, я должна сделать все, чтобы теннис был главным в ее жизни. В то же время хочется организовать ее жизнь так, чтобы в конце концов ей нравилась не та музыка, что сейчас все время по телевизору, а та, которую слушают в консерватории. Я хочу, чтобы она была добрым, здоровым и богатым человеком. Но достигла всего этого правильным путем.

Вот печальный пример. Росла в Ленинграде талантливая девочка (сейчас ей шестнадцать) Вика Зверева. И в этом году я встречаю Вику и где — в Западном Берлине! Играет за клуб. Она одна. Получает какие-то деньги, играет с любителями. Купила, наверно, себе уже что-то. У нас там целая сборная команда — Юля и Алла Сальниковы, Оля Иванова, Оля Зайцева. Советский Союз играет в клубном первенстве ФРГ, и хорошо играет, бойцы, настоящие патриоты. Но они уже прошли сборную, а Вика, у которой были перспективы, уже на год отстала. Мне грустно было ее там видеть. Я по-старому: «Пойдем посмотрим, как Граф играет». Начинаю учить, бубнить, но что можно сделать за час?

— Может, советский теннис спасет отделение федерации от Госкомспорта, о котором говорят уже года два?

— Я считаю, мы потеряли момент. Мы потеряли его именно тогда, когда нас воспринимали как команду. Как сборную СССР. Горбачев набирал на Западе популярность, и мы, русские, стали очень модными. Вот когда нам нужно было набирать. Необходим был хороший менеджер в отделе тенниса. Но там даже запах такого не присутствовал. Когда Зверева, Савченко, Чесноков, Волков начали выигрывать и появился довольно большой бюджет, отдел поплыл по течению. Так все здорово: сметы подписываются, проблем с экипировкой нет, все, кто вокруг, путешествуют, и много. Нельзя было все тратить, жить надо экономно, думая о будущем. Как об этом все время думают на Западе.

Конечно, нашу страну нельзя сравнивать с Францией или Швейцарией. Вот, например, еще раз вернусь к организации турниров. Там директор турнира, пока не получит гарантию, что вернет истраченные деньги, не начнет его проводить. Ему надо 350 тысяч на призовой фонд — он их соберет у спонсоров, и порой столько же еще будет иметь как прибыль. А спросить, какая была прибыль с двух московских международных турниров? Никто не знает. Контракт, который подписали с «Просерв» перед прошлогодним женским турниром серии «Вирджиния слимс», был таким хорошим контрактом, что «Просерв» смогла себе позволить за две недели до второго турнира от него отказаться. Кто такой контракт подписывал? («Просерв» — международная крупная посредническая спортивная фирма — была партнером «Совинтерспорта».) За две недели «Просерв» отказывается от турнира и не несет никаких моральных и материальных убытков! Никто не может на фирму подать в суд. Этого быть не могло, если б контракт подписывали две профессиональные организации. В итоге «Совинтерспорт» берет на себя валютные траты и выступает в роли спасителя турнира.

Эта организация должна бы направить большую часть своих «коммерсантов» в тот же «Просерв», или «Эдванти», или в «Ай-Эм-Джи», пусть даже «носить бумажки», но чтобы они хотя бы чему-нибудь научились. Я бы при подписании контракта потеряла несколько в деньгах, но поставила бы условие: наши сотрудники должны принимать участие во всех переговорах, касающихся турнира, и чтобы один из моих людей работал в вашем офисе. В тот момент они бы на это пошли. Но никому в голову подобное не пришло: учиться бизнесу, с которым мы абсолютно незнакомы. И контракт получился ужасный. Еще одна наша примечательная особенность: ошибки ближнего ничему не учат. Тому пример второй контракт — уже мужского турнира «Кубок Кремля». По сути дела, с этих двух (мужского и женского) ежегодных турниров могла питаться артерия, которая дает жизнь профессиональному теннису страны.

«Ролан Гарро», о котором теперь все у нас знают, дает деньги на развитие всего французского тенниса. Не нужно собирать денег с игроков. Уимблдон перечисляет федерации десять миллионов. Эта сумма складывается из спонсорства и расчетов с телевидением. Или открытое первенство Канады, которое не входит в систему Большого шлема. Председатель федерации — адвокат, который, конечно, играл в теннис. У него есть контракты с игроками, что они будут выступать за сборную и обязательно будут участвовать в двух национальных турнирах, а федерация им оплачивает тренировочный процесс.

В каждом государстве спорт — неприбыльная область. То есть деньги, которые зарабатываются, вновь тратятся на него же. Нет никаких налогообложений на спорт. Но надо доказать, что ты все деньги от тенниса истратил на развитие тенниса. Я уж не знаю, какие у нас будут налоги, но пока мы не взяли ничего с иностранцев, которые приезжали на первый женский турнир в Москву. Наверно, страна такая богатая, что налогов с иностранцев не берет. Каждая страна, на чьей территории проходит турнир, облагает призы налогами — это нормально. А мы не берем. С другой стороны, казалось, тем самым привлекаем игроков. Но почему-то они не приехали на второй турнир.

Фото Анатолия БОЧИНИНА.

Принцип нашей страны — создать нечто невероятное, но ни в коем случае на этом деньги не зарабатывать. Вернуть никогда не хотим. Даже для того, чтобы использовать в том же спорте.

— Советских людей должны раздражать эти постоянные разговоры о теннисных деньгах?

— В нас заложено два качества. Одно очень хорошее. Мы всегда должны быть первыми, тут мы с американцами схожи. А плохое качество: мы завистливы к чужим деньгам. Я бы хотела, чтобы те, кто любит теннис, радовались успехам лидеров, и если у кого-то из них есть «мерседес», купленный, кстати, благодаря собственному труду и таланту, не надо бить в машине стекла.

Спонсор на Западе — это тот, кто списывает деньги, вложенные в культуру или спорт как налог, спонсор в СССР — это тот, кто безвозмездно дарит деньги. Нигде невозможно нормально работать, когда нет правильных законов. Зачем придумывать велосипед? Подходят законы любой цивилизованной страны.

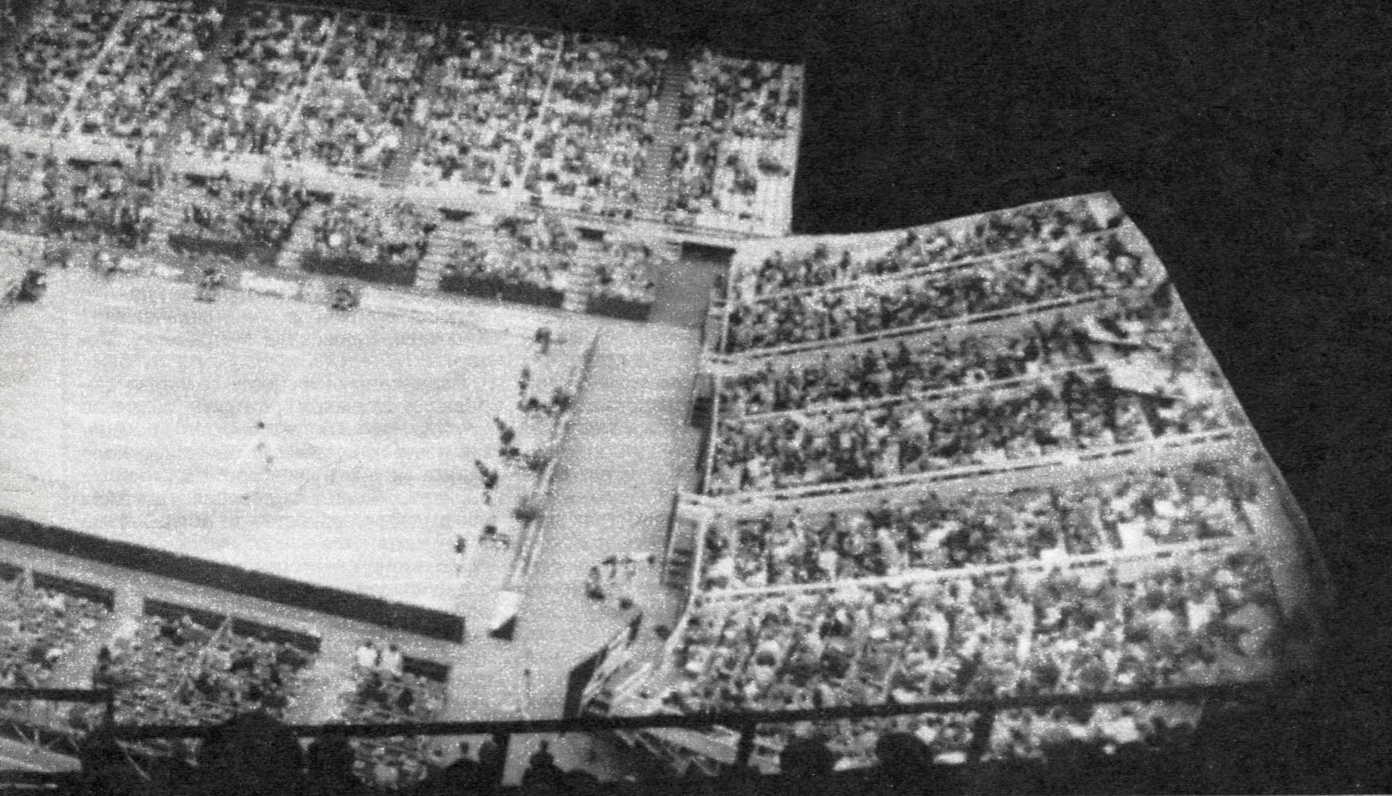
Давайте посмотрим, выгодно ли

государству оплачивать тренировки и поездки Штефи Граф. Во-первых, Штефи — это небывалый престиж нации, она чемпионка мира, Олимпийских игр. Возникает масса стимулов. Девочки идут в теннисные секции. Импульс в промышленности. Штефи играет тем, что выпускается в ФРГ. Доход Граф — полтора миллиона в год или два, только призовых. Налоги она платит? Да, и не маленькие, и это тоже выгодно государству.

— Безысходная налоговая ситуация. Что же, все отъедем? Артисты, спортсмены, все, кто занимается творчеством.

— Все не отъедут. Там своих хватает. Такая огромная страна — и все просим что-то у других. Если профессиональный теннис сделали, если в космос летаем и балет самый лучший... Хотя, как выяснилось, не самый. Но компьютеров нет, а программы продаем. Мозги-то есть. Все не уедут, но лучшим, возможно, повезет.

Мне, выросшей в системе, которая меня воспитывала как пионерку, комсомолку в простой семье, где белое и черное существует без полутонов, интересно и хочется учиться

там, где чисто профессиональные отношения, без партбюро. Как мой опыт войдет в контакт с теми отношениями?

Мне уже отобрали четырех девочек, я сказала: мало, хочу еще посмотреть. Уже завелась на работу. Школа для Кати — десять минут езды от кортов, а они в трех минутах ходьбы от дома. А все вместе — в отдалении от Лондона, что очень хорошо, в симпатичном местечке, видеомагнитофоны на корте, мячей сколько хочешь... игроков нет! У нас сборы в Ташкенте, с едой проблема, мячи считаем, а игроки есть. Возможно, я нашла отгадку. Каждый тренер в Великобритании работает на корте минимум семь-восемь часов. Это необходимо для поддержания нормального образа жизни. Но если это время приходится на три тренировки классных теннисистов? Кто же такое может выдержать? Да никто, даже фанаты. В ФРГ, Чехословакии, Швеции есть теннисные центры, где эту проблему решить можно, но в Англии такого центра нет. К тому же сохранилась некая чопорность у родителей: лучше девочку в балет отдать, чем на корт. К тому же должны еще быть и амбиции. Я видела Наташу Звереву только в пятерке. Даже в тройке. И был момент, когда она к ней шла (сама Морозова несколько лет стабильно входила в первую десятку, была четвертой в мировой классификации.— В. М.-К.). Я считала: Граф, Сабатини, Зверева... Думаю, ей и сейчас, когда она четырнадцатая, хорошо. А там, в первой пятерке, труднее, чем где-либо. Там ужасно тяжело, там же жизни нет, там каторга.

— Итак, Морозова уезжает не на год, не на два, и у нас останутся только воспоминания о знаменитой теннисистке и отличном тренере?

— Ни в коем случае. Когда я приеду в отпуск, то запишу три часовые видеокассеты уроков тенниса. Не для профессионалов, а для любителей. Они могут продаваться отдельно или будут вложены в один блок и называться: «Теннис в вашей семье». Там, возможно, даже будут указания, как родителям учить и заниматься теннисом с малышами. Буду благодарна читателям и «Огоньку», если он предоставит свой адрес для откликов, хочу правильно рассчитать тираж, чтобы всем хватило, без «черного рынка».

* * *

Старшему тренеру сборной СССР по теннису Шамилю Тарпищеву принадлежат два рекорда. Первый, когда его в 26 лет назначили старшим тренером и он стал самым молодым руководителем в сборных командах страны; второй, когда он уже пятнадцатый год без перерыва возглавляет команду — такого стажа среди тренеров популярных сборных еще не было. Тарпищев — человек обстоятельный, кажется неторопливым и в итоге успевает сделать все, что задумал. Он женился и стал отцом в сорок лет, спокойно объясняя, что рано или поздно это произойдет. Так же спокойно, в расцвет застоя и «любительского» спорта, когда число участников Спартакиады народов СССР превышало все трудоспособное население страны, Тарпищев уверял меня, что сумеет добиться — теннис в СССР признают профессиональным. В общем-то, когда теннисисты повезли в Москву тысячные призы, так оно и получилось, но на первых порах без объявления об этом широкой публике.

— Что такое, на ваш взгляд, теннис в нашей разоренной стране, учитывая, что это популярный спорт в богатых или, скажем так, развитых странах?

— Возможно, простому человеку обилие разговоров о теннисе непонятно, поскольку принято считать, что это дорогой вид спорта. Ничего в стране нет, а еще и в теннис играют, да к тому же такая его пропаганда, столько времени на телевидении.

Я скажу по-другому: что дает теннис стране? Начнем с того, что он дал политический капитал. После того как наши ведущие игроки вышли на мировой уровень, многие на Западе благодаря теннису узнали, что мы тоже нормальные люди. Когда мы выходили на мировую арену, так не считали.

Что же касается экономики, то теннис такой вид спорта, что не может быть экономически убыточным. То, что мы провели такое огромное мероприятие, как «Кубок Кремля»,— это не трата государственных денег, а, наоборот, привлечение валюты в страну.

— Чем вы объясняете необыкновенную популярность тенниса в СССР и такую мощную его пропаганду? Если с ТВ все ясно, здесь мы обязаны Анне Дмитриевой, знаменитой в прошлом чемпионке, не забывшей о своем первом увлечении (тогда не принято было называть спорт работой), но ведь ни одна газета, ни один журнал без теннисной темы не обходятся. А массового тенниса в стране нет, в отличие, например, от футбола. Но все знают имена и советских, и мировых лидеров, более того, знают и их доходы. Необъяснимо, как мода?

— Нет. Легко объяснимо. Ситуация в стране резко изменилась. Теннис вдруг стал примером для любой проблемы, вставшей перед нашей страной. Чесноков, Зверева, Волков зарабатывают, по нашим понятиям, сумасшедшие деньги. Вокруг них, естественно, живой интерес: как, что, почему? Кто грабит? Кого грабят? Кто отдает, кто не отдает? Таким образом, теннис оказался хорошим поводом как сравнение для любого журналиста. С другой стороны, как начали показывать Уимблдон, убедились, что теннисом невозможно не заразиться. Любой может выйти на корт и играть с любым, то есть каждый может найти себе соперника по своему уровню. Трудно назвать вид спорта, которым увлекаются те, кому за шестьдесят. В теннисе их сколько угодно.

— Первый раз мы беседовали пятнадцать лет назад. За эти годы во многом вашими руками создан в стране профессиональный теннис. А вел ли кто-нибудь подсчеты, сколько за это время теннис принес валюты?

— Подсчитывание денег в нашей стране — занятие почти абсурдное. Каждый год я, например, подсчитываю те деньги, которые мы могли бы принести государству. При этом не надо забывать о самоликвидации советского тенниса с 1977 по 1982 год.

Из-за нелепого страха перед бойкотом Московской Олимпиады странами Африки (Международная федерация тенниса не порвала с ЮАР, и нам запретили играть в международных соревнованиях) мы не только потеряли связь между игроками и традиции, но и упустили два поколения теннисистов.

В разные годы мы тратим на теннис от шестисот тысяч долларов до миллиона двести. А вот сколько можно заработать, зависело, к сожалению, не от нас, а от решения бюрократической машины аппарата. Мы привозили за год иногда полтора миллиона, а могли и три, но нас лишали такой возможности. Это происходит и по сей день. Ситуация сейчас такова: мы в плюсе, доходы выше расходов, а выехать на соревнования мы не можем. У Госкомспорта

Шамиль Тарпищев

нет валюты. Мы можем послать команду и без суточных, доход гарантирован, но еще недавно это было невозможно, не могла советская делегация выезжать без денег. И никому невозможно ничего объяснить, потому что отдел, который выпускает, денег не имеет, и, по существующему положению, выезд он не может разрешить, а отдел, который считает привозимые деньги, к выезду не имеет никакого отношения.

Были и такие случаи. Мы выиграли матч у сборной Аргентины — 3:2. Сборная СССР — первая команда, которая в розыгрыше Кубка Дэвиса в Аргентине победила хозяев корта. Нам сразу предлагают на обратном пути заехать в Венесуэлу на трехдневные показательные выступления. За них можно получить от ста до двухсот тысяч долларов. Но надо получать венесуэльские визы, а для этого требовалось разрешение ЦК партии. В конце концов мы так и не смогли попасть в Венесуэлу.

До сегодняшнего дня у нас существовал контракт с мощной фирмой по спортивной экипировке «Найк». Кабальный контракт, подписанный без нашего ведома. Если бы мы сами занимались подобными соглашениями, совершенно очевидно, что у Госкомспорта денег было бы только больше. Не раз в прессе проскальзывало, что те, кто подписывал невыгодные контракты для государства, сохраняли при этом выгоду для себя. Я считаю, что это не так. И только по одной простой причине — из-за элементарного незнания предмета: данного вида спорта и его специфики, коммерческой конъюнктуры на Западе, правил юридического оформления и законов. Когда у референта, ведающего теннисом, еще десятки видов спорта, у него проблема — некомпетентность, она не может не возникнуть.

Я не раз говорил, что любое проведение мероприятий по контрактной системе должно опираться на юридические законы той страны, с которой подписывается контракт. Необходимо иметь их адвокатов и платить им в валюте. В конце концов это гораздо выгоднее. Но эти вопросы, к сожалению, не решаются и сейчас. Ими продолжают заниматься дилетанты. Поэтому и возникли сложности с проведением турнира «Вирджиния слимс», поэтому такие невыносимые условия у «Кубка Кремля».

— «В «Советском спорте» спонсор «Кубка Кремля» господин Какчури заявил, что он готов продолжать вкладывать деньги в турнир, который, по его словам, никакой прибыли ему не дал, но только без участия советской теннисной федерации. Ваши люди, сказал миллионер, мечтатели, они не подходят для бизнеса.

— Какчури выразился даже сильнее. Почему? Кто хозяин этого турнира? С нашей стороны: «Московские новости», спорткомплекс «Олимпийский», отдельно Александр Вайнштейн, потому что к этому времени он уже не работал в газете, но остался заместителем председателя оргкомитета — это три, Федерация тенниса СССР — четыре и западный партнер — пять. Возможно ли успешное проведение турнира, если у него пять хозяев и каждый тянет одеяло на себя?

Я считаю, что если бы оргкомитет не возглавлял председатель Совмина РСФСР и если бы всю черновую работу не провела бы Федерация тенниса, турнира могло и не быть. Но Федерация тенниса не является юридическим лицом, и никто не относится к ней серьезно. В переговорах с Какчури участвовали Игорь Волк и Гиви Мачавариани (председатель советской федерации и член ее президиума). Волк и Мачавариани пытались пересмотреть договор в пользу федерации и поломать то, что в контракте уже было узаконено. Попытка в ходе турнира пересмотреть финансовую часть договора, естественно, ведет к конфликтам. Но федерация, я повторяю, не имеет юридического лица, финансист турнира — «Московские новости», и неизвестно, кто и какую информацию поставлял во время переговоров Какчури. И его высказывание в адрес федерации имеет отношение только к двум ее руководителям.

В августе я стал директором турнира с советской стороны. Я, профессиональный тренер, смог привлечь тех людей, которые не дали турниру развалиться. Говорили, что «команда Тарпищева» вытянула турнир на тот уровень, на котором он прошел. Но самая негативная его сторона — это склоки, в которых погрязли люди, занимающиеся турниром, втянув в них партнеров с западной стороны, которые не в силах разобраться, кто здесь прав.

И хотя сегодня — полное взаимное неприятие между организаторами турнира с Запада и нами, Федерацией тенниса, но турнир спасен. Почему я им занялся? Если бы мы его провалили, то еще десяток лет в Эй-Ти-Пи не получили бы места в расписании больших турниров (АПТ — ассоциация профессионального тенниса.— **В.М-К.**). Официальной оценки турнира еще нет, но я могу предварительно сказать, что турнир прошел на высоком организационном уровне и был не хуже подобного турнира на Западе.

— Что означает сейчас в нашей стране, про которую твердят, что она падает в пропасть, провести турнир «не хуже», чем на Западе?

— Это значит, что мой рабочий день продолжается шестнадцать часов, как и рабочий день любого человека из моей команды. В моих руках было 44 службы, и 56 человек за них отвечали. И все эти 56 набирали еще свою команду. Нас собралось двести человек.

На Западе привыкли: если груз пришел, его моментально получили. Здесь все барьеры таможенные (благодаря сильному оргкомитету) были сняты — это чудо в нашей действительности. Но наша бюрократическая возня по оформлению груза, стояние в очередях, поиск груза, заказ машин и доставка его на место — это все оставалось.

Или вот: иностранцы привыкли прилетать в страну, где проходит турнир, без визы, игрокам ее проставляют в аэропорту, оттуда едут в гостиницу. Мы решили с МИДом проблему виз, но как разместить человека в гостинице «Интурист», если заранее не подана заявка? Или заявка сделана на пятое, а он приезжает третьего?

Еще. Транспорт для почетных гостей. Машина в гостиницу не приходит. Нет бензина, к тому же постоянно поломки. Это при том, что «Мослегтранс» сделал все, что мог. Нас спасли 30 машин фирмы «Ниссан» — совместного предприятия по аренде машин.

И таких проблем за день решалось с десяток и больше.

— Итак, такой турнир в нашей стране, по сути дела, все время на грани срыва? Нужен ли он тогда нам?

— Я считаю, что два мужских турнира (надеюсь, что с 1992 года будет «Кубок России» в Ленинграде, аналогичный по рангу «Кубку Кремля») плюс женский турнир из серии «Вирджиния слимс» и собственная издательская деятельность перекроют всю расходную часть по обеспечению внутрисоюзного тенниса и посылки молодежи, еще не ставшей профессионалами, за рубеж.

Нормальная организация турнира, если находится в руках специалистов, причем в одних руках, делает его почти беспроблемным.

— Кроме одного. Кто же будет проводить «Кубок Кремля» в 1991 году, если главный спонсор Какчури, чей контракт, если не ошибаюсь, на пять лет, отказывается иметь дело с федерацией?

— Мы обязаны пересмотреть договорные обязательства. Слишком мал наш доход от этого турнира. Мы найдем общий язык и пересмотрим наши финансовые соглашения, договор это предусматривает. Не получится?.. Турнир терять нельзя, может быть, найдется фирма, которая просто купит у Какчури турнир.

— А зачем ему турнир, если, как он говорит, прибыли нет? Ведь 300-тысячный приз — это только часть трат, сумма должна быть значительно больше?

— Думаю, что он потратил около двух миллионов, а получил не менее трех. Ведь было много спонсоров — от знаменитого «Байера» до «Пепси-колы», но для нас секрет, сколько они вкладывали. Но если он в нуле, если даже в убытке, то Какчури, у которого бизнес в СССР, приобрел довольно большой политический и рекламный капитал.

— Сейчас, когда тема отъезда стала столь же модной, как и вымогательство, почему мы не слышим о твоем контракте? Наверно, работу на Западе по профессии ты бы найти смог?

— Здесь все очень просто. Я всю жизнь хотел у себя на Родине увидеть тот теннис, о котором мечтал. Сегодня создалась такая ситуация, когда зная, что ты приобрел, можно использовать на реальное воплощение мечты. Мы можем сделать Федерацию тенниса в СССР одной из сильнейших организаций в мире тенниса и развивать направление сразу нескольких школ.

Но из-за того, что четыре года не решаются элементарные вопросы, мы потеряли всех ведущих игроков, которые предпочли индивидуальные контракты, не связывая себя никакими обязательствами с федерацией. Они заключили договоры с совместными предприятиями, кооперативами, теми организациями, которые могут оформить документы на выезд за границу. Мы уже начали терять юношей.

Любой игрок, который входит в ту организацию, о которой я мечтаю, должен получать все деньги, которые зарабатывает. Нам не нужны деньги игроков. Я против и той системы, что отбирает проценты у игроков. Я считаю, что любой из наших элитных теннисистов давно рассчитался с государством, давно оплатил то, что на него затратили. Призовые деньги игрока — это его трудовые деньги. Он волен ими распоряжаться, как хочет. Наша цель — создать такие условия, чтобы игрок сам пришел в организацию. Мы должны в федерации иметь такую посредническую деятельность при заключении контракта с другими партнерами, чтобы эти контракты были выгоднее игроку, чем те, которые предлагает западная фирма. Но все, о чем я говорю, возможно только при прямой внешнеэкономической деятельности советской теннисной федерации, а это пока нереально. И именно это надо было решать четыре года назад.

Федерация может получить самостоятельность, которую ей давно обещает Госкомспорт, но при этом она не будет иметь ни одного игрока. А без них она не имеет права на жизнь. Нам нужны не их деньги, а их имена.

Если бы Чесноков приехал на «Кубок Кремля» — это привлекло бы еще пятьшесть звезд. Но если Чесноков не играет, то подозревают, что в России что-то не так, и не приезжают. Я был свидетелем, как финский игрок, приехав на отборочный турнир, торопился позвонить первой ракетке Финляндии, чтобы сообщить: в Москве все в порядке, он может сюда приехать. Но вот турнир состоялся. По деньгам он был 35-м в мире, а по составу участников — восемнадцатым. Для «трехсоттысячника» — таков призовой фонд — это редкий показатель.

Пока еще наши лучшие игроки выступают за команду в Кубке Дэвиса, потому что они хорошо относятся к стране и нормально ко мне. А испанцам, которые у нас выиграли в Москве матч, за победу заплатили сто тысяч долларов.

А что касается собственного контракта, то я имею предложения и из ФРГ, и из Объединенных Арабских Эмиратов. Но жить хочется мечтой. И если она не сбудется, тогда и я уеду.

— Уже третий год я слышу разговоры о самоопределении федерации. Вот-вот подпишут документы, и это «вот-вот» все продолжается и продолжается, конца не видно. Это сознательный процесс сдерживания независимости?

— Злого умысла нет, есть неповоротливость бюрократической машины. Федерация не может получить самостоятельность на внешнем рынке, зато любой игрок может делать все, что он пожелает, не опираясь на наше законодательство. Подписывает сам контракт и играет, где хочет. Никакой толковой налоговой политики нет. Я могу объяснить, почему Госкомспорт оказался раздетым. По своему «революционному» шагу он может платить игроку по 50 проц. выигранной валюты, а совместные предприятия, которые на два года освобождены от налога, согласны забирать 30—40 проц. или фиксированную сумму. Платите в год двадцать тысяч, остальное все ваше. Пока игрок молодой, он ездит от Госкомспорта, то есть находится на государственном обеспечении, как только он поднялся до пятидесяти лучших, он говорит Госкомспорту: «До свидания». А если игрок подписал контракт на Западе, он подчиняется тем законам, и мы уже вмешиваться не можем. Единственный способ — сделать здесь контракт лучше, но мы, опираясь на наше законодательство, неспособны на такое.

Я предпочитаю, чтобы федерация, уходя, не разрывала связи с Госкомспортом, а работала на договорных началах. У тенниса на сегодняшний день нет ни одной базы, ни одной своей школы, ничего нет, и федерация финансово обречена. Этот процесс прошла Югославия, и ни один сильный тренер не работает там в своей стране. Николо Пилич — тренер сборной ФРГ. Фролович открыл пару ресторанов. Да что далеко ходить. Где наши сильнейшие? Крошина, Бакшеева, Метревели, Мозер?

Параллельно процессу создания федерации должно проходить создание клубов. Чтобы игроки в клубе заключали контракты. Клубы немощны, надо искать сильного спонсора. Но это тоже вариант. Если федерация докажет свою дееспособность, то клубы сами к ней потянутся.

Мы теряем не только лидеров, а десятки людей, которые уезжают тренировать, играть за западные клубы. Работая в государственных организациях, тренер обречен на маленький заработок: подкидывая мячи, то есть занимаясь частными уроками, он зарабатывает много, но теряет квалификацию.

— Есть ли какой-нибудь выход, чтобы теннис высокого класса не исчез в Советском Союзе?

— Мы уже опоздали. Осталась только маленькая надежда: если федерация получит статус юридического лица, то она сможет найти капитал, который был бы способен откупить советских игроков с их нынешних контрактов. На это еще есть полгода, дальше уже ничего не получится.

ОТ АВТОРА.

Вот такой получился разговор.

Теннис, как и, к великому сожалению, многое в нашей жизни, будет находиться на грани вымирания, пока нашими целями будут: не потратить много денег, соблюсти мертвые правила косных ведомств, не рисковать и не высовываться лишний раз. Пока в нашей жизни отсчет будет вестись с цифры, а не с человека.

С человека, которого надо растить, беречь, воздавать ему должное, а потом уже его взлет отзовется и выгодой государства, и нашей гордостью... И даже не это самое главное. Главное, чтобы каждый человек смог делать то, что хочет и умеет, и имел возможность делать это так, как может.

И тогда он станет звездой. И будет светить всем нам.

Виталий МЕЛИК-КАРАМОВ

Владимира Ивановича Сергеева читателям «Огонька» представлять не надо. Имя ведущего инспектора Комитета народного контроля СССР прочно ассоциируется с темой привилегий для высшего командного состава Министерства обороны. Мы встретились с ним на заседании Комиссии по привилегиям, где он делал доклад. Во время первого и весьма нервного перекура я подошел к Сергееву.

Анатолий ГОЛОВКОВ

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ РУЛЕТКА

Разговор с полковником юстиции в перерыве заседания парламентской комиссии

— Владимир Иванович, скандал с дачами для генералов не прекращается. Наши читатели, например, пишут, что изрядно устали ждать, когда же наконец Верховный Совет СССР расставит точки над «i».

— А мы, народный контроль, по-вашему, не устали?.. Думаю, что волокита будет длиться, пока сохраняется каркас тоталитарного режима. И это при том, что в стране не существует ни одного конкретного государственного акта, который бы давал кому-то законные права на привилегии. Они просто узурпированы партийной и государственной властью, которая наделяла всяческими льготами своих защитников. А чтобы придать этому беззаконию видимость законности, издавали совместные постановления, распоряжения, в основном секретные... На почве дележа благ между властью и военной верхушкой возник симбиоз единомышленников, которые и сегодня поддерживают друг друга.

— Ну, а если обратиться к конкретным примерам этого симбиоза?

— Многим уже известен так называемый «объект Заря» — бывшая дача Генерального секретаря ЦК КПСС, а теперь резиденция в Крыму. Она возведена военными строителями под руководством бывшего заместителя министра обороны СССР маршала инженерных войск Н. Ф. Шестопалова, который строил и другие объекты на юге и в Подмосковье. Это послужило руководству Министерства обороны своеобразной «индульгенцией»: одним можно, а другим нельзя? Не хочется повторяться насчет строительства роскошных особняков в Архангельском и Барвихе для руководящего состава Министерства обороны. Но доказано, что ассигнования из военного бюджета на эти дворцы ничем не обоснованы и противозаконны. И что же? Партийно-государственная олигархия с необычайной легкостью отпустила эти «маленькие прегрешения»! Прямой ответственности не понес никто.

Десятки писем поступили в центральные органы, в том числе и в Комитет народного контроля о злоупотреблениях Н. Ф. Шестопалова. Проводились проверки. Выявилось такое, что, окажись на месте маршала простой смертный, ему бы явно не поздоровилось. Впрочем, простой смертный и не обладает такой властью, как Николай Федорович, чтобы, скажем, незаконно устраивать в престижное садовое товарищество своего брата или выколачивать для дочери роскошную (63,5 кв. метра) квартиру по улице Кропоткинской из фондов ЦК КПСС. Или передавать в собственность сыну, тогда еще слушателю Военной академии, свой садовый участок в кооперативе.

Распределял Николай Федорович, как хотел, земельные участки в садовых товариществах «Дубки» и «Березки», жаловались на него. Помимо нашей, были еще проверки ЦК КПСС, КПК при ЦК КПСС, Министерства обороны — все как с гуся вода...

У военной верхушки все, как говорится, схвачено. Вот расследуем факт: в 1983 году из города Мукачево в поселок Архангельское приглашают отставного подполковника С. С. Богачука-Козачука. Пристраивают его там на должность мастера лесопаркового хозяйства, хотя бывший воин сосны от ели отличить не может. Выдают ему двухкомнатную квартиру... «Вот везуха!» — вздохнули бы тут тысячи офицеров-отставников, которые годами маются, не имея крыши над головой. А все объясняется просто: дочь Богачука-Козачука была замужем за сыном помощника министра обороны адмирала С. С. Туруноae. Так что не родись красивым, а заведи родича, тогда тебе и тепленькое местечко для службы отыщется, и после ухода в отставку тебя не забудут!

— Стало быть, в распределении льгот и благ в среде высшего командного состава существует некая закономерность? Мне это; образно говоря, представлялось так: дослужился до определенного чина — тебя допускают к некоему столу, где сидят люди в погонах, расшитых звездами, крутят рулетку... Выиграл — получи свое, не повезло — потерпи...

— Похоже, так, только игра эта беспроигрышная для всех участников, хотя и выигрыш, разумеется, разный. А со стороны посмотреть — все так нежно и заботливо относятся друг к другу, соблюдая, конечно, субординацию. Утянет кто-то из-под носа боевых друзей кусок пирога — ногами не бьют. Так, пожурят маленько... На первый взгляд, особенно для непосвященных, это всепрощение выглядит странновато. Но это лишь на первый взгляд.

В докладной записке генерал-майора В. Р. Маркова на имя начальника Главпура А. Д. Лизичева по поводу проверки «деятельности» маршала-строителя я прочел: «Пригласить т. Шестопалова Н. Ф. для собеседования в Главное политическое управление». И это, спросите, все, на что способен Главпур? С одним там дружески беседуют. С другими, рангом пониже, поступают беспощадно. Для одного из подчиненных Шестопалова, генерала, которого я хорошо знаю как человека порядочного, развод с женой и женитьба на другой женщине обернулись тем, что он был привлечен к строгой партийной ответственности «за аморальное поведение», понижен в должности.

Ну, а как поживает сам недавний идейный вдохновитель Вооруженных Сил генерал армии А. Д. Лизичев? Наверное, неплохо: в двухэтажной комфортабельной даче, где общая площадь первого этажа 156 кв. метров, второго — 98,6! Имеется на участке скромная сторожка с финской баней (112,3 кв. метра), душевой, ванной, комнатой отдыха и на всякий случай еще тремя жилыми комнатами. Платит товарищ генерал армии только за два дачных этажа (в первом полугодии 1990 года им внесено немногим более 600 рублей). Что же до сауны и прочих построек, то они бесплатны. Почему, спрашивается? Потому, что на эти постройки не заключен арендный договор, а договор, как известно, дороже денег! Тем не менее «строения» недешево обходятся Министерству обороны, на них аккуратно начисляются амортизационные отчисления.

Так с какой же стати генералу армии Лизичеву было ссориться по каким-то пустякам с маршалом Шестопаловым?

А чтобы узурпация народного добра выглядела пристойнее, из недр государственной власти нет-нет да и всплывает какой-нибудь документ. Из последних, наиболее заметных — письмо, подписанное 22 октября 1990 года Н. И. Рыжковым. Там разрешается **«министрам всех рангов и председателям Госкомитетов расходы на содержание и эксплуатацию дач, предоставленных им в соответствии с постановлением ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 8 февраля 1990 года № 139-23, относить за счет доходов от хозяйственной деятельности этих министерств».**

Любопытно, за счет каких «доходов», если сами министерства сидят на дотации? Лихо, не так ли? То есть сначала известили о том, что дачи предоставляются за деньги всем, кроме трех первых лиц государства, успокоили, так сказать, общественное мнение. А спустя несколько месяцев поступает «подарок» от премьер-министра членам его кабинета — чего там, братцы, живите уж на своих гектарах, в своих особняках бесплатно, пользуйтесь! Не нами, мол, такой порядок заведен.

Кто же следующий? Кого там еще завтра облагодетельствуют от Совмина?

У вас есть проблемы с мебелью? А вот у владельцев генеральских дач — нет. Они покупают не только мебель — телевизоры, холодильники, посуду, постельное белье как бы сами у себя, да еще по заниженным ценам (с учетом «износа»). Этими вполне приличными, часто почти новыми вещами еще не так давно были обставлены их дачи. Как тут людей не понять? Так привыкнешь к государственному дивану с инвентарным номером на боку, что расстаться с ним нету мочи... Министерству обороны барахлишко, тогда еще новое, обошлось в 189 600 рублей. Продали же его за 132 800 рублей. И это при том ущербе, который и так был нанесен бесплатными привилегиями.

От военных поместий не отстают и государственные дачи других ведомств. Они впечатляют ничуть не меньше. Например, члены парламентской комиссии глаз не могли оторвать от партийных владений товарища Соломенцева...

— Простите, Владимир Иванович, но какой-то безысходностью веет от ваших слов... Неужели так и не найдется в стране сил, облеченных народной властью, чтоб наконец покончить с привилегиями?

— Стараюсь быть оптимистом. Но я практик, юрист. А жизнь, увы, доказывает, что высшая элита, которая узурпировала незаслуженные блага, сама у себя их не отнимет. Она свои земные зáмки на воздушные не сменит. Прокуратура, скажем, проводит проверку, находит злоупотребления. Направляется представление министру обороны, Главпуру, ЦК КПСС. Комитет народного контроля по своей линии обнаруживает еще большие нарушения и посылает записку в... Совет Министров СССР. Все работают, все при деле. Но вращаются эти документы по заранее предопределенному кругу, по наезженной бюрократической колее. И тогда начинает казаться, что мы бессильны что-либо изменить в этой порочной системе. Сейчас мне кажется, что если даже парламент примет серьезные общесоюзные законы по поводу привилегий, то бюрократы все равно быстренько научатся их обходить — себя-то уж не обделят!

— В конце концов и заниматься расследованиями становится небезопасно...

— Лично я это на своей шкуре прочувствовал. Во-первых, мы никак не можем договориться, чтобы парламентской комиссии перестали чинить всякого рода препятствия. Вот 26 ноября 1990 года я, народные депутаты СССР И. И. Мисун, Я. Я. Безбах и народный депутат Красногорского горсовета М. Ф. Савченков поехали в Баковку Московской области, чтобы осмотреть некоторые «военные поместья». Речь идет о дачах С. Л. Соколова, даче А. Д. Лизичева, о месте отдыха Д. Т. Язова и Доме приемов № 2 Министерства обороны.

Поначалу военные не возражали против нашего визита и даже выделили сопровождающих — генерал-майора

Д. Д. Ярмака, полковников Н. Ф. Поляха и Ю. Г. Соколова. На КПП нас встретил мужчина средних лет в штатском, представился прапорщиком, но фамилию назвать отказался. Тут генерал Ярмак огорошил новостью: «Разрешение на допуск дает Девятое управление КГБ СССР». «Что ж, — предложил я, — давайте позвоним в КГБ и узнаем, кто именно распорядился не пущать народных депутатов для осмотра дач. Тем более что Девятое управление уже давно не Девятое...» Там, на КПП, маясь от вынужденного ожидания, прочли список лиц, которые имеют право проходить на территорию дач. Ими оказались 28 военнослужащих срочной службы, 37 офицеров и прапорщиков, 18 служащих Советской Армии. В общем, прождали мы у забора почти час и вернулись ни с чем в Москву...

Во-вторых, мои выступления в печати, в частности в «Огоньке», по поводу генеральских дач даром не прошли. Сначала меня принялись убеждать, что я, дескать, «занял неправильную позицию», «занимаюсь очернительством Вооруженных Сил и их славных руководителей». Не подействовало. Незадолго до заседания этой парламентской комиссии подсунули моему сыну письмо, где сулили награды, если он сумеет убедить отца не выступать. Такое же письмо с предложением выкрасть у меня «дачные документы», за что сулили подарить меховую шубу, адресовали жене. Потом начались звонки по телефону с угрозой расправы. А сейчас мне недвусмысленно намекают на то, что я, мол, могу остаться без работы. Что ж, момент для этого самый что ни на есть подходящий: Комитет народного контроля готовы распустить, создают какой-то новый контрольный орган, где для вашего покорного слуги просто может не найтись места.

Меня трудно взять на испуг. Но, поверьте, все в конечном счете будет зависеть от тех, кто по-прежнему сидит в тени, но при реальной власти и кто привык дергать за ниточки кадровой политики. Убежден, что если формированием нового контрольного органа займется ЦК КПСС, то, конечно же, моя судьба и судьба других «неугодных» сложится именно так, как предсказывают «доброжелатели».

* * *

С этими словами В. И. Сергеев извинился, поскольку начинался второй раунд дуэли между заместителем министра обороны СССР по строительству и расквартированию войск Н. В. Чековым и членами парламента.

Диковинное это было зрелище. Народные депутаты наступали напористо и возмущенно. Их можно было понять: результаты проверок в нормальную человеческую логику не укладывались. Генералы, сидя за тесными столами, как провинившиеся школьники за партами, вяло оправдывались, покрываясь багровыми пятнами. Но отнюдь не от стыда, нет! От переполнивших их чувств к тем, кого еще вчера они могли растоптать, кого вчера еще не знали даже в лицо, с кем никогда не считались.

Генерал-полковник Чеков рисовал перед изумленной комиссией совершенно идиллическую картину. Миллионы народных рублей из средств на оборону страны, воплощенных в мраморе особняков, голубой глади бассейнов, благородном дереве саун, бетонной твердыне гаражей, оказывались тысячами. Тысячи — сотнями. И сами дворцы прямо на глазах превращались едва ли не в убогие хижины, «дачные строения». Разве не могут там перевести дух военные люди, денно и нощно пекущиеся о том, как отразить грядущую агрессию врага, расслабиться в баньке, выпить рюмочку-другую среди домочадцев?

В «Советском энциклопедическом словаре» издания 1987 года (то есть третьего года перестройки и активного строительства генеральских дач) я не нашел объяснения понятию «воровство». Это слово там отсутствует. Но «Словарь» солидным абзацем учит нас, что такое «Вооруженные Силы СССР»: они «осуществляют защиту *социалистических завоеваний* советского народа...» А вот Владимир Иванович Даль, наш великий соотечественник (и, между прочим, военный морской офицер, а затем военврач, участник войн), в своем «Толковом словаре» пишет: «Закон наш поныне различает *воровство-кражу*, похищение прямое, и *воровство-мошенничество*, обман, плутовство». Как же, уважаемые маршалы и генералы, определить род действий, в результате которых на народные рубли возводятся для вас бастионы?

В прошлом году вы изволили потратить на виллы для товарищей В. М. Архипова, М. А. Моисеева, К. А. Кочетова (того самого, чей след отпечатан навеки в Тбилиси), а также под номером 1 — Д. Т. Язова — 808 700 рублей (по мнению строителей, чуть больше миллиона). И это не считая сотен тысяч рублей на капитальный ремонт особняков в поселке Горки-VI и Архангельском! Не считая зарплаты для вашей прислуги — кочегаров, слесарей, шоферов, строителей, связистов, строителей-ремонтников, хотя прислуга запрещена. Как относится министр обороны к тому, что, по самым приблизительным подсчетам, с владельцев дач не взыскано более 40 000 рублей?

Пишу эти строки, зная, что снова обрушится на «Огонек» шквал раздражения и недовольства различных чинов из Министерства обороны... Как потекут в ЦК КПСС (по старой привычке доносительства) письма от обиженных родственников, тех, кто вовсе не намерен покидать насиженные места. Отчетливо вижу руку в маршальском обшлаге, набирающую по спецсвязи номер Президента: «Михаил Сергеевич, до каких пор будут шельмовать армию?!» Что ж, возможно, будет и так. До тех пор, пока не примут четкий, подробный закон о том, кто из руководителей имеет право на льготы (и на какие именно), а кто нет.

Маршалы и генералы иногда любят именовать себя солдатами. Ну что ж, среди высшего командного состава Министерства обороны есть фронтовики, например, сам министр, ветераны Афганистана... Помнят ли они о том, что в центре России расположена психиатрическая больница, где в полунищете один за другим умирают те, кто под шквальным огнем 1941—1942 годов лишился рассудка? Для них все еще продолжается война, они еще кричат по ночам: «За Родину, за Сталина!» Нам нужно знать, видны ли из-за неприступных заборов Архангельского и прочих генеральских заповедников слезы ветеранов войны, которым сегодня раздают благотворительные посылки из побежденной ими Германии... Слышны ли голоса бывших фронтовиков из Свердловска, где в переполненном госпитале им приходится лежать в коридорах... И что думается маршалам и генералам о тех тысячах офицеров, прапорщиков из близких и далеких гарнизонов, которые вынуждены содержать свои семьи на более чем скромную по теперешним временам зарплату, в комнатенках без удобств, в переполненных общежитиях... Они тоже армия. Та армия, о которой всегда помнит «Огонек», чьи заботы и тревоги разделяет, в которую верит и которой стремится помочь! ■

Юрий СОЛОМОНОВ

КАК ЕГОР ЛИГАЧЕВ «СОВЕТСКУЮ КУЛЬТУРУ» ПОДКУЗЬМИЛ...

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОЧЕВИДЦА

...Вечером ко мне в гости заявился приятель из Праги. Привез подарок, настольную игру под названием «Монополия», такую модель рыночной экономики. Жена и веселый словак сели играть, рыночные отношения они скрепляли кофе с коньяком, предлагая присоединиться и мне. Но я отказался. Утром меня ждала встреча с тем, кто на дух не переносил ни коньяка, ни рынка. Редакцию «Советской культуры» должен был посетить секретарь ЦК КПСС по идеологии Егор Кузьмич Лигачев.

Ждать его начали давно, с тех пор, как он изъявил желание. Уже дважды тревога оказывалась ложной. Как-то на этажах даже появились рослые молодые люди, которые тщательно изучили все помещения и, по слухам, оросили наши туалеты спецдезодорантом. Любопытствующие заглядывали в туалет и констатировали: да, запах не тот, что прежде.

В один из тех дней корреспондент Татьяна Меньшикова прибыла на работу в брюках. Из уст обычно спокойного и доброго редактора отдела Виталия Ганюшкина вылетел вопль: «А если он возьмет и приедет сегодня?!» Брюки могли быть восприняты как «подрывной элемент» и испортить впечатление о редакции. Здание последней в связи с предстоящим посещением, конечно же, отремонтировали. В кабинеты на смену старой рухляди завезли новую мебель, полы застелили неким ковровым покрытием, против которого, по слухам, возражали пожарники. Но кто их слушал, когда надвигалось такое!

Нет, вылизанная до блеска, готовая к встрече редакция не могла принять в свое лоно ни женщин в брюках, ни мужчин, пьющих с вечера коньяк и играющих в рыночную экономику. Вот почему в день визита 1 июля 1987 года мы были подобающе одеты и на наших лицах не лежали тени греха.

Мне было поручено ответственное дело — записать все, что будет высказано высоким гостем в непринужденных беседах, чтобы потом передать атмосферу встречи в газетном отчете.

С записывающей, впрочем, как и со всякой другой, оргтехникой в редакции было плохо. Но с утра в день визита из бог весть каких складов мне была доставлена целая коллекция диктофонов, импортных и отечественных, проверенных временем и совершенно новых, экспериментальных. Какие-то люди из издательских служб вносили в мой кабинет пачки кассет и килограммы батареек.

Этого хватило бы, чтобы записать «Тысяча и одну ночь», но чувство тревоги не покидало меня. А вдруг в момент, когда встреча достигнет пика откровенности и непринужденности, техника предательски откажет?

Я не знаю, как выглядит террорист, но, думаю, я, с карманами, набитыми диктофонами, напоминал бомбометателя, загнанного в угол и готового к самоликвидации. Подозрительность собственного силуэта сильно меня беспокоила, и потому я решился приблизиться к молодому человеку, дежурившему у входа, и несколько развязно (от волнения) дал ему понять, что я «свой» и тоже нахожусь на задании. У каждого, мол, своя работа и давайте друг другу не мешать!.. Понял ли человек из «девятки», чего я от него хочу, не знаю, ибо в это время по этажам прошелестело: «Приехал!»

Паренек всунул себе в ухо маленький наушник и весь ушел в мир государственной безопасности. Я же выхватил самый надежный диктофон и ринулся выполнять свое задание.

Мое рвение оказалось преждевременным. Свой визит Егор Кузьмич и сопровождающие его лица начали с кабинета главного редактора, куда я впущен не был. Позже выяснилось, что в кабинете главного обсуждался план посещения. В начале визита были намечены встречи в отделах редакции, потом общее собрание коллектива с программным выступлением Егора Кузьмича.

Наконец, выйдя из кабинета главного, Лигачев Е. К. и сопровождающие его лица направились к нам, на «общественно-политический этаж».

К этому времени в отделе, куда двигался высокий гость, завершался жаркий спор. Корреспондент В. Потапов, писавший о реконструкции крейсера «Аврора», мечтал продемонстрировать Лигачеву подлинную заклепку от подлинного флагмана революции. Заклепка была довольно увесистая, а спорили о том, должен ли корреспондент извлечь ее неожиданно из кармана в ходе непринужденной беседы с секретарем ЦК или заранее откровенно водрузить на стол. Потапов прямо признался, что робеет запускать руку в карман, так как реакция профессионалов из охраны, как известно, опережающая. Наличие же на столе в вылизанной комнате ржавой заклепки тоже способно было вызвать недоумение той же «девятки», ибо определенную принадлежность к боевой мощи у этой вещи нельзя было скрыть.

Все же решено было распределить опасность на всех и заклепку на стол положить.

Есть фотография, в некотором роде уникальная. За собственным большим столом сидит в своем кабинете редактор отдела В. Ганюшкин, а сбоку, за небольшим приставным столиком,— Егор Кузьмич, вроде бы случайный посетитель. То ли читатель, то ли автор. Но если бы этот кадр удалось «озвучить», то оказалось бы, что хозяином сидящий за большим столом вовсе себя не чувствовал. Потому что докладывал скромному посетителю, чем он лично и руководимый им отдел тут занимаются.

Гость немного послушал, потом ему это надоело, и он стал давать хозяину советы, как надо тут работать. Это был «мой момент», я включил свой диктофон и попытался подсунуть его поближе, но помощник Лигачева сделал жест рукой: не надо! Я сразу перестал.

Впрочем, насколько помню, речь Егора Кузьмича была подкупающе простой и доступной. Он советовал нам, как правильно и быстро строить клубы, размышлял о капитальных вложениях, марках цемента, и я уже легко представил, как он, можно сказать, главный идеолог той поры, запросто проводил селекторные планерки, например, на железных дорогах страны, легко и быстро вникая в самые разные сферы деятельности и помогая труженикам этих сфер понять, в чем секреты их нелегкой работы.

Рассказал Егор Кузьмич и о том, как в Новосибирске и Томске он поднимал науку, развивал образование, как круглый год выращивал овощи. Как решал проблемы досуга, всем видам спорта предпочитая лыжный. Как сибиряку, мне это было особенно понятно.

Не знаю, в каком климате проходило детство сопровождающих Егора Кузьмича лиц, но они, стоя полукругом в некотором отдалении, понимающе улыбались и согласно кивали. А когда толпа ответственных издательских и партийных работников двинула за Лигачевым по коридору, я услышал, как один из них доверительно шепнул другому: «Мне вообще кажется, что из всех видов спорта для нас важнейшим являются лыжи...»

Прибыв в социально-бытовой отдел, Егор Кузьмич и здесь внимательно выслушал рассказы сотрудников о том, как плохо обстоят дела со строительством клубов. И здесь его рекомендация последовала немедленно: «Вы, журналисты, должны бить в одну точку!»

Но поскольку о методах строительства он уже подробно поговорил, здесь он заострил наше внимание на борьбе с пьянством. Он высказал неудовольствие тем, что «Советская культура» мало еще занимается борьбой с употреблением спиртных напитков в творческой среде. Кто-то робко вякнул, заметив, что поскольку пьющих музыкантов в стране гораздо меньше, чем пьющих рабочих и крестьян, то... Но Егор Кузьмич на это хитро сощурился, как бы говоря: ай-я-яй! Уж своих-то не надо выгораживать!..

И вдруг в этот напряженный момент замзав отделом М. Смирнова выдохнула: «Егор Кузьмич, а можно пожаловаться?»

Наступила могильная тишина. Люди, окружившие место встречи, как-то сразу стали еще выше и сомкнулись еще теснее. У отдельных начальников побелели щеки.

«Пожаловаться? — бодро спросил Егор Кузьмич.— Ну, попробуйте!..»

«Вы знаете,— сказала Маргарита,— как нам, газетчикам, подчас трудно добыть необходимую информацию. Почти на всем стоит гриф «секретно» или «для служебного пользования»...»

Принимающая гостя сторона перевела дух. Многие вернулись в позицию «вольно».

«Знаю,— сказал Егор Кузьмич.— Ну, что я вам могу посоветовать.... Вы на то и журналисты, чтобы уметь до всего, черт возьми, докопаться!»

Поскольку записывать на пленку мне не было разрешено, а вид человека с диктофоном раздражал профессионалов, я вернулся в отдел, с которого начался визит. Его работники все еще переводили дух и обсуждали предстоящий общий сбор, где некоторым предстояло выступать с трибуны.

Но тут выяснилось, что собрание переносится на завтра, поскольку Егор Кузьмич продлил свой визит до двух дней. Это открывало возможности для произнесения капитальных речей.

И мы их произнесли.

Когда сегодня я читаю в газете отчет об этой встрече, которая проходила всего три года назад, я не могу уразуметь, как мы, такие умные, такие прогрессивные, такие перестройщики и демократы, все это говорили?!

Мой друг и наставник В. Ганюшкин, опустив глаза, жаловался на то, что произошел перекос в нашей исторической памяти и «неприметно для нас самих стал стираться классовый, что ли, подход к наследию, приоритет нашего революционного, социалистического первородства...»

Возможно, этим застенчивым «что ли» милый Виталий пытался как бы оставить за собой мосток к общечеловеческим ценностям. Но, поймав на себе вдохновенный взгляд гостя, продолжил что-то про «новаторский дух на путях ускорения».

Почти все мы, выступавшие, умудрились странным образом соединить жанр устной жалобы с высоким пафосом передовицы из «Правды».

Корреспондент В. Потапов, конечно же, говорил о своем любимом крейсере «Аврора». Мол, после одной из его публикаций читатели просто завалили редакцию письмами, в которых сильно сомневаются, что «осуществляемая на крейсере реставрация ведется правильно». Собкор В. Качурин сетовал на то, что «кое-кто упорно не хочет видеть в газетчике надежного помощника партии...»

Егор Кузьмич одобрительно кивал, было ясно, что он ярко представил себе, как огромные читательские массы строчат письма, в которых проявляют озабоченность реставрацией «Авроры». Думаю, гость представил себе и ужасную картину, на которой от газетчиков, желающих быть «надежными помощниками», словно от назойливых мух, отмахиваются партийные чинуши.

Но когда на трибуну поднялась Т. Меньшикова (в юбке!), чтобы защитить «подлинный грамотный марксизм», и стала жаловаться на «сторонников аксиоматичности исторического знания», мне показалось, что Егор Кузьмич на минуту оторопел и задумался о лыжном спорте.

Именно я и вывел его из состояния задумчивости. Ведь это не кто иной, а я вдохновенно жаловался, что некоторые главные режиссеры театров не приемлют замечаний партийных руководителей, даже в виде дружеских советов. Это я бил тревогу по поводу того, что райкомы сдерживают рост партийных рядов творческой интеллигенции!

Что это было? Затмение? Приступ конформизма? Страх?

Не знаю. Но слово не воробей... Сию народную мудрость лучше нас понимал наш главный редактор Альберт Андреевич Беляев. Уж он-то выбрал тему, за которую и теперь не стыдно. Говорил о том, что на критические выступления газеты слабо реагируют руководители различных ведомств. Привел примеры бесхозяйственности и равнодушия к судьбе культурных учреждений. Еще сказал, что культура — это широкое понятие и надо добиваться, чтобы газета стала подлинно массовым изданием.

Что удержало «главного» от идеологических заклинаний? Опыт? Или то, что он не разделял взглядов Лигачева?

А мы разделяли?.. Повторяю, это было всего три года назад! В то время мы млели от комплиментов коллег и читателей по поводу нашей прогрессивной газеты и верности идеям перестройки. Кто же нас за язык-то тянул — нести такое?!

И если уж кто и не лукавил на той встрече, так это лично сам Егор Кузьмич Лигачев. Выступая от имени ЦК, он ориентировал нас «на широкий показ достижений и уроков Советской власти и на осуществление политики ускорения социалистического обновления. Нам есть чем гордиться, есть что показать». Он утверждал, что «подлинную ценность художественного произведения обеспечивает слитность глубокой партийной идейности и высокой художественности. Это единое и непрерывное целое». Он ставил нам в пример газету «Советская Россия» и секретариат Союза писателей РСФСР. Последний, оказывается, устами видных советских литераторов высказывал озабоченность, что в иных произведениях не встретишь слова «коммунист», а литературная критика избегает, порой стесняется самого понятия «соцреализм».

«Мы не отойдем,— заверил нас Егор Кузьмич,— от принципов классовости, реалистичности искусства, от коммунистической направленности культуры... В центр внимания надо поставить тему партийного, государственного руководства культурой...»

В конце своего выступления гость привел нам в пример еще одну газету — «Советский спорт», которая в течение многих лет ведет конкурс «Лыжня зовет», и призвал «раздвигать рамки деятельности, охватывать все участки». Тут мы уже не удержались и стали аплодировать.

Егор Кузьмич начал прощаться, когда к нему ринулся тогдашний редактор «Собеседника» В. Снегирев, стал звать хотя бы на минутку заглянуть в его редакцию. Не думаю, чтобы «Собеседник» тосковал по политическим указаниям. Скорее его коллективу пригрезились либо новое помещение, либо новая мебель. (Сказал же Егор Кузьмич, оглядев наш интерьер: «Все остается людям!» Все и осталось, ничего не забрали.)

Однако гость сослался на занятость, взревели моторы, и я больше никогда не видел этого человека в такой близи. Но где бы он ни появлялся потом, какие бы речи ни держал, на какие бы выпады ни отвечал, я видел, что он всегда оставался верен тому своему выступлению в нашем маленьком коллективе. Никогда не изменял своим принципам, за что и достоин уважения. Надеюсь, и мемуары, которые он выпустит, будут отличать те же искренность и прямота.

Ну, а мы, наверное, напишем свои. В день, когда визит в редакцию был завершен, мы еще долго сидели и гадали, зачем Лигачеву понадобилось нас посещать. Почему он выбрал именно нас? Долго спорили о сферах влияния в Политбюро, о раскладах сил и борьбе за власть.

А вечером, когда я уже был дома, пришел мой веселый словак и с заговорщицким видом извлек из «дипломата» зеленую бутылочку «бехеровки».

Мы сели играть в «Монополию». На сердце у меня было легко и спокойно. Встречу с секретарем ЦК мы провели на уровне. И уже погружались в иные времена, жили предчувствием чего-то нового.

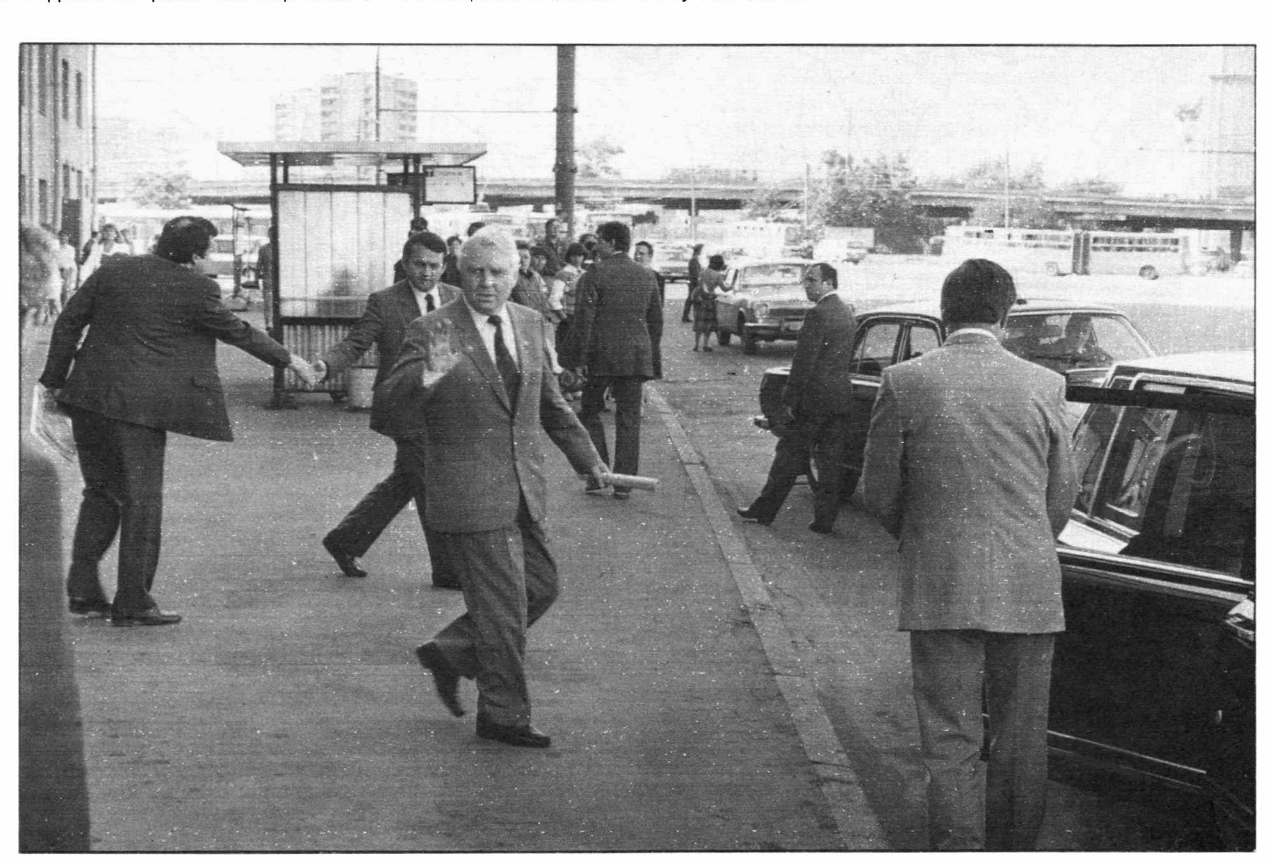
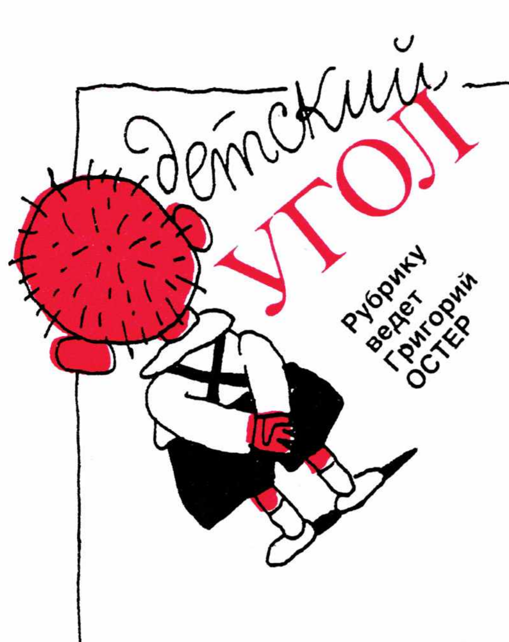

Фото Николая САМОЙЛОВА.

Вот уже тридцать лет поэт Генрих Сапгир пишет для детей стихи, пьесы, сценарии мультфильмов. И за это мы — дети и родители — должны быть благодарны Коммунистической партии, ее Центральному Комитету, всегда проявлявшему отеческую заботу о литературе и неустанно направлявшему ее в нужное ему (комитету) русло. Дело в том, что Сапгир «взрослый» поэт и, как он сам гордо признался, никогда б не догадался писать для детей, если б не выкручивали ему руки, не перекрывали всякую возможность заработать на хлеб «взрослым» творчеством. Но, однажды обратившись к детям, начав с ними игру на равных, он уже не смог расстаться с этой бесцеремонной и неподкупной публикой.

Теперь, когда уже никакая партия (тьфу, тьфу, чтоб не сглазить) не способна стать футбольной стенкой между поэтом и читателем, Сапгир продолжает игру двумя мячами — и взрослым, и детским. Сегодня его мяч в наших воротах. Гол!

Генрих САПГИР

ЛЮДОЕД И ПРИНЦЕССА, ИЛИ ВСЕ НАОБОРОТ

1

Вот как это было.
Принцесса была
Прекрасная,
Погода была
Ужасная.
Днем
Во втором часу
Заблудилась принцесса
В лесу.
Смотрит: полянка
Прекрасная,
На полянке землянка
Ужасная.
А в землянке — людоед:
— Заходи-ка
На обед! —
Он хватает нож,
Дело ясное.
Вдруг увидел, какая...
Прекрасная!
Людоеду сразу стало
Худо.
— Уходи,— говорит,—
Отсюда.
Аппетит,— говорит,—
Ужасный.
Слишком вид,— говорит,—
Прекрасный.
И пошла потихоньку
Принцесса,
Прямо к замку вышла
Из леса.
Вот какая легенда
Ужасная!
Вот какая принцесса
Прекрасная!

2

А может быть, было все наоборот.
Погода была
Прекрасная.
Принцесса была
Ужасная.
Днем
Во втором часу
Заблудилась принцесса
В лесу.
Смотрит: полянка
Ужасная,
На полянке землянка
Прекрасная.
А в землянке — людоед:
— Заходи-ка
На обед! —
Он хватает нож,
Дело ясное.
Вдруг увидел, какая...
Ужасная!
Людоеду сразу стало
Худо.
— Уходи,— говорит,—
Отсюда.
Аппетит,— говорит,—
Прекрасный.
Слишком вид,— говорит,—
Ужасный.
И пошла потихоньку
Принцесса,
Прямо к замку вышла
Из леса.
Вот какая легенда
Прекрасная!
Вот какая принцесса
Ужасная!

ПРО НЕПАЛЬЦА

Бедный маленький непалец
Наступил себе на палец.
Не реви, не плачь, непалец,
Не болит давно твой палец,
Потому что про непальца
Стих я высосал из пальца.

ГУСЕНИЦА

Долго я следил за ней.
А она с утра до ночи —
То сама себя длинней,
То сама себя короче.

БУТЕРБРОД

Чудак-математик
В Германии жил.
Он хлеб с колбасою
Случайно сложил.
Затем результат
Положил себе в рот.
Вот так
Человек
Изобрел
Бутерброд.

ФУТБОЛ

Сказала тетя:
— Фи, футбол!
Сказала мама:
— Фу, футбол!
Сестра сказала:
— Ну, футбол...
А я ответил:
— Во футбол!

БОЛЬШОЙ РЫБАК

У большого моря —
Маленький поселок,
Маленький поселок,
В нем — Большой Рыбак.
У Большого Рыбака —
Маленькая лодка,
Маленькая лодка,
В ней — большая сеть.
А в большой-то сети —
Маленькая рыбка,
Маленькая килька,
Не на что глядеть.

ТАРЕЛКА

Пришельцы были на Земле.
Тарелка села на столе.
Пришельцы с виду, как салат,
Вот их и съели, говорят.

МОЙ ПРИЯТЕЛЬ — ПАМЯТНИК

Прежде был у нас город
без памятника.
Что за город, если без памятника?
Он пришел на площадь,
шаг печатая,
И посередине стал, как статуя.

Голуби кругом, автомобили.
О приятеле все давно забыли.
Но зато у нас город с памятником.
Настоящий город, если
с памятником.

ЛУННАЯ ВЕЧЕРНЯЯ ИГРА

У меня на занавеске
Вышиты четыре масти:
Бубны, черви, пики, крести.
Распахну я занавеску,
Мы все вместе скажем:
— Здрасьте!
Бубны, черви, пики, крести.

А ко мне пришел приятель,
Посмотрел — и сразу спятил.
— Отчего, — он крикнул нервно, —
У тебя на занавеске
Крести, пики, бубны, черви?

Задыхаясь от азарта,
— Почему? — спросил он резко. —
У тебя сплошная карта,
А совсем не занавеска.
На окне игра повисла,
Я не вижу в этом смысла!

Я спокойно отвечаю:
— Сам я это замечаю.
Но ко мне заходит часто
Бледный месяц вечерами,
Прямо в окна входит:
— Здравствуй! —
И ложится на диване.

Разбираем все на части,
На четыре полных масти.
И играть садимся вместе
Я и месяц бледноликий:
Пики, бубны, черви, крести...
Черви, крести, бубны, пики...

ЛЮДИ И МАШИНЫ

Люди очень долго думали...
И додумались, придумали,
Чтоб машины тоже думали,
Помогая людям, думали.

И машины эти думали,
Что на самом деле думали.
А на самом деле думали
Люди — те, что их придумали.

ЛИ-МОН

Что за ЛИ?
Что за МОН?
В звуках нету смысла.
Но едва шепнут:
ЛИ-МОН,
Сразу станет кисло.

ВСТРЕЧА

Как-то раз на дне стакана
Карлик встретил Великана.
— Как же ты пролез в стакан? —
Удивился Великан.

МУТАНТЫ

Я уверен, что слоны-гиганты —
Это просто муравьи-мутанты.

ПИТОН-АРТИСТ

Говорил Питон со стоном:
— Стыдно стало
Быть Питоном!
Скучно ползать —
Повторяться,
То ли дело —
Притворяться!
На прилавок лег Питон,
Притворился, что — батон.
Вверх пополз,
Затем вернулся —
Сдобным бубликом
Свернулся.
Посмотрите на нахала:
Он — калач,
Плетенка,
Хала...
Чем же станет он потом?
Сам не ведает Питон.

Вот на дереве, пожалуйста,
Завязался,
Словно галстук,
Изогнулся,
Словно мост,
Стал антенной,
Встав на хвост.
Затрубил трубою —
Тубой,
Только звук
Какой-то грубый.
Подключил себе мотор —
Кран подъемный!
Транспортер!
И страшней всего, что было:
Вы заходите в подъезд,
Вдруг разинут пасть
Перила —
И подъезд
Кого-то съест.

ХТЫРДОВАТ

Ствол яблоневый узловат,
на нем мерцает кырдоват.
Куда все бабочки летят?
В мой сад летят — на тырдоват.

Приятель мне сказал в ответ:
«Твой бырдоват — какой-то бред!»
Я говорю: на первый взгляд,
а приглядеться — дырдоват.

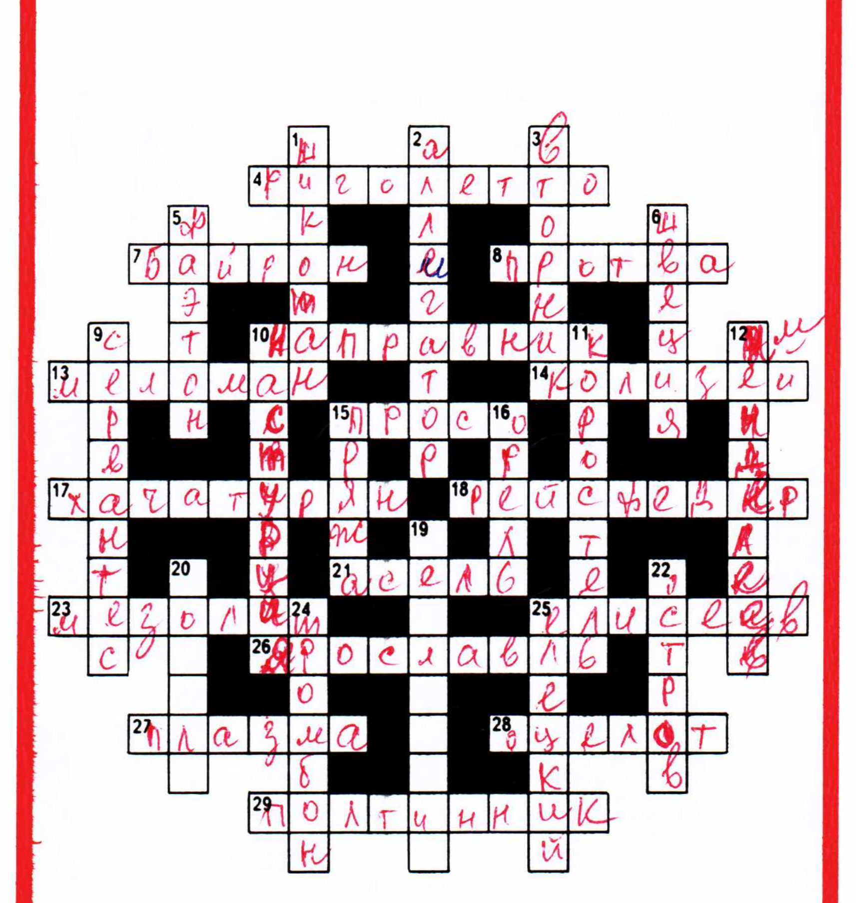
Приятель мой надел очки:
кора, какие-то жучки...
Я подтолкнул его: проснись!
Смотри: оно стекает вниз.

Подставил я кувшин, бидон,
а мырдоват течет на склон.
Застыл дорожкой стекловат —
любуйтесь: чистый пырдоват.

Ломайте — сладкий леденец,
на стекла режьте, наконец, —
и у меня сомнений нет,
что это что-то для ракет.

Совсем незрим и невесом,
напоминает детский сон —
и нет его на первый взгляд,
а приглядеться — хтырдоват!

Рисовал Валерий ДМИТРЮК

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Опера Д. Верди. 7. Английский поэт-романтик. 8. Приток Оки. 10. Композитор, дирижер, автор оперы «Дубровский». 13. Страстный любитель музыки и пения. 14. Памятник древнеримской архитектуры в Риме. 15. Хлебный злак. 17. Композитор, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда. 18. Чертежный инструмент. 21. Балет В. А. Власова. 23. Средний каменный век. 25. Летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза. 26. Областной центр в РСФСР. 27. Жидкая часть крови. 28. Большая дикая кошка, обитающая в Южной Америке. 29. Монета.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Самый большой остров в Малой Курильской гряде. 2. Крокодил, обитающий в Америке и в Южном Китае. 3. День недели. 5. Конный экипаж с откидным верхом. 6. Европейское государство. 9. Испанский писатель. 10. Однолетнее садовое растение с крупными красно-желтыми цветками. 11. Небольшая быстро бегающая птица. 12. Русский химик. 15. Нить из текстильных волокон. 16. Озеро в Хабаровском крае. 19. Пластмасса, применяемая для остекления приборов. 20. Степной дикорастущий злак. 22. Город в Псковской области. 24. Духовой музыкальный инструмент. 25. Действующее лицо в опере П. И. Чайковского «Пиковая дама».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Фокстрот. 5. Одеколон. 9. Микеланджело. 10. Хризолит. 12. Берсенев. 13. Неврев. 18. Параллелепипед. 19. Роза. 20. Дрил. 21. Лимб. 22. Джаз. 24. Эквилибристика. 28. Ластик. 31. Портулак. 32. Норильск. 33. Даргомыжский. 34. «Травиата». 35. Пластика.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Ойстрах. 3. Тритон. 4. Онегин. 6. Дежнев. 7. Кулиса. 8. Отблеск. 11. Теллур. 12. Беседа. 14. «Чародейка». 15. Магницкий. 16. Миллиметр. 17. Белобочка. 22. Джизак. 23. Заикин. 25. Пломбир. 26. Рисунок. 27. Рудаки. 28. Лангет. 29. Консул. 30. Сириус.

СВОБОДНАЯ ПОДПИСКА НА СВОБОДНЫЙ

ОГОНЁК

ЦЕНА ПОДПИСКИ НА 9 МЕСЯЦЕВ — 35 руб. 10 коп.
НА ПОЛГОДА — 23 руб. 40 коп.
НА КВАРТАЛ — 11 руб. 70 коп.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ!

ЭТО ВЫГОДНЕЙ, ЧЕМ ПОКУПАТЬ ЖУРНАЛ В КИОСКЕ.

1 руб. Индекс 70663